

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

**1 (29)
2017**

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 1(29)
2017**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

Международный редакционный совет:

Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент общества «Знание» России, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, Действительный член Международной академии информатизации, академик Академии политической науки, Академии гуманитарных наук, вице-президент российского общества социологов при РАН
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, Директор Института социологии и регионоведению Южного федерального университета, Директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Российской социологической ассоциации, член Общественной палаты РФ, иностранный член Сербской академии образования, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, Лауреат премии им. И.Г. Петровского (за цикл научно-педагогических работ по социологии), награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России. (Ростов-на Дону)
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, является Первым вице-президентом Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Международной академии информатизации ООН, Академии социальных наук, Академия политической науки, действительный член Российской Академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, член Российского общества социологов, член Союза журналистов. Член редколлегии общенационального научно-политического журнала «Власть» и журнала «Общество и право». С 1997 года является членом Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии
Петренко В.А.	Москва, Россия	доктор педагогических наук, Председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по социальной политике и здравоохранению, Представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Правительства Республики Хакасия
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»

Кулигин В.Д.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Государственного университета управления, член редакционной коллегии научного журнала «Научный Вестник Байкальского государственного университета экономики и права»
Лаптев С.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Акперов И.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	Кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», член редакционной коллегии научного журнала Российский академический журнал»
Моисеева Н.К.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и управления практиками МИЭТ, член редакционной коллегии научных журналов «Маркетинг», «Маркетинг услуг», «Организация производства»
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры налоги и налогообложение Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Бабаев Ю.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Московского гуманитарного института
Донцова Л.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры анализ хозяйственной деятельности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редакционной коллегии научных журналов «Лизинг. Технологии бизнеса» и «Финансовый менеджмент»
Горина С.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование», член редакционной коллегии научного журнала «Лизинг. Технологии бизнеса»
Тахмазов Р.Ф.	Баку, Азербайджан	доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Матулник Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Ариф Асалыоглу	Стамбул, Турция	Международный институт развития научного сотрудничества

Человек. Общество. Инклюзия

№ 1(29) 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Ответственный секретарь	кандидат социологических наук	М.В. Макарова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук	Е.В. Александрова
Математика 01.01.00	доктор технических наук, профессор	О.М. Полещук
Политология 23.00.00	кандидат политических наук, доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Психологические науки 19.00.00	кандидат психологических наук, доцент	Н.В. Вязовова
Педагогические науки 13.00.00	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Социологические науки 22.00.00	кандидат философских наук, доцент	Д.С. Райдугин
	доктор социологических наук, доцент	Е.О. Кубякин
	доктор социологических наук, доцент	Е.М. Куликов
	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Воеводина
Филологические науки 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	С.Н. Богатырева
	кандидат исторических наук, доцент	Гениш Эйюп
Философские науки 09.00.00	кандидат филологических наук доктор философских наук, профессор	П.А. Егоров А.В. Герасимов
	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Л.М. Аллахвердиева
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	кандидат юридических наук, доцент	В.В. Степанов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49,
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36.
Факс: (499) 160-22-05.

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: www.mggeu.ru, e-mail: makarova@mggeu.ru

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Smolin O.N. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-chairman of the Education Committee, First Vice President of the Russian Paralympic Committee, Academician RAO, President of the Knowledge Society in Russia, President of The Publishers Association and Users of the Educational Literature «The Russian Textbook»

Gorshkov M.K. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full member of the International Academy of Informatization, Academician of the Academy of Political Sciences, Academy of the Humanities, Vice-President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia - Ph.D in Philosophy, Professor, Director of the Institute of sociology and regional studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Sociological Society, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Foreign Member of the Serbian Educational Academy, Honored Scholar of the Republic of Ingushetia, Honored Scholar of the Republic of Adygea, Prize Winner by I.G. Petrovsky (for a cycle of scientific and pedagogical works on sociology), awarded by Pitirim Sorokin Silver Medal for Contribution to the Development of Sociology in Russia. (Rostov-on Don)

Marshak A.L. Moscow, Russia - *Ph.D in Philosophy*, Professor, First Vice President of Social Security Fund of Nuclear, Natural and Technogenic Catastrophe (“Rescue”), Member of UN International IT Academy, Social Science Academy, Political Science Academy, Titular member of Russian Academy for Entrepreneurs, Honoured Worker of Higher Professional Education, Fellow of Russian Sociological Society, Journalists Union Member, Editorial Board Member of Scientific-and-Political Journals “Power” and “Society and Law”. Since 1997, Member of Advisory Council of Higher Attestation Commission on Philosophy, Sociology and Culturology

Petrenko V.A. Moscow, Russia - Ph.D in Pedagogics, Chairman of the Welfare and Health Care Committee of the Council of the Russian Federation, Representative from the Republic of Khakassia in the Federation Council of the Russian Federation

Nitsevich V.F. Moscow, Russia - Ph.D in Political Science, Professor, the acting rector of FSBEI «Moscow state automobile and road technical University (MADI)»

Mironov A.V. Moscow, Russia - Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in- Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Editorial Board Member of Scientific Journal “Poisk”

Kuligin V.D. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Economic Theory of State University of Governance (Management, Administration), Editorial Board Member of “Baikalsky State University of Economic and Law Scientific Bulletin

Laptev S.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Akperov I.G. Rostov-Don, Russia - PhD in Technical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Private Educational Institution Chancellor “Yuzhny University”, Editorial Board Member of “Russian Academic Journal”

Moiseeva N.K. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Marketing and Management Practice Department, Editorial Board Member of “Marketing”, “Service Marketing”, “Industrial Engineering”

Gryzunova N.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Tax and Taxation Department of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Babaev Y.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Economy and Management Department Professor of Moscow University of Humanities

Dontsova L.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Analysis Department of Plekhanov Russian Economic University, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology” and “Financial Management”

Gorina S.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor, General Manager of LTD “Audit and Consulting”, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology”

Takhmazov R.F. Baku, Azerbaijan - Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic, Ph.D in sociology - Head of the Chair of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic - Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Arif Asalyoglu Istanbul, Turkey, Ph.D in History, - International Institute of Scientific Cooperation Development

Human. Society. Inclusion

Issue 1(29) 2017

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D. Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Orekhovskaya N.A. Deputy Editor-in-Chief: Doctor of Philosophy

Makarova M.V. Secretary: Candidate of Social

Scientific research areas:

13.00.04 Adaptive physical education	Alexandrova E.V.	Candidate of Sociological Science
01.01.00 Mathematics	Poleshchuk O.M.	Doctor of technical Sciences, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Candidate of Political Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor
19.00.00 Psychology	Vyazovova N.B.	Candidate of Psychology, Associate Professor
13.00.04 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Raydugin D.S.	Candidate of Philosophical Sciences, docent
	Kubyakin E.O.	Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
	Kulikov E.M.	Doctor of Sociological Sciences
	Voevodina E.V.	Candidate of Sociological, docent
10.00.00 Philology	Bogatyreva S.N.	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
	Genish E.	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
	Egorov P.A.	Candidate of Philological Sciences
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
	Orekhovskaya N.A.	Doctor of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Allakhverdieva L.M.	Candidate of Economic Sciences, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economic Sciences, docent
12.00.00 Legal Science	Stepanov V.V.	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36. Fax: (499) 160-22-05.

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: www.mggeu.ru, e-mail: makarova@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.М. Салогуб, Н.В. Демина

Специфика креативного управления в российском обществе 12

Е.В. Воеводина

Влияние гендерной социализации женщин с инвалидностью
на конструирование габитуса 23

Д.С. Райдугин, Е.А. Вартанова

Механизм формирования стигм инвалидности в процессе социальных
интеракций 29

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Т.Г. Анистратенко

Модусы рефлексивного самоопределения личности 35

М.В. Таганов

Корпоративная социальная ответственность: отношения бизнеса
и общества в современной России 42

Ф.Ю. Албакова

Метафизика смысла и динамика символа в традиционном искусстве 49

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Лаптев, Ф.В. Филина

Рыночное регулирование образовательной деятельности в свете
современных тенденций развития управления и финансирования
высшего образования 57

И.А. Рыбина, С.С. Гостева

Государственно-частное партнерство и лизинг – формы и способы
взаимодействия 67

К.В. Воденко

Трансформация социально-трудовых отношений в условиях
диверсификации национальной экономики 72

Л.М. Аллахвердиева, М.К. Султанова

Особенности налоговой оптимизации в условиях экономической рецессии 83

А.Г. Алиева

Об обеспечении продовольственной безопасности в Азербайджанской
республике 89

М.В. Макарова

О проблеме государственной поддержки малых и средних предприятий
в Российской Федерации 95

А.В. Герасимов, И.Л. Литвиненко

Социально-экономическая эффективность системы профессиональной
ориентации обучающихся с ОВЗ и инвалидов 101

И.А. Назарчук

Принципиальные подходы к построению системы государственного
финансового контроля в Российской Федерации 117

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.Н. Литягин

Особенности гражданско-правового статуса лиц с ОВЗ	124
--	-----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Петрунина, О.Н. Савельева

Формирование профессиональных компетенций при изучении ИТ-дисциплин у студентов с нарушением опорно-двигательной системы средствами имитационного моделирования	133
---	-----

С.А. Городилова

Организация профессиональной ориентации старшеклассников с нарушением опорно-двигательного аппарата	138
--	-----

МАТЕМАТИКА/ИНФОРМАТИКА

Н.В. Труб

Явление синхронизации в однородных системах со слабой связью	148
--	-----

В.Г. Фомин

Виды формального концепта для объекта с атрибутами	156
--	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Вязовова, В.М. Толстошеина, С.В. Котовская

Чувство уверенности как условие преодоления выученной беспомощности лиц с ограниченными возможностями здоровья	166
---	-----

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Д.В. Захаров

Особенности использования модели Ольсона для определения стоимости малых компаний	177
--	-----

Э.В. Байрамов

Информационные системы управления в сфере малого и среднего бизнеса	182
---	-----

Д.И. Дынник

Моделирование системы программно-целевого управления региональным развитием Ростовской области	189
---	-----

М.В. Шимолина

Процессы интеграции, инклюзии и эксклюзии в обществе на примере инвалидов-колясочников	197
---	-----

Е.Л. Лаврова

Развитие системы социального обеспечения на фоне глобализации: региональный аспект	205
---	-----

А.С. Шульгин

Социокультурные аспекты экстремальности	213
---	-----

К сведению авторов	218
--------------------------	-----

Contents

SOCIAL SCIENCE

Salogub A.M., Demina N.V.

Specific features of creative management in the russian society 12

Voevodina E.V.

The impact of gender socialization of women with disabilities at design habitus 23

Raydugin D., Vartanova E.

The mechanism for formation of stigma disabilities in the process of social interactions 29

PHILOSOPHY

Anistratenko T.G.

Modus reflexive self-identity 35

Taganov M.V.

Corporate social responsibility: business and relations society in contemporary Russia 42

Albakova F.Y.

The metaphysics of meaning and the dynamics of symbol in traditional art 49

ECONOMY

Laptev S.V. Filina F.V.

The market regulation of educational activities in the light of contemporary trends 57

Rybina I.A., Gosteva S.S.

Public private partnership and leasing - the methods and forms of interaction 67

Vodenko K.V.

Transformation of social and labor relations in the diversification of the national economy 72

Allakhverdiyeva L.M., Sultanova M.K.

Features of tax optimization in the conditions of economic recession 83

Aliyeva A.H.

On food security in the republic of Azerbaijan 89

Makarova M.V.

On the problem of state support of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation 95

Gerasimov A.V., Litvinenko I.L.

Socio-economic performance of professional orientation tutoring with the hia and disabled 101

Nazarchuk I.A.

Fundamental approaches to construction of system of state financial control in the Russian Federation 117

LEGAL SCIENCE

Litaygin N.N.

Features of civil-law status of persons with disabilities 124

PEDAGOGY

Petrulina E.V., Savelieva O.N.

Simulation modeling in IT-education process for disabled students with violation of musculoskeletal system	133
---	-----

Gorodilova S.A.

Organization of professional orientation of senior pupils with violation locomotor system	138
--	-----

MATHEMATICA/INFORMATICA

Trub N.V.

The synchronization phenomenon in homogeneous loosely coupled systems	148
---	-----

Fomin V.G.

Sorts of formal concepts of an object with attributes	156
---	-----

PSYCHOLOGY

Vyazovova N.V., Tolstosheina V.M., Kotovskaya S.V.

A sense of confidence as the condition of overcoming learned helplessness of persons with disabilities	166
---	-----

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Zakharov D.

Features of using Ohlson's model for small firms value estimation	177
---	-----

Bayramov E.V.

Management information system in the sphere of small and medium business ...	182
--	-----

Dynnik D.I.

System simulation of program-oriented management of regional development of the Rostov region	189
--	-----

Shimolina M.V.

The processes of social integration, inclusion and exclusion on example of wheelchair users	197
--	-----

Iavrova E.L.

The development of the social security system in the context of globalisation: regional aspect	205
---	-----

Shulgin A.S.

Socio-cultural aspects of extremism	213
---	-----

For the Attention of Authors	218
------------------------------------	-----

А.М. Салогуб, Н.В. Демина

СПЕЦИФИКА КРЕАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

SPECIFIC FEATURES OF CREATIVE MANAGEMENT IN THE RUSSIAN SOCIETY

САЛОГУБ Анжела Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (e-mail: salogubam@yandex.ru).

SALOGUB Anzhela Mikhaylovna - Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Department of Creative and Innovative Management and Law The Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Pyatigorsk State University» (e-mail: salogubam@yandex.ru).

ДЕМИНА Нина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (e-mail: demina76@mail.ru).

DEMINA Nina Vladimirovna - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of The Department of Economics, Management and Finance The Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Pyatigorsk State University» (e-mail: demina76@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования креативного управления в условиях сложившихся в российском обществе управленческих практики и стереотипов. Авторы отмечают, что для российской системы управления характерны два существенных условия: во-первых, она выработалась в трансформационный период, имеющий особенности, проявляющиеся в сжатости и радикальности социальных преобразований; во-вторых, на российскую модель управления накладывает влияние «бюрократическая», административная традиция. Социальная динамика российского общества свидетельствует о том, что оно не просто достигло в своем функционировании очередной точки бифуркации, а используемые управленческие методы либо исчерпали себя, либо обнаружили неадекватность по отношению к российским условиям. В то же время реальные креативные стратегии и практики миллионов россиян потенциальны, но не реализуются: инновационное управление создает фон для стимулирования системных преобразований, не затрагивая личную заинтересованность или часто служа интересам управленческой бюрократии.

Ключевые слова: система креативного управления, креативный класс, модернизация, российское общество, социальные процессы, инновационное управление.

Summary. *The article examines the distinguishing features of creative management developing and functioning in conditions of typical for Russian society management practices and stereotypes. Authors point out that management system in Russia is characterized by two fundamental conditions. The first one is that it was created during a specific period of transformation, which had some distinctive features such as conciseness and radical nature of social changes. The second one is that Russian management model is under the influence of bureaucratic administrative tradition. Social dynamics of Russian society shows not only that it found itself on another bifurcation, but that the management methods in use either reached the limits or proved the inadequacy towards Russian conditions. In the same time the real creative strategies and practices of millions people of Russia have a potential but they are not put into operation: innovative management creates a background to stimulate the systemic changes but it does not affect personal involvement and often serves the interests of administrative bureaucracy.*

Keywords: *creative management system, creative class, modernization, Russian society, social processes, innovative management.*

Современная мировая социально-политическая ситуация представляется сложной в первую очередь для России. Некоторые влиятельные эксперты считают, что страна вступила на путь, ведущий к гибели и исчезновению. Но судя по всему, катастрофы в российской экономике удалось избежать. Ситуативные трудности в обеспечении бюджетных доходов не переросли в полномасштабный экономический кризис, хотя рецессия, которая может продлиться достаточно долго, не самое благоприятное состояние экономики. При этом нельзя не отметить, что именно оно дает время для мобилизации внутренних ресурсов и поиска новых точек развития.

Объективно адаптационные возможности субъектов российской экономики чрезвычайно велики, и приспособление к новой нормальности не потребует долгого времени. Проблема, правда, в том, что частная инициатива, креативность, талант и воля предпринимателей не базовый тренд модернизации экономики и общества. Только 3% населения России называют собственный бизнес главным источником своих доходов. Это примерно 4,38 млн. человек [5, с. 122]. Для сравнения: в США таких насчитывается 14%, или 24 млн. После 25 лет реформ Россия по-прежнему остается страной глубоко патерналистской, в которой предпринимательская энергия – явление исключительное.

Однако мы убеждены, флагманом российской экономики, основным ее налогоплательщиком должен стать высокоэффективный бизнес. Сам бизнес нуждается в знаниях, финансах и личностях, способных генерировать «драйв и идеи».

Управленческая наука и практика признает, что существуют два (помимо всех остальных) стратегических условия успешности современной компании: конкурентоспособность и управляемость. Это состояние организация способна себе обеспечить гарантировать за счет внедрения креативного управления и критической массы креативного персонала.

Креативное управление, на первый взгляд, выступает дериватом социально-го управления. К значениям креативности приписываются возможности неординарного управленческого мышления, способности принимать эффективные решения в принципиально новых обстоятельствах, где не срабатывают привычки социального опыта или алгоритмы управленческой деятельности. С другой

стороны, креативное управление может определяться как качественно новый этап развития управленческой мысли и, главное, деятельности, направленной на социальное творчество и созидание, на стимулирование творческой активности и включения креативного потенциала в управленческую деятельность.

Выдвинутые положения выглядят убедительными. В социальном управлении накопился немалый «груз» нерешенных проблем, определяемый логикой современного социального развития, необходимостью выбора альтернатив, концентрацией усилий и ресурсов на прорывных направлениях, так как классическая схема распределения средств для достижения управленческого воздействия на гармонию во всех сферах может не дать ощутимого результата.

Это обстоятельство приводит к мысли о необходимости разработки проблемы креативного управления в концептуальном плане: без проникновения в сущность креативности, без выявления места и значения в системе управленческих практик, без осознания тех проблем, которые возникают в процессе реформирования управления трудно определить с главными направлениями развития социального управления и прогнозировать социальный эффект принимаемых управленческих решений.

Исследование теоретических параметров креативности в системе управления выступает необходимым условием и прологом к выявлению тенденций креативного управления в социальном развитии российского общества.

Российское общество убедительно сформировало запрос на системные и структурные реформы в экономике, социальной жизни на основе прогрессивного знания и передового опыта, иначе нам «грозит» очередная модификация вечной России с государством-абсолютом в центре, самым эффективным бизнесом в которой является частно-государственное партнерство по приватизации прибылей и национализации убытков.

Для российской системы управления характерно, на наш взгляд, два существенных условия: во-первых, она выработалась в трансформационный период, имеющий особенности в сжатости и радикальности социальных преобразований; во-вторых, на российскую модель управления накладывает влияние «бюрократическая», административная традиция.

Казалось бы, эти очевидные факты должны говорить о стратегии заимствования управленческих технологий с целью реализации социальной модернизации общества. Зарубежные модели социального управления рациональны, прагматичны, делают упор на интеллект, не учитывая своеобразие социального творчества. Иными словами, социальное творчество скованно дисциплинирующим эффектом, критериями эффективности, которые основываются на формальной рациональности.

Чтобы говорить о содержательных характеристиках социального управления, нужно иметь в виду, что в российском обществе особую проблему представляет оторванность управления от региональных социальных и социально-территориальных различий. Современная российская социология, основу которой составляет макросоциологический уровень, как пишет М.К. Горшков [2, с. 38], нуждается в социальном диагнозе как способе обобщения результатов социологической диагностики, распознавании и оценке свойств, что относится к характеристикам системы управления.

Раскрывая природу, характерные черты и особенности российского общества в различных аспектах его изучения, мы можем говорить о том, что модель

креативного управления является результатом общесоциологической дискуссии, ориентированности на выход из устоявшихся стандартов управленческой мысли, обращенным к целевой парадигме.

Характерно и то, что ситуация с креативным управлением определяется динамикой социальных процессов и, в первую очередь, социального самочувствия, актуальным запросом российского общества на самореализацию. В ситуации накала общественных настроений, вызванных существующими социально-политическими и социально-экономическими противоречиями, тем не менее, потребность в самореализации, в актуализации собственного профессионального потенциала в равной степени волнуют три четверти россиян [3, с. 15].

Выявленные чувства и умонастроения, свойственные большей части населения, совместимы с принципами и целями креативного управления. Как показывает опыт управленческих практик, теория доказывает свою состоятельность, если становится исходной в построении новых управленческих стратегий.

Среди основных факторов, определяющих состояние креативного управления в российском обществе и обуславливающих интерес к этой проблематике, можно выделить стремление найти не самобытный третий путь развития, а, воспользовавшись плодами теоретической мысли, не создавая очередных мифологем, найти отправные точки, прорывные направления, позволяющие обществу сдвинуться с позиций беспрерывной стагнации и череды ошибок.

Следует подчеркнуть, что отношение к креативному управлению во многом связано с тем, как оценивается эффективность сложившихся управленческих практик. Первое, что обращает на себя внимание, достаточно критичное отношение к управлению, выражаемое как в претензиях к качеству, так и к профессиональному уровню кадров. Не говоря пространно об опровержении мифов о всеведущих менеджерах, регулирующих финансовые потоки, как псевдолиберальной утопии, мы можем отметить, что возможности управления лежат не в сфере публичной критики высших должностных лиц. Для сдвига в управленческой деятельности важно понять переходное состояние, в котором находится современное общество.

В процессе реформирования российского общества неоднократно вставал вопрос о проблемах социального управления. Он выражался как в негативном контексте - указании на социальные провалы, связанные с некомпетентностью или коррупционностью; так и в позитивном - в том, какие реальные достижения управленческой теории и практики следует применять в целях ускорения социального развития.

Мы наблюдаем картину, в которой причудливо перемешиваются как скромные пока достигнутые позиции, так и внедрения принципиально новых форм менеджмента, и сохранения, а иногда и градация сегментов управления. В этой связи можно подчеркнуть, что креативная модель управления может восприниматься как излишество на фоне тех проблем, которые связаны с повышением эффективности и прозрачности социального управления.

По мнению большинства россиян, основная проблема состоит в том, что управление не умеет синхронизировать свои действия с подготовкой к восприятию и практической реализацией идей социального развития к осуществлению масштабных преобразований [2, с. 103]. Следует отметить, что вполне оправданный скепсис вызывается закрытостью управленческих структур, стагнаци-

онностью схем воздействия и желанием освободиться от актуальных, но требующих усилий, проблем посредством имитационных действий.

В этом смысле креативное управление воспринимается и как альтернатива, и как коренной поворот к предшествующим периодам развития. Разумеется, управленческая мысль работает на опережение, потому что в российских условиях само понятие креативности и по ментальной, и по культурной традиции, и по реальному состоянию оценивается отвлеченно.

По нашему мнению, система управления нуждается в коренном реформировании и креативная модель может ускорить процессы управления других управленческих трендов. Однако существующие сейчас рассуждения об инновационном развитии превращаются в очередной и достаточно предсказуемый акт социальной имитации.

Оценивая креативное управление, нужно связать его с анализом социологических данных. Можно отметить, что фиксируемое усиление креативных ожиданий ограничивается в большей степени кругом лиц, принадлежащих к новым профессиям. Впрочем, и среди них заметное место занимают ценности материального благосостояния. Безусловно, идея креативности пока существует в этом смысле в виде образа и воспринимается, скорее, как пожелание на будущее.

Не будет большим преувеличением утверждение о том, что прошедшие десятилетия стали серьезным испытанием для системы управления. После того, как государство фактически ушло из сферы поддержки и регулирования социально-экономической жизни, россияне же были обречены на стихийную рыночную адаптацию, теория перестала быть ориентиром для практической управленческой политики.

Как пишут авторы книги «Социально-экономические модели в современном мире и путь России», реальными сохраняются иллюзии относительно способности государства «просто изыскать» новые ресурсы для ускорения экономического роста [6, с. 32.]. Действенность административных рычагов постоянно подвергается переосмыслению и спорадически возникающим шквалам критики, главное — нельзя отрицать признаков того, что блокирование позитивных перемен является констатацией, скорее, факта, что система управления ориентирована на тотальный социальный контроль при помощи фискальных и дирижистских трансфертных механизмов.

Политика социальных трансфертов, особенно проявляемая в социальной сфере, подтверждает, что финансовые вливания способны предотвратить наступление кризисных ситуаций, но приводят к замораживанию узловых проблем социального развития. За этим стоит реальная ситуация, связанная с тем, что креативные тенденции не страдают абстрактностью и умозрительностью. Для них характерно сочетание трезвого прагматического расчета и реализации личностного и группового ресурса.

Другими словами, за креативностью часто скрывается проблема вступления во взрослую жизнь и самоутверждения новых поколений россиян, выросших в условиях формирования, пусть и по-российски своеобразного, отечественного рынка. И в этом смысле речь не идет о реконструкции модели рыночной саморегуляции, во многом опровергнутой в современном мире.

Выбор креативной модели управления связан с реализацией существующей креативной потребности в разработке и воплощении в жизнь модели социально-ориентированного развития. Констатируя, что Россия вступила в очередной

виток социальной бифуркации, фиксируя точку невозврата к прежней социально-экономической системе, нужно понимать, что путь к модернизации лежит через включение креативного потенциала общества.

Креативная модель по определению является переходной в том смысле, что не устанавливает параметры заданного порядка, открыта для альтернатив. И сложности вызываются, прежде всего, тем обстоятельством, что российский правящий класс не готов к социальным переменам и подключению к социально активной жизни вновь сформировавшихся и традиционных креативных групп.

Как отмечает Ю.Г. Волков, креативность часто рассматривается как применение новых способов к овладению богатством, властью или престижем, а нужно исходить из того, что креативный класс отражает тенденции формирования новой социальной структуры, проецирует переход от социальных неравенств к креативности как базисному условию социального консенсуса [1, с. 151].

За этим положением, фактически, скрываются доводы в пользу того, что креативность можно считать самостоятельным фактором развития, а в этом смысле креативное управление есть возможность для согласия правящей элиты с большинством социально активного и экономически самостоятельного населения России. Креативная модель управления не содержит идеологических интенций, связанных с социальной рестрибуцией, не вводит общество в проблему пересмотра исторического прошлого, и главное - с социологической позиции продуктивна в понимании социального управления как воздействия, направленного на совместные творческие практики, практики реализации локальных, региональных и федеральных социальных проектов.

Исследования специфики креативного управления в российском обществе подтверждают то, что В.Н. Иванов называет «трудностями логики построения социальной доктрины» [4, с. 54]. Следует отметить, что в российском обществе управленческая мысль работает в направлении поиска оптимального пути социального развития. Но каждый раз мы сталкиваемся с проблемами заимствования, внедрения, апробирования новых управленческих образцов.

Оценивая проблемную ситуацию в этой области, необходимо выявить, каковы алгоритмы разработки креативной модели управления, какие критерии могут считаться достаточными, чтобы говорить об эмпирической верифицируемости предлагаемой схемы. Отмечая ранее, что креативность в российском обществе не наполнена по традиции социально-практическим созиданием, мы обязаны и различать понятия креативности в традиционном коммерческом прагматическом смысле как массового стандартизированного творчества, связанного, прежде всего, с внедрением информационных и виртуальных технологий, и креативности как способности к созиданию принципиально нового, как практики формирования новых технологических и социальных артефактов и идей.

В российской управленческой практике креативность занимает не первое место. Очевидно, это является и следствием неразвитости креативной теории. Ю.Г. Волков отмечает, что в российском обществе концепция творческой личности понималась как гениальность, возвышавшаяся над бренной действительностью, страдала литературоцентризмом и утопичностью [1, с. 84-85]. Отсюда и желание креативной личности быть свободной от всякого влияния, в том числе и управленческого. В то же время управление понимается как стандартизированная, бюрократизированная процедура, как исполнительский труд. Этим можно было бы и ограничиться, если бы не выход управленческой мысли на

включение креативности в структуру и цели управления, на уровне формирования креативных личностей в самой системе управления и налаживания обратных связей с креативным сообществом.

В условиях, когда неактуальными остаются вопросы элементарного социального управления, когда россияне, судя по данным социологических опросов, волнуют проблемы уровня жизни, безопасности, развития сферы здравоохранения, самым легким «рецептом» является социальная реститутивная модель, понимаемая как равенство в доступности к благам. Но, судя по опросам, 74% россиян [2, с. 41] понимают социальную справедливость как равенство возможностей.

Процесс гражданского участия как идея включения управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами, вовлечение граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, влияние на принятие решений, контроля за их исполнением, самоуправления на низовом уровне остаются невысоким, делает вывод М.К. Горшков [2, с. 42].

Заявка на равенство возможностей диссонирует с реальным состоянием неучастия. Это расхождение можно объяснить тем, что социальное управление включается по рыночной модели или, в лучшем случае, допускается как частный опыт управления человеческими ресурсами в тех сферах, которые ориентированы на западные образцы.

Серьезным вызовом теоретической мысли также выступает неясность, запутанность ситуации, в которой креативное управление «подается» в качестве «соуса» к управленческой «диете». Речь идет о том, что в целом отечественная социология управления если и ориентирована на человека, то в контексте сравнения различных организационных культур.

Делая разительные выводы относительно связей с американской или японской организационной культурой, специалисты тем самым забывают, что традиции коллективизма, авторитаризма или бюрократизма имеют ровно такое значение, чтобы быть опровергнутыми креативными практиками. Однако главное различие, на наш взгляд, состоит в том, что креативное управление маловероятно в условиях сращенности власти и собственности.

На этот счет немало писал и О.И. Шкаратан, провозгласивший, что в российском обществе значимым является сосредоточение власти и собственности в одних руках [7, с. 145]. Если исходить из выдвинутого автором положения, можно считать, что новая правящая элита не заинтересована в креативном управлении. В практике назначения управленцев предусматривают взаимную стратегическую и тактическую тенденции, фаворитизм и круговую поруку. Также выглядит и перспектива креативного управления по отношению к контролируемым государством ведомствам.

Отметим также, что, как следствие, управление превращается в корпорацию, преследующую собственные корпоративные интересы и извлекающую доходы из управленческой (должностной) ренты. На наш взгляд, такое объяснение, хотя и имеет право на существование, фактически блокирует возможности креативного управления.

Не занимаясь социальным мифотворчеством, мы можем отметить, что трудно опровергнуть суждения сторонников либеральной позиции, что если мы сделали выбор в пользу рыночной экономики, то ответственность несет сам чело-

век. Верно и то, что (и здесь можно согласиться с О.И. Шкартаном), это суждение незначимо, если в обществе предоставлены условия для самореализации гражданина, который взял на себя ответственность [7, с. 165].

О.И. Шкартан, на наш взгляд, ошибается в существенном: для большинства российских управленцев власть есть возможность осуществления управленческого воздействия. Следовательно, речь идет в большей степени не о сращенности власти и собственности, а о том, что властные механизмы по целевой парадигме являются рациональными по отношению к стихийной социальной среде.

В системе управления обществом, поляризованном на различные региональные, этноконфессиональные и социальные группы, управление может описываться только с позиций упорядоченности, поддержания целостности. Хотя возникает вопрос, а какие группы могут стать центром конституирования креативного управления. Использование ресурсов власти, предоставляемой профессионализацией, делает их самостоятельными: креативное управление есть шанс управленческих профессионалов стать действительно влиятельной социальной силой.

В том, что креативный класс нуждается в союзе с управленчеством, показывает, что при определенной направленности само управленческое воздействие становится креативным, направленным на логику соучастия граждан. Казалось бы, в России наличествуют все профессиональные категории, которые образуют ядро креативного класса.

Однако следует учесть, что большинство управленцев или тех, кто представляет реальное влияние на систему социального управления, не рассматривают существующий креативный класс в качестве союзника или, по крайней мере, партнера в решении социальных проблем. Мы присоединяемся к той точке зрения, что создание условий, при которых возможно взаимодействие креативного класса и креативного управления, и определение в рамках обратных связей вполне конкретных и реализуемых целей управленческой деятельности является шагом недалекого будущего.

Но по опыту предшествующих десятилетий можно сказать, что для системы креативного управления (и это очень важное обстоятельство) требуется выявление и приведение профессиональных параметров в соответствие с интенциями креативного класса, связанного не с собственностью, а с профессиональными и культурными навыками, способностями и стратегиями.

Из того, что сказано выше, может создаться впечатление, что существуют только субъективные, хотя и имеющие массовый характер, заблуждения относительно возможных рычагов управления. На поверхности управленческой системы выступают те же знакомые бюрократические или ведомственные структуры, что может приводить к взаимному отталкиванию.

Для понимания и оценки возможностей реализации модели креативного управления в России, таким образом, нужно принимать во внимание следующее: во-первых, креативное управление является иерархической структурой, построенной по консультативному принципу; во-вторых, для креативного управления свойственно использование потенциала креативных групп и путем включения в кадровый состав, и путем мониторинга управленческих решений; в-третьих, подразумевается, что управленческий слой, характеризующийся высоким профессионализмом и квалификацией, отделен от номенклатуры путем гарантии нейтральности, находясь в режиме нейтралитета; в-четвертых, кре-

ативное управление исключает сословные или должностные привилегии как способы извлечения должностной ренты; в-пятых, для креативного управления требуется умеренный масштаб социальной мобильности, что дает возможности для карьерного лифта, в том числе и представителей коллективного интеллекта; в-шестых, управленческий статус определяется престижем и профессией, а не властными и, тем более, имущественными различиями.

Это объясняет и сложность, и одновременно доступность реализации модели креативного управления. Эффективные горизонтальные связи, складывающиеся в обществе между креативными группами населения, срабатывают чаще эффективнее, чем вертикаль власти, хотя это сложно провозгласить в достаточно локальных инициативах.

Отсюда следует, что, если креативное управление связано с возможностями использования креативного потенциала, цели управления зависят от деятельности креативных групп. Иначе говоря, в условиях возрастания роли креативных классов раскрывается творческая сущность российской социальности. Исторически сложившиеся тенденции развития страны объясняют, почему в России на смену этакратической линии развития приходит креативная.

Существующая двойственность, конфликт креативных и бюрократических групп позволяют заметить, что современный этакратизм, так или иначе, себя постепенно изживает (феномен ручного управления). И из этого вытекает признание возможностей креативного управления, сочетающего вертикальную интегрированность, выдвижение лучших профессионалов и учет региональных этнокультурных и других существенных различий.

За прошедшие десятилетия в России произошел колоссальный социальный раскол. Но если судить по социокультурной динамике, его последствия состоят в том, что достаточно оформившийся класс achievers, сравнительно хорошо адаптированных, по нашему мнению, является нетипичным средним классом: в его рамках достаточно высокими являются ценности профессионализма и самореализации. Есть и другие показатели, которые можно привести в сравнение.

Экстенсивный характер развития, порождаемый предшествующей управленческой традицией, в условиях истощенности сырьевой модели и невозможности перестроить экономику и социальную жизнь административно-бюрократическими методами, требуют применения нестандартных управленческих решений, складывающихся в систему креативного управления.

Социальная динамика российского общества свидетельствует о том, что оно не просто оказалось на очередной точке бифуркации, но и обнаружилось, что используемые управленческие методы либо исчерпали себя, либо обнаружили неадекватность к российским условиям. При этом креативное управление часто преподносится как предназначенное для узкого сегмента или ассоциируется с очередной социальной утопией, подправленной ссылками на социальные обстоятельства.

Говоря об условиях реализации креативного управления, нужно сказать также об уровне его внедренности в российские управленческие практики. По уровню креативности, даже в том смысле, в котором мы понимаем, а не в соответствии с навязываемыми образцами массового творчества, мы можем отметить, что креативность сосредоточилась в узкой духовно-практической сфере. В то же время реальные креативные стратегии и практики миллионов россиян потенциальны, но не реализуются: инновационное управление создает фон для

стимулирования системных преобразований, не затрагивая личную заинтересованность или, часто, служа интересам управленческой бюрократии.

По справедливому замечанию М.К. Горшкова, нарастание плюрализма интересов отдельных индивидов и социальных групп проявляется в четко артикулированном и ярко выраженном запросе населения страны на новые социальные регуляторы [2, с. 287]. Постановка этого вопроса в правовой легистской формуле (ключевым является закон) определяет только потребность в осуществлении формального равенства.

Креативное управление отвечает, на наш взгляд, на более сущностный вопрос, каковым является социальная справедливость как равенство возможностей. В связи с этим обстоятельством критериями и интегральным показателем креативного управления в российском обществе выступают участие управления в реализации креативных проектов.

Чтобы подчеркнуть и подкрепить этот долгосрочный вектор управленческого воздействия, предполагается, что эмпирическими показателями могут выступать отношение россиян к системе управления и изменениям в этой системе, отношение представителей управленческого класса к возможным изменениям в постановке целей, а также отношение к креативному потенциалу российского общества и, не менее важно, позиция относительно тех форм, в которых может реализоваться креативное управление, и в какой степени креативные классы могут влиять или непосредственно участвовать в процессе управления.

В нашем исследовании установлено, что исходной точкой реального креативного управления, его безусловным центром в действительности может стать российское креативное общество. Так, согласно социологическим выкладкам [2, с. 293], для россиянина, якобы, основной является семья. Отсюда и снижение социальной активности, и замыкание на частных интересах, и индифферентные политические позиции.

В свете этого становится понятно, что система управления, представленная как согласование плюрализма интересов, содержит влияние на процессы установления паритета между личностными и общественными интересами. Креативность как предложение и реализация творчества, на наш взгляд, наиболее эффективна. Когда сама реализация становится для многих людей не лозунгом, а явью, представляется, что для россиян позитивная оценка таких положительных качеств, как предприимчивость, инициативность, профессионализм, как система приоритетов отдельной личности, принимают вполне осязаемый социально-практический смысл.

При том, как пишет М.К. Горшков, в целом 60% россиян [2, с. 308] отводят модернизации срок в пределах 10 – 15 лет. И это не парадный оптимизм, а ожидания, связанные с изменением отношений власти с обществом, и перемен в системе управления, и реализации собственного креативного потенциала.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, в условиях России креативное управление является моделью разрыва с предшествующей управленческой практикой и требует перемен в системе управления, связанных с отношением к креативному классу и его реальному участию в управленческих проектах; во-вторых, развитие системы креативного управления, отвечая на актуальные запросы россиян в самореализации, выводит на первый план проблему формирования механизмов креативного управления; в-третьих, российское общество связывает надежды модернизации с переменами в системе управления, с

возможностями налаживания обратных связей и прозрачностью принимаемых профессионально-управленческих решений.

Хочется в свете сказанного привести один аллегорический пример. Однажды в один из многочисленных научно-исследовательских институтов бывшего советского пространства, находящийся под бдительным контролем и опекой силовых структур, входит человек в форме и видит следующую картину: за абсолютно пустым столом сидит типичный «ботаник» и блуждающим взглядом смотрит куда-то в окно. На вопрос человека в форме «Что он делает?», «ботаник» с улыбкой на лице, отвечает «Думаю». «Работать надо, а не думать», - недовольно крикнул человек в погонах.

Старый мир уходит в прошлое даже в странах, технологически, экономически и политически отстающих от первопроходцев XXI века. Это особенно важно понимать России, где неоднократно предпринимались попытки «выдать уходящее прошлое за магистральный путь развития человечества». Очередная такая попытка дорого обойдется стране и обществу, современникам и потомкам.

Современная модернизация – это путь страны к современной экономической и политической системам и путь формирования человека, способного адаптироваться к происходящим переменам.

Пока страна не научится привлекать частные капиталы, технологии и креативную энергию к процессу модернизации экономики, у нее не будет возможностей для эффективного развития. Сегодня – время принятия других решений.

Список литературы

1. Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России - М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) - М.: Новый хронограф, 2011.
3. Готово ли российское общество к модернизации? /под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой - М.: Издательство Весь Мир, 2010.
4. Основы социального управления: Учебное пособие /под ред. В.Н. Иванова – М.: Высшая школа, 2001.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга первая /под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Институт социологии РАН - М.: Издательство Весь Мир, 2015.
6. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. В 2 кн. /Междунар. ассоциация акад. наук, РАН - М.: ЗАО Издательство Экономика, 2003.
7. Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен - М.: Издательство Вита-Пресс, 2004.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ГАБИТУСА

THE IMPACT OF GENDER SOCIALIZATION OF WOMEN WITH DISABILITIES AT DESIGN HABITUS

ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии МГГЭУ (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru).

VOEVODINA Ekaterina Vladimirovna – candidate of Sociological, docent, lecturer chair of Sociologies MGGEU (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru).

Аннотация. Статья содержит анализ результатов разведывательного исследования, раскрывающего специфику социализации женщин с инвалидностью, а также характеристики габитуса данной социальной группы. Освещаются вопросы положения женщин с инвалидностью в экономическом и политическом полях, а также институте семьи и брака.

Ключевые слова: инвалидность, гендер, женщины с инвалидностью, габитус, социализация.

Summary. The article contains the analysis of the results of reconnaissance studies that reveal the specifics of the socialization of women with disabilities, as well as characteristics of the habitus of the social group. Highlights issues women with disabilities in economic and political fields, as well as the institution of family.

Keywords: disability, gender, woman with a disability, habitus, socialization.

Различные аспекты инвалидности сегодня получают широкое обсуждение во всем мировом сообществе. Большинство научных трудов, касающихся этого социального феномена, посвящено вопросам трудоустройства, образования, взаимоотношениям инвалидов и типичных сверстников. Однако гендерные аспекты остаются без внимания, и даже в комплексных исследованиях инвалидности Е.Р. Ярской-Смирновой, они рассматриваются поверхностно. По сведениям Росстата на 2016 год, в России насчитывается почти 13 миллионов людей с инвалидностью, причем в трудоспособном возрасте количество мужчин-инвалидов почти на 40% больше, чем женщин, а в старших возрастных группах – ситуация обратная, что обусловлено медико-биологическими особенностями, различиями в условиях труда и образе жизни, сказывающихся в том числе на её продолжительности [5].

Важно понимать, что эффективная инклюзия невозможна без учета как самого гендерного аспекта инвалидности в реализации технологий инклюзии, так и гендерной асимметрии в положении женщин и мужчин данной социальной группы. Такое неравенство проявляется в различных сферах жизнедеятельности – образовании, трудовой занятости, брачно-семейной сфере, что, однако, типично не только в отношении лиц с инвалидностью. Например, по данным Росстата уровень экономической активности женщин в целом меньше, чем аналогичный показатель для мужчин – такая же тенденция типична для инвалидов:

у мужчин данной группы индикатор экономической активности равен 16,5, тогда как у женщин – 12,6 [5]. В то же время, Организация объединенных наций акцентирует внимание на социальной уязвимости женщин-инвалидов: отмечено, что они подвергаются двойной дискриминации, находясь под угрозой различных форм насилия, небрежного отношения, плохого обращения и эксплуатации. При этом они обладают слабыми статусными позициями, чаще являются безработными и живут на грани бедности [3].

Представительница феминисткой парадигмы Л. Доминелли отмечает, что женщины с инвалидностью испытывают на себе «подрыв» гендерной самоидентификации ввиду инвалидизма – социокультурных стереотипов, трактующих их как «неполноценных» жен и матерей [4, с. 72]. С этим можно соотнести выводы отечественного исследователя В.С. Ткаченко о том, что женщины-инвалиды имеют меньше шансов для создания семьи: каждый второй мужчина-инвалид женат, и лишь каждая четвертая женщина с инвалидностью состоит в браке [6, с. 205].

Таким образом, положение мужчин и женщин с инвалидностью в социальной структуре – различно, но эти различия могут являться следствием гендерной асимметрии в целом. Исследовательский интерес представляется том, чтобы выявить, какую специфику приобретает гендерная социализация женщин данной категории и понять, как инвалидность влияет на габитус.

В интерпретации П. Бурдье габитус представляется как система устойчивых и переносимых диспозиций, упорядочивающая структура, порождающая и организующая практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению [1, с. 44]. Из этого следует, что габитус формируем социально и, одновременно, субъективно, он является и фактором, и результатом конструирования той реальности, в которой разворачивается социализация индивида. Кроме того, реакции габитуса определяются отсутствием расчета в отношении объективных возможностей, непосредственно вписанных в настоящее, и отсутствием расчета в отношении возможного будущего. С этой точки зрения габитус включает не только область рационального, но и чувственного, и даже бессознательного – будь то стереотипы, личностные диспозиции или коллективные представления, впитанные в процессе социализации.

Тело человека также воспроизводит социальные конструкты, в том числе отношения «власти-подчинения» между мужчиной и женщиной. Брайан Тлрнер, цитируя Бурдье, отмечает связь телесного и социального (в том числе, гендерного), который заключает, что «тело следует безоговорочно признать материализацией классового вкуса» [7, с. 146]. Что же касается различий между мужским и женским, то они воплощаются уже на уровне жестов и «языка тела», одновременно выступая и причиной, и следствием гендерного порядка. Нетипичность тела, свойственная людям имеющим инвалидность, также как и цвет кожи в расистских обществах, является основанием для маркирования и стигматизации. Это находит воплощение и в установках на инфантилизацию людей с инвалидностью, накладывании негласного «табу» на сексуальные и брачно-семейные отношения с инвалидами, деторождение. Например, в медико-ориентированной модели, к инвалиду прикрепляется стигма «больного» и «бесполого» [2, с. 62]. Таким образом, телесность становится принципиально

важным условием, оказывающим влияние на социализацию и габитус человека с визуализированной инвалидностью.

В связи с тем, что габитус отражает положение индивида в совокупности различных полей (социальная реальность трактуется у П. Бурдьё как совокупность этих полей), интерес представляет то какие позиции и диспозиции занимают в них женщины с инвалидностью. В 2015 году нами было проведено разведывательное исследование гендерной социализации молодых женщин с инвалидностью, результаты которого позволяют выявить некоторые особенности их габитуса. В выборку были включены респондентки, имеющие внешние признаки инвалидности (преимущественно нарушение опорно-двигательной системы), от 18 до 35 лет, проживающие в крупных и близлежащих городах (г. Москва, г. Санкт-Петербург). Особый интерес представляют результаты полужурнализованного интервью (N-74) – отметим, что для него были отобраны респондентки, имеющие инвалидность с раннего детства, дабы проанализировать влияние данного фактора на гендерную социализацию.

Отметим, что инвалидность является фактором отчуждения, некой «инаковости» для респонденток. Это выражается типичным мнением – «я не такая, как все». Причем в половине случаев телесные особенности стали причиной коммуникативных барьеров. К примеру, две респондентки отметили, что из-за особой внешности они становились объектами для насмешек в школе.

Установки «ответственных» социальных групп – преподавателей, медицинских работников можно соотнести с медико-ориентированной моделью инвалидности, идеологическим основанием которой является то, что человек «болен» и поэтому не способен к активной жизни. Отсюда – ориентация на гиперопеку и сегрегацию – причем в разных сферах жизнедеятельности. Например, одна из респонденток вспоминает слова школьной учительницы: «Не засматривайся на здоровых мальчиков, ищи себе подобных». Другая информантка, отметила, что преподаватели спецшколы, в которой она обучалась, создавали «теплечную» «приторную» атмосферу доброжелательности.

Большинство опрошенных на момент исследования имело высшее образование: при том, что главной детерминантой выбора профессии послужил их собственный интерес. Это отвергает мнение о пассивности женщин с инвалидностью, ведь в этом выборе они, помимо прочего, проявили самостоятельность. У большинства опрошенных специальность связана с симпатией к выбранному виду деятельности, но одновременно велико число тех, кто выбирал профессию, исходя из состояния здоровья. Анализ показывает, что большинство относится к традиционно «феминным» сферам труда – дизайнер, искусствовед, музыкант, организатор культурно-досуговой деятельности, преподаватель.

В то же время, на момент интервьюирования работу имели менее половины женщин с инвалидностью, что негативно отражалось на их материальном положении. И даже не смотря на официальное трудоустройство, основным источником средств существования для них являлись государственные пенсии и пособия (86%), помощь со стороны родственников и близких (49%). Самостоятельно себя обеспечивает лишь чуть больше четверти интервьюируемых. Работающие женщины предпочитали творческие профессии с гибким графиком, «спокойный» и «исполнительский» труд. Менее четверти респонденток предпочли бы занимать ответственные и руководящие должности.

Кроме того, почти все информантки отмечали проблемы в профессиональной самореализации – отсутствие возможности работать по интересной профессии, что отмечалось ими в качестве основного барьера на пути к успешной карьере. В этой части действуют компенсаторные механизмы – специфическим способом самореализации становятся спорт и рукоделие.

Как видим, два основных социальных поля – образование и экономическое поле для женщин с инвалидностью имеют разногласия: с одной стороны, респондентки характеризуются относительно высоким образовательным уровнем, а с другой – трудностями в трудовой самореализации, приводящей к финансовой зависимости от посторонней помощи.

Что касается поля политики, то в нем женщины с инвалидностью практически не участвуют: об этом заявили 77% респонденток. Среди самых популярных причин отрыва от политической жизни – отсутствие интереса и времени, а также идеологические несогласия с существующим курсом. Если же говорить о тех женщинах, которые причисляют себя к политически активным, то для них основной формой участия в политике становится голосование на выборах и значительно реже – политические акции и публикация статей соответствующей тематики.

Вместе с тем, отстраненность от политики не означает исключение из общественной деятельности: более половины респонденток имеет членство в различных движениях и организациях или же выражает намерения вступить в них в ближайшем будущем. Четверть опрошенных женщин из их числа состоит в общественных организациях, объединяющих людей с инвалидностью и выражает заинтересованность такими проблемами, как доступная среда, сопровождение людей с инвалидностью в городском пространстве, организация досуга, трудоустройство инвалидов, развитие туризма и др. Не менее важна, по мнению информанток, помощь в формировании активной жизненной позиции, в принятии инвалидов обществом, борьбе с психологическими проблемами и «комплексами». Как видим, в целом поле политики почти не привлекает женщин, а общественная активность свойственна половине из них, что, по-видимому, является общим проявлением пассивности в политической жизни (отчасти, обусловленной недоверием), с одной стороны, а с другой – желанием изменить свою жизнь к лучшему, решить «злободневные» проблемы, порождаемые инвалидностью.

Таким образом, характеризуя положение женщин с инвалидностью в трех полях – образовании, экономике, политике, можно констатировать относительно сильные позиции в первом и достаточно слабые позиции во втором и третьем. Это, на наш взгляд, обусловлено ориентацией на традиционно феминные роли и установки, где женщине отводится экспрессивная функция хранительницы «домашнего очага», а мужчине – инструментальная функция выстраивания взаимодействия с внешней средой.

Так, гендерная идентичность женщин с инвалидностью в большинстве своём имеет феминную направленность в качестве доминанты, вот типичное мнение респондентки на этот счет – «Женщина должна быть кроткая, добрая, ответственная, отзывчивая, веселая, понимающая, умиротворенная». Это также проявляется в разделении соответствующих ценностей (чаще традиционных) и моделей поведения. По мнению респонденток, «женщина должна быть мягкой, уступчивой и заботливой» (71%). По этой же причине некоторые опрошенные специально акцентируют внимание на своей внешности и сексуальности, при-

чем в рамках традиционных образцов (по видимому, такая стратегия является также противостоянием инфантилизации и «бесполому» образу). При этом в исследуемой выборке были трансгендерные и агендерные женщины (в совокупности около 3%), а также андрогинные (38%). Помимо прочего, заметна ориентация на «материнский» феминизм, где роль женщины видится в материнстве, воспитании детей, поддержке «домашнего очага» (85%). Забота о внешности также важна: доля респонденток, разделивших утверждение о том, что «женщина должна заботиться, в первую очередь, о своей внешности» составила половину.

Однако реализация женщин с инвалидностью в рамках семьи и брака представляется затруднительной из-за самой инвалидности, которая не только проецирует стереотипы инаковости, «неполноценной» женщины и матери, но и подрывает феминность в целом. Приведем мнение одной из респонденток по этому поводу: «У женщин появляются ограничения в красоте. Я, например, не могу носить красивую обувь, каблуки... Это плохо». В основном ни преподаватели, ни родители в процессе воспитания не затрагивали «гендерные» темы, будь то семья, брак или отношения партнеров. На вопрос интервьюера: «Как Вы думаете, почему в семье не обсуждались эти вопросы?», одна из информанток ответила, что это следствие «непризнания в качестве самостоятельной и полноценной личности», а именно: «Они думали, что инвалид сидит дома, поэтому секс и семья ему не нужны».

Почти половина респонденток указала на отсутствие романтических отношений на момент исследования, но при этом находилась в «активном поиске». Доля «убежденных одиночек», не имеющих отношений и не стремящихся к ним – 15%. Также мы спросили женщин с инвалидностью о том, считают ли они положение мужчин с инвалидностью более выгодным по сравнению со своим. Но только 17% одобрили данное высказывание, а 83% посчитали, что «всем одинаково тяжело».

В то же время интересно мнение тех, кто согласился с привилегированным положением мужчин с инвалидностью – оно отражает отличия в переживании инвалидности в зависимости от гендера. Ниже приведены слова одной из респонденток на этот счет:

«Мужчина в привилегированном положении изначально. Мужчинам с инвалидностью больше помогают, в том числе родственники. Женщинам нужно намного меньше. Если мужчина с инвалидностью, то за ним особый уход, а женщина с инвалидностью, как правило, сама ещё за кем-то ухаживает [дети, муж и пр.]. Женщина привыкла терпеть и не требует ни от кого помощи или заботы, в отличие от мужчины».

Интересно, что те, кто состоит в отношениях с противоположным полом, будь то брак или романтические встречи, отмечают, что им проще с мужчинами-инвалидами, «легче и комфортнее в виду общности переживаемого опыта». Но не только это определяет склонность к выбору партнера с инвалидностью. Мнение респонденток свидетельствует о наличии социокультурных барьеров между «здоровыми» и «инвалидами» в сфере брачно-семейных отношений. В качестве примера, приведем рассуждения женщины, которая состоит в браке с человеком без инвалидности: «Ну, я иногда забываю, что у меня инвалидность. Потому что муж говорит: «Не надо с ними общаться». У меня муж категорически против, но я всё равно общаюсь с людьми [у которых есть инвалидность], а

он против, потому что здоровый. Здоровый не поймёт инвалида, я так считаю. Если выходить замуж, то наверно лучше за инвалида, а не за здорового».

Таким образом, результаты разведывательного исследования показывают, что гендерная социализация женщин с инвалидностью имеет свою специфику в виду того, что протекает в рамках двух статусов – «женщины» и «инвалида». Несмотря на то, что женщины с инвалидностью разделяют и воспроизводят феминные модели поведения, реализация в рамках гендера вызывает трудности, причиной которых, помимо прочего, являются различные стигмы и несоответствие установленным нормам телесности. Габитус женщин с инвалидностью в целом характеризуется слабыми позициями в поле экономики (главным образом, за счет отсутствия работы, приносящей стабильный доход), политическом поле на фоне имеющегося высшего образования, которое, казалось бы, должно решать эти проблемы. Очевидно, что данный вопрос требует дальнейшего изучения, в том числе в рамках разработки технологий инклюзии женщин с инвалидностью в современное общество.

Список литературы

1. *Бурдые П.* Структура. Габитус. Практика //Журнал социологии и социальной антропологии. - №2. 1998. – С. 44-59.
2. *Воеводина Е.В.* Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям высшего учебного заведения: социологический анализ». Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук - М., 2012.
3. Гендерные аспекты в инвалидности и аспект инвалидности в положении женщин и девочек-инвалидов: сайт Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/disabilities/default.asp?id=1525> (дата обращения: 20.06.2016).
4. *Доминелли Л.* Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности// Журнал исследований социальной политики, 2004. Т. 2. - № 1.- С. 29-52.
5. Положение инвалидов. Статистические данные Росстата РФ: сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения – 19.01.2017).
6. *Ткаченко В.С.* Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов: Учебное пособие - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010.
7. *Тлрнер Б.* Современные направления развития теории тела// THESIS, 1994. № 6. – С. 137-167.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СТИГМ ИНВАЛИДНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ

THE MECHANISM FOR FORMATION OF STIGMA DISABILITIES IN THE PROCESS OF SOCIAL INTERACTIONS

РАЙДУГИН Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии МГГЭУ (e-mail: raydmis@mail.ru).

RAYDUGIN Dmitry - PhD, Associate Professor of Sociology MGGEU (e-mail: raydmis@mail.ru).

ВАРТАНОВА Елизавета Андреевна – студентка 4 курса факультета социологии и психологии МГГЭУ (e-mail: coldaslisa@yandex.ru).

VARTANOVA Elizaveta - 4th year student of the Faculty of Sociology and Psychology, MGGEU (e-mail: coldaslisa@yandex.ru).

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению механизма стигматизации людей с инвалидностью в парадигме символического интеракционизма с элементами социальной феноменологии.

Ключевые слова: человек с инвалидностью, социальная стигма, стигматизация, нетипичность, символический интеракционизм, социальная феноменология.

Summary. The article is devoted to the consideration of the mechanism of stigmatization of people with disabilities in the paradigm of symbolic interactionism with elements of social phenomenology.

Keywords: person with disability, social stigma, stigmatization, atypical, symbolic interactionism, social phenomenology.

Социокультурные основания проблемы инвалидности заключаются в ряде факторов, обуславливающих существование социальных барьеров. Одним из таких факторов следует признать стигматизацию – процесс прикрепления устойчивых смысловых конструкций («ярлыков») к представителям какой-либо общности. Стигмы – те самые «ярлыки» – экстраполируются на представителя сообщества на основе определенных групповых признаков, носителем которых он является. Одним из самых негативно стигматизированных сообществ являются люди с инвалидностью, обладающие выраженными признаками не типичности: нарушенной координацией, речью, использующих дополнительные средства передвижения и пр. На основе стигмы возникает социально-психологический барьер, выражающийся в нежелании представителя типичного, доминантного, сообщества, вступать в контакт с носителем признака не типичности. Причем этот барьер не просто предзадан, но зачастую определяет специфику общения со стигматизированным на всем протяжении взаимоотношений.

Исходя из этого, стигматизация является одним из основных предметов для социолога, исследующего социокультурные аспекты проблемы инвалидности, что отражено в публикациях В.Д. Байрамова [4], Н.А. Ореховской [3], а также в более ранних наших работах [2]. В настоящей статье мы предпринимая попытку

ку раскрыть механизм формирования негативных стигм, связанных с инвалидностью, в контексте социологической теории знания П. Бергера и Т. Лукмана на основе социально-феноменологической методологии.

Социология знания, как считают авторы «Социального конструирования реальности», является одной из самых «философичных» социологических наук, а предметом ее выступает возникновение и функционирование таких форм мышления и знаний, как религиозные и философские учения, научные теории, политические идеологии, художественные произведения и стили искусства, и прочее в различных социально-культурных контекстах. Феноменологическая социология знания ориентирована на изучение предшествующего всем теоретическим системам «повседневное знание», реальность «жизненного мира». Стигмы, будучи смысловыми конструкциями, выступают именно такого рода знаниями, формируемыми в условиях жизненного мира – биографических обстоятельств, сопровождающих повседневные интеракции между «типичными» (стигматизирующими) и «нетипичными» (стигматизируемыми).

Для осмысления механизма становления стигм мы в ходе своей работы будем совершать историко-методологический экскурс к ее теоретическим источникам.

Основным идейным источником работы, наряду с концепцией П. Бергера и Т. Лукмана, является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию. Однако именно П. Бергеру и Т. Лукману принадлежит подробная разработка категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе, которые после выхода «Социального конструирования реальности» получили широкую известность в американской и немецкой социологии. Данная работа также послужила фундаментом для последующих трудов обоим ученым, хотя и разительно отличается от других их работ, как по стилю, так и по содержанию. Книга содержит в себе философский анализ основополагающих категорий социологической теории, а основную ее тему можно обозначить как: каким образом человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека [1; с. 2-3].

Ключевые термины социологии знания – это «реальность» и «знание», которые, в свою очередь, используются как в повседневной речи, так и в философской традиции. П. Бергер и Т. Лукман определяют «реальность» как качество, присущее феноменам иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а «знание» определяют, как уверенность в том, что феномены являются реальными.

Авторы работы обращаются к повседневной реальности через ее понимание обычными людьми, так как целью их исследования является социологический анализ знания, определяющего поведение в повседневной жизни, на данном этапе не беря в расчет представления реальности в теоретических перспективах. Предметом уже последующего исследования выступает влияние теоретических построений интеллектуалов на реальность повседневной жизни.

Прежде чем переходить непосредственно к социологическому анализу реальности повседневной жизни, П. Бергер и Т. Лукман предлагают прояснить и осмыслить ее подлинный характер. В рамках эмпирической социологии реальность понимается как данность, а ее феномены – как не требующие дальнейшего исследования факты. Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой

разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального. Исходя из этого, прежде, чем обратиться к главной задаче работы, ученые пытаются прояснить основания объективации субъективных процессов и смыслов, с помощью которых конструируется интерсубъективный повседневный мир посредством метода феноменологического анализа.

По Э. Гуссерлю, сознание интенционально, то есть всегда направлено на объект. Опираясь на это положение, П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что в сознании каждый объект представляется как элемент различных сфер реальности. Два различных порядка объектов обуславливают в сознании ряд различных напряжений, также как и различное внимание к ним. Из этого делается вывод, что сознание имеет свойство дислоцироваться в различных сферах реальности. Это замечание имеет важное значение для нашей работы в связи с тем, что именно осознание интенциональности восприятия не типичности определяет вектор стигматизации, то есть ее интенциональное следствие от «типичного» к «нетипичному», где субъектом выступает «типичный» доминант, носителем же объективируемых свойств – «нетипичный» человек с инвалидностью.

Среди всего многообразия реальностей авторами выделяется высшая реальность, реальность повседневной жизни (*par excellence*). Она характеризуется наибольшей напряженностью сознания, и вынуждает человека быть к ней максимально внимательным. Именно состояние нахождения в этой реальности воспринимается индивидом как рядовое и не подлежащее сомнению, то есть образует его естественную установку. П. Бергер и Т. Лукман понимают высшую реальность как реальность, имеющую общую систему, в том числе систему в шаблонах, независящих от понимания индивида и существовавших уже до его появления. Так же они пишут о том, что смыслы и значения объективациям придает язык, используемый в повседневной жизни [1; с. 5-6]. Однако с феноменологической точки зрения, язык является одним из объектов, конструируемых сознанием (инструментом передачи ранее сконструированных смыслов). Другими словами, мы не вполне согласны с такого рода важностью языковых конструкций и его смыслосозидающей способностью и считаем, что, например, не термин «инвалид» определяет содержание понятия, а наоборот – повседневное смыслоконституирование наполняет термин его экзистенциальным содержанием. Сам же термин выступает лишь знаковым оттиском данной общности и с заменой термина смыслы не изменятся, но со временем без изменения реального положения дел новый термин примет все те же смыслы, что были у предыдущего. Это важно для исследования механизма стигматизации в свете того, что ряд социолингвистов настаивает на изменении термина, полагая, что это станет едва ли не определяющим фактором в борьбе со стигматизацией.

Реальность повседневной жизни формируется «здесь» и «сейчас» и является основой внимания индивида к той самой реальности повседневной жизни. Однако она на этом не исчерпывается, и охватывает феномены, выходящие за рамки «здесь» и «сейчас». То есть человек сознает повседневную жизнь в соответствии с временной и пространственной удаленностью или приближенностью. В первой зоне – зоне досягаемости, человек способен физически воздействовать и видоизменять реальность. Это его мир *par excellence*, в котором он преследует прагматические мотивы. Но также существуют другие зоны, которые вызывают

меньший интерес у индивида, так как они не влияют на его реальность повседневной жизни непосредственно.

Реальность повседневной жизни представляется авторам как интерсубъективный мир, благодаря чему повседневный мир радикально отличается от прочих осознаваемых реальностей. Индивид осознает, что он разделяет свои естественные установки на мир с другими людьми, которые в свою очередь имеют свои собственные фазы «здесь и сейчас», перспективы и прочее. Но также он понимает, что его перспективы на мир не всегда могут быть тождественны перспективам других людей, они способны как совпадать, так и быть диаметрально противоположными, несмотря на общее понимание реальности.

Реальность повседневной жизни существует, вне всякого сомнения, не требуя никаких доказательств своей реальности. Мир повседневной жизни, по мнению авторов, сам себя декларирует и потребует немало усилий чтобы усомниться в его реальности.

Итак, повседневная жизнь разделяется на секторы, одни из которых обыдены для сознания, тогда как другая часть является проблематичным миром, с которым индивид ранее не сталкивался, однако оказывается вовлеченным в него в своей повседневной жизни, привнося в нее новые навыки и умения [1, с. 19].

Реальность повседневной жизни включает в себя оба вида секторов, так как то, что оказывается проблемой в одной реальности, не является проблемой в других. Поскольку привычный порядок повседневной жизни не прерывается, то и воспринимается он как непроблематичный.

Однако, даже обыденные секторы повседневной реальности являются таковыми только до тех пор, пока не возникнут проблемы в их последовательном функционировании. В таком случае реальность повседневной жизни стремится интегрировать проблематичный сектор в тот, который является обыденным. Повседневное знание дает некоторые идеи решения этого вопроса. «Например, люди, с которыми я работаю, непроблематичны для меня, пока они делают что-то знакомое, само собой разумеющееся, скажем, печатают на машинке за соседними столами в моей конторе. Они становятся проблематичными, если прерывают этот привычный порядок, например, собираясь в углу и говоря шепотом. Так как я должен понять смысл этих необычных действий, у меня есть несколько возможных вариантов решения этой проблемы и реинтеграции моего повседневного знания в непроблематичный привычный ход повседневной жизни: они могут советоваться по поводу того, как починить сломанную машинку, или, возможно, у одного из них есть какие-то срочные распоряжения шефа и т.д. С другой стороны, я могу обнаружить, что они обсуждают проведение забастовки, что выходит за пределы моего опыта, но еще находится в рамках тех проблем, с которыми связано мое повседневное знание. Для повседневного знания обнаружение этого факта выступает скорее в качестве проблемы, чем просто реинтеграции в непроблематичный сектор повседневной жизни. Однако, если я прихожу к выводу, что мои коллеги коллективно помешались, тогда эта проблема предстает совершенно в ином свете. Теперь я сталкиваюсь с проблемой, которая выходит за пределы реальности повседневной жизни и свидетельствует об абсолютно другой реальности. Действительно, вывод о том, что мои коллеги сошли с ума, что они попали в мир, больше не являющийся нашим общим миром повседневной жизни» [1, с. 16-18]. Этот обширный фрагмент работы П. Бергера и Т. Лукмана приведен нами аутентично, потому что именно

описанная в нем проблема нетипичного действия ложится в основу стигматизации людей с инвалидностью. Только проблема стигматизации значительно более глубока: в приведенной цитате авторы «Конструирования...» описывают реакцию человека на нетипичные действия типичных людей. Такие действия локализованы временем и ситуацией, в которой совершаются. Действия же обладателя признаков нетипичности привлекают внимание «типичного» вследствие того, что субъект этого действия нетипичен. Можно сказать, что все действия такого человека будут считаться нетипичными вне зависимости от ситуации уже потому только, что нетипичен совершающий их субъект. Причем нетипичность эта носит выраженный негативный характер: у него может быть нарушена координация, зрение, слух или что-либо еще, что привлекает внимание даже в том случае, когда наблюдающий осознает, что в сложившейся ситуации такое действие вполне обыденно.

Таким образом, в ситуации «здесь» и «сейчас» предпосылки для формирования стигмы конституируются самим субъектом – представителем доминирующего сообщества. В описываемой ситуации в механизме просматриваются следующая этапность:

- наблюдение за действиями Другого;
- фиксация нетипичных свойств Другого;
- сопоставление действий Другого с типичными образцами;
- фиксация свойств, отличающих действия наблюдаемого от типичного алгоритма;
- осознание природы зафиксированных свойств;
- наконец, закрепление смыслового блока (стигмы), сконституированного в результате осознания природы нетипичности действий и действующего, за свойствами, присущими Другому.

Стигма готова к экстраполяции.

Однако стигмы конституируются не только в ситуациях высшей реальности «здесь и сейчас, лицом-к-лицу». Об этом говорит то, что подавляющее большинство «доминантов» не имеют повседневного контакта с «нетипичными», но при этом стигматизируют последних. Каков же механизм формирования подобного рода «удаленных» стигм?

П. Бергер и Т. Лукман описывали другие типы социальной реальности. По сравнению с реальностью повседневной жизни, все прочие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия.

Сознание, в конечном счете, всегда возвращается к высшей реальности. Авторы для наглядности в пример приводят театр, где переход из одной реальности в другую происходит посредством поднятия или закрытия занавеса. В то время, когда занавес поднят – наблюдатель перемещается в иной мир с его особенными значениями и смыслами, которые могут не иметь ничего общего с миром повседневности, или, напротив, иметь с ним много общего. Однако когда занавес опускается – наблюдатель вновь возвращается к высшей повседневной реальности и то, что было на сцене теперь теряет для него былое значение [1, с. 20]. Поддерживая метафору авторов, мы можем сказать, что стигмы формируются в так называемых «анклавах»: через средства массовой информации (в частности, коммуникационные сети), посредством общения с другими «типичными», за счет практикующихся речевых оборотов типа «ведешь себя как debil» и пр.

В таком случае стигма не конструируется субъектом стигматизации, а передается им в уже готовом виде в качестве «нормального» восприятия определенного рода не типичности. Зачастую такая стигма не осознается, а воспроизводится в ситуации столкновения с человеком, имеющим выраженные признаки инвалидности, «по определению».

В заключение остается отметить, что высшая реальность выступает определяющей и изначальной по отношению к реальности «анклавной», поэтому действия людей с инвалидностью во многом определяют отношение к ним со стороны «типичных», которые впоследствии формируют стигмы и ретранслируют их.

Список литературы

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания /пер. Е. Руткевича — М.: «Медиум», 1995.
2. *Воеводина Е.В., Райдугин Д.С.* Инвалидность как социальная проблема и объект специальной отрасли социологии //Человек. Общество. Инклюзия. 2013. № 3. С. 016-025.
3. *Ореховская Н.А.* Инклюзия - путь к толерантности и равным возможностям //Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4 (24). С. 38-41.
4. *Bayramov V.D., Raydugin D.S., Kirik V.A., Sarygina A.M., Zagutin D.S.* Inclusion and inclusive education: interpretation conflict //Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5.

Т.Г. Анистратенко

**МОДУСЫ РЕФЛЕКСИВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ**

MODUS REFLEXIVE SELF-IDENTITY

АНИСТРАТЕНКО Татьяна Григорьевна - кандидат политических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (e-mail: tanis63@list.ru).

ANISTRATENKO Tatyana Grigorievna - candidate of political sciences, Professor Department of regional science and Eurasian Research Institute of sociology and regional studies Southern Federal University (e-mail: tanis63@list.ru).

Аннотация. В статье был представлен анализ рефлексивного самоопределения личности в виде модусов самореализации, самоактуализации самоосуществления в их основных параметрах рациональности, духовности, нравственности, жизнестойкости, способности к решениям, ответственности, выражающихся в формировании зрелой личности. Автором определена внутренняя личностная составляющая рефлексивного мировоззрения, как личностный опыт, выражающийся в обобщенной системе взглядов на самого себя, в самооценке самого себя, в формировании оснований самоконтроля и самомониторинга своих собственных состояний.

Ключевые слова: рефлексивное самоопределение личности, рефлексивное мировоззрение, личностное самопознание, духовность, жизнестойкость, зрелая личность.

Summary. The paper was presented analysis of reflexive self-identity as modes of self-realization, self-actualization self-realization in their main parameters of rationality, spirituality, morality, resilience, ability to decisions, responsibility, expressed in the formation of a mature personality. The author defined the internal component of the personal reflexive ideology, as a personal experience that is expressed in a generalized system looks at himself in the self-esteem of himself, in the formation of self-control and self-monitoring bases of their own states.

Keywords: reflexive self-identity, reflexive outlook, personal self-discovery, spirituality, vitality, mature personality.

Рефлексивное самоопределение личности, ее самореализация и самоосуществление предполагает достаточно высокую степень духовного развития. Это связано с тем, что для эффективной самореализации и самоосуществления требуется высокая рефлексивная культура и развитые рефлексивные компетенции. Они, в свою очередь, базируются на высокой степени развитости личностной самооценки, самосознания и самовыражения.

Рефлексивным модусом самоопределения является выработка личностью способности принятия решений. Решения на основе самоопределения могут быть относительно смысла жизни и цели жизни, относительно норм социально поведения и социальных ценностей и относительно норм некоторого вида деятельности, социальной, гражданской, политической или профессиональной. Личностные решения, предпринимаемые на основе самоопределения и выражающие один из рефлексивных модусов самоопределения, представляют собой рефлексивный способ разрешения проблемных ситуаций. Они выражаются в построении своих собственных целей, формулировании личностных задач, в нахождении путей достижения поставленных на основе самоопределения целей, в пересмотре и переоценке критериев ценностей, в изменении форматов саморазвития и самосовершенствования, в выборе сферы деятельности и т.п.

Самоопределяясь, индивид принимает решение о принятии системы обобщенных представлений о себе, о мире и о себе в этом мире. Всякое решение, возникающее в результате самоопределения личности, есть формулирование готовности к выбору оптимального пути, выбору из наличных альтернатив или решение о поиске дополнительных альтернатив. Решения, принимаемые на основе самоопределения личности, могут касаться направления, глубины и спектра самоопределения, выбора способа самореализации, характера самоосуществления, определения формы целевой ориентации, ориентации на поиск оптимального разрешения противоречий, ориентации на выбор новых ценностных критериев и переориентации.

Это также могут быть решения выбора жизненной стратегии саморазвития и самоосуществления, выбора оптимальной тактики действий при самореализации в тех или иных условиях и возникших непредвиденных ситуациях. Это могут быть стратегические решения, решения тактические, ситуативные решения, решения жизненные, ценностные решения и т.п. В любом случае, рефлексивное самоопределение личности всегда порождает проблемную ситуацию, которая требует нетривиальных решений для своего оптимального разрешения.

Личностное самоопределение — это всегда творческий процесс. Самоопределиться — значит, прежде всего, учесть и адекватно оценить собственные способности, свои притязания, отдать должное о своих целях и намерениях и главное, соотнести все это с особенностями окружающего мира, выбрать нужный вектор собственного бытия.

Другим аспектом духовности рефлексивного самоопределения личности является ее нравственный характер. Это обусловлено тем, что в процессе самоопределения личность кристаллизует свои собственные ценности, идеалы и предпочтения и соотносит их с нравственными ценностями других людей, всего социума в целом. Выбор жизненного пути на основе самоопределения всегда связан с учетом всего нравственного потенциала.

Поэтому, когда мы говорим о духовности, как важной характеристике рефлексивного самоопределения личности, мы умеем в виду и ее творческий характер, и духовно-нравственный характер. Формирование указанных качеств связано с формированием готовности к такому личностному развитию.

Для этого сначала необходимо развить в себе готовность воспринимать, понимать и оценивать нравственные ценности, как свои, так и нравственные ценности мира, далее требуется развить в себе способность воспринимать нравственные правила не как безусловные требования, а как положения, требующие

осмысления и интерпретации, далее процесс развивается в направлении развития способности нравственного суждения, которое предполагает способность трансформировать общие духовно-нравственные положения в практические императивы, которые становятся мотивом, потребностью и способом жизнедеятельности. Но и этого мало, ибо на каждом этапе требуется способность самоанализа, самооценки, самоотчета и самокритики.

Кроме этого, духовно-нравственный потенциал рефлексивного самоопределения связан с формированием нравственного опыта, а он, как верно отмечает С.А. Вальченко, невозможен без освоения общечеловеческого нравственного опыта [1]. Без освоения того нравственного опыта вряд ли может сформироваться полноценная духовно-нравственная культура личности. В самом общем плане духовно-нравственная культура личности, которая реализует процесс рефлексивного самоопределения, может трактоваться как ее внутренний мир, мир мыслей и чувств, воли и характера, мотивов и желаний. На более глубинном уровне, духовно-нравственный потенциал личности выступает как нравственное мировоззрение, интеллектуально-духовная культура личности.

В предыдущие эпохи духовность личности напрямую связывалась с религиозностью, с верой в Бога и другие высшие силы. Современная эпоха наполнила духовность светским содержанием и смыслом, отличающим духовность от тех качеств, которые должен был формировать в себе человек из боязни грехопадения и соответствующего воздаяния за это. Духовность сегодня, как отмечают в своих работах такие исследователи, как А.Я. Данилюк, Ю.Л. Дюбенко, С.О. Каган, А.М. Кондаков, Г.П. Меньшиков, В.А. Тишков, понимается как неотчуждаемый от личности внутренний мир человека, который характеризуется высокой нравственностью, добротой, гуманизмом, альтруистичностью, щедростью и открытостью к другим людям [2].

Интеллектуальный компонент духовности, содержащий в себе рациональность, логичность, рассудительность, информированность, языковую и образовательную культуру, дает возможность личности судить о себе, своих качествах, о мире и себе в этом мире, осуществлять самопознание и познание окружающего мира, выносить адекватные содержательные суждения о причинно-следственной связи явлений мира, ставить вопросы и отвечать на них, производить корректные оценки и самооценки, сомневаться и разрешать свои сомнения, иметь способность видеть проблемные ситуации и находить их решения и т.п.

Личность в процессе рефлексивного самоопределения в соответствии со своей духовной и интеллектуальной культурой способна делать выводы, умозаключения, рассуждать, строить содержательный дискурс, производить все типы мыслительных операций, используя гибкость и динамичность своего мышления, его глубину, всесторонность и широту, способна использовать информационные продукты человеческой культуры, обогащаться ими, развиваться и самосовершенствоваться.

Нравственный компонент духовной культуры рефлексивной личности включает в себя нравственный опыт, который позволяет развивать в себе нравственные качества, становящиеся в процессе развития нравственным опытом личности, ее нравственной культурой, на основе которой формируется чувство нравственной ответственности, нравственного выбора и нравственных духовных ценностей.

Личность в процессе рефлексивного самоопределения приобретает опыт различения добра и зла, справедливости и несправедливости, нравственного и безнравственного; этот опыт трансформируется в личностную нравственную позицию [3]. Нравственная позиция личности, которая с помощью рефлексивного самоопределения, прокладывает свой жизненный путь, становится практическим нравственным императивом, который определяет повседневное поведение личности, ее поступки и поступки других людей и является мерилем нравственной ценности и духовности.

Духовно-нравственная культура личности, которая создает основания оптимального рефлексивного самоопределения личности и одновременно развивается в этом процессе, является основанием формирования рефлексивного личностного мировоззрения. Этот личностный потенциал часто называется по-разному: ценностно-мировоззренческие установки, мировоззренческие ценности, мировоззренческие убеждения, мировоззренческая культура личности. Немецкий и британский социолог венгерского происхождения Карл Мангейм называл мировоззрение личности формой и основой самосознания человека и основанием его личностного роста [4].

Мировоззрение — очень емкое и содержательно глубокое понятие, оно охватывает многие сферы бытия личности и ее самосознания. Мировоззрение может быть повседневным, научным, рациональным и иррациональным, нравственно-эстетическим, профессиональным, религиозным, идеологическим и т.д. Та форма личностного мировоззрения, которая является форматом личностного самосознания в процессе рефлексивного самоопределения, будет называться нами рефлексивным мировоззрением.

Рефлексивное мировоззрение — это личностный опыт, выражающийся в сложившейся системе взглядом на самого себя, на свое окружение и на свое место в этом окружении и оно выражается в обобщенной системе взглядов на самого себя, в самооценке самого себя, в формировании оснований самоконтроля и самомониторинга своих собственных состояний. Это внутренняя личностная составляющая рефлексивного мировоззрения. В ней существенным является субъективно-личностный компонент системы взглядов, который может быть охарактеризован как рефлексивное личностное самосознание в его процессуальных характеристиках личностного самопознания.

Данный внутренний компонент рефлексивного мировоззрения как форм личностных состояний «для себя» дополняется объективацией внутренних рефлексивных форм самосознания и самопознания в форме предметных рефлексивных форм в виде самовыражения, самопредъявления, самопредставления и самопрезентации.

Окончательно рефлексивное мировоззрение формируется в рефлексивном самоопределении, которое являясь синтезом самопознания и личностного познания дает возможность определить масштабирование внутренних личностных координат в координатах окружающего мира, найти в нем свое место и определить свою позицию и свой жизненный путь.

Духовно-нравственное наполнение и мировоззренческий потенциал личности в процессе полноценного рефлексивного самоопределения формируют особое качество личности, которое характеризуется как жизнестойкость. Т.В. Коныхова и Е.Н. Коныхова определяют это качество как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства личности. Это ее готовность

полноценно жить и действовать в социуме, развиваться в нем и максимально в нем проявлять свои личностные способности и склонности. Это умение «выживать» в изменившихся условиях, адаптироваться к новым условиям, выявлять и осознавать смыслы, продуцировать цели и продуктивно получать результаты в процессе достижения поставленных целей [5, с. 110-114].

С точки зрения А.Н. Фоминой, жизнестойкость как качество личности, включает в себя целый ряд важных параметров [6]. Это, прежде всего, психологическая устойчивость, стойкость, уравновешенность, что позволяет личности в процессе рефлексивного самоопределения стойко противостоять различным жизненным трудностям, неблагоприятному стечению обстоятельств, давлению извне, различным случайностям и превратностям жизни. Психологическая стойкость личности позволяет сохранять постоянный уровень активности, интереса к жизни, хорошего настроения, оптимизма и проявлять такие личностные качества, которые в любых обстоятельствах дают возможность личности полноценно реализоваться.

Личностная устойчивость основывается на глубоком и всестороннем знании личности самого себя, на своей адекватной самооценке и на постоянном самоконтроле своих состояний. Личностная устойчивость определяется, по А.Н. Леонтьеву, личностной свободой и рефлексивной самодетерминацией, а также оптимальным соотношением жизненных смыслообразующих мотивов поведения с определенными личностными поведенческими особенностями, которые становятся личностной поведенческой практикой [7]. Такие сформировавшиеся особенности личностной поведенческой практики дают возможность личности ориентироваться на те цели, которые поставлены личностью в процессе рефлексивного самоопределения и выражаются в самореализации и самоосуществлении.

Рассматривая жизнестойкость как неуклонность рефлексивной жизненной стратегии, мы согласны с такими исследователями, как Е.А. Анненко, Г.В. Ванакова и И.П. Шкуратова, жизнестойкость личности в процессе рефлексивного самоопределения выражается, прежде всего, в стремлении личности к такой форме жизнедеятельности, которая позволяет не деградировать, а развиваться даже в ухудшающихся жизненных условиях, при деградации социокультурной среды, это способность личности воспроизвести себя, развить себя и проявить себя оптимальным образом [8].

Жизнестойкость личности в процессе ее рефлексивной самореализации связана особыми личностными способностями, такими как жизнетворчество, личностный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал и личностный адаптационный потенциал.

Жизнетворчество есть личностно-ориентированная повседневная поведенческая практика существования и развития, основанная на постоянной коррекции своих отношений с другими людьми и всем окружающим миром посредством расширения всего диапазона своих отношений с этим миром на основе понимания его ценностей и правил, что позволяет оптимально выстраивать свои повседневные и жизненные стратегии таким образом. Чтобы они давали максимальный эффект для адаптации, жизненного роста и личностного развития.

Личностный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал является интегральной характеристикой личности, личностной зрелости и он выражает способность личности осваивать окружающее социальное пространство,

преодолевать трудности, понимать их причины и условия, предвидеть их и избегать неблагоприятных тенденций развития своих отношений с окружающей средой.

Личностный адаптационный потенциал представляет собой совокупность личностных качеств, включающих в себя психологическую устойчивость, зрелую самооценку личности, понимание себя на основе самопознания, умение себя выразить и представить на основе рефлексивного самовыражения и самопредъявления, навыки обобщать опыт самопознания и социального познания для максимально эффективного приспособления к изменениям окружающей среды, развитые коммуникативные способности, способности усваивать социальные смыслы и понимать их, способности транслировать эти смыслы в социальной коммуникации, оценивать социальные условия и максимально их использовать для рефлексивного личностного самоопределения, личностной самореализации и самоосуществления.

Для всех рефлексивных модусов самоопределения характерной чертой является их рациональность. Самоопределение — это всегда выбор личностного пути и поиск своего места в жизни. Такой поиск связан с потребностью самореализации наиболее оптимальным способом. Эта потребность основана на самооценке и самопознании.

Поскольку самореализация — это осознаваемый процесс, детерминированный внутренними рефлексивными способностями и их объективацией, выражающийся, в конечном счете, в самоопределении личности по отношению к другим людям и к социуму в целом, процесс оптимального согласования личностных ценностей и ценностей социума, процесс выстраивания своей жизненной линии, предполагающий рациональные решения различных проблемных ситуаций.

Если самоопределение предполагает сознательный выбор поведенческой стратегии, а самореализация и самоосуществление связаны с оптимальными поведенческими моделями, а согласование личностных ценностей с ценностями других людей и ценностями социума в целом является целевым результативным процессом, то весь процесс рефлексивного самопознания и социального познания, выражаемого в практических действиях, является рациональным процессом.

Рациональность реализации рефлексивных модусов самоопределения связана с тем, что она всегда выражается в выборе наиболее подходящей альтернативы и нацеленностью на предпочтение такой поведенческой модели, которая дает наибольший эффект. Согласно Ф. Хайеку, поведенческая рациональность есть такое поведение, которое ориентировано строго на определенный результат [9].

Рациональность, духовно-нравственное наполнение, мировоззренческий характер и жизнестойкость как важнейшие качества рефлексивных модусов самоопределения таких, как самореализация, самоактуализация и самоосуществление продуцируют такое качество личности как личностная и социальная зрелость. Личностная зрелость включает в себя такие характеристики, как «психологическая зрелость», «зрелость психического развития человека» и «психосоциальная зрелость». Важнейшим качеством, характеризующим психологическую зрелость, является способность человека к рефлексии. Это связано с тем, что именно с рефлексией связаны все последующие личностные новообразования, личностный рост и саморазвитие.

Список литературы

1. Вальченко С.А. Духовность личности: сущность, структура и уровни развития //Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2014, № 5 (86).
2. Дюбенюк Ю.Л. Духовный капитал. Самосозидание вполне человека. Режим доступа: <http://sites.google.com/site/svobodnyfilosof/home>; Каган С.О. О духовном: опыт категориального анализа //Вопросы философии, 1985. № 9.; Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект /А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков //Вестник образования. – 2009. – Сентябрь; Меньшиков Г.П. Духовная реальность человека. Духовность и религиозность //Философские науки. 2000. № 3.
3. Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: 1992.
4. Мангейм К. Диагноз нашего времени /пер. с нем., отв. ред и сост. Я.М. Бергер - М.: Юрист, 1994.
5. Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства // Известия Томского политехнического университета, 2013, № 6, том. 322.
6. Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. Монография - М.: Изд-во «Прометей», 2012.
7. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности /Д. А. Леонтьев. - Психологический журнал. - 2000. - №1.
8. Ванакова Г.В. Жизнестойкость как социальная и психологическая проблема личности /Г.В. Ванакова //Среднее профессиональное образование. - 2013. - № 11.; Шкуратова. И. П., Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып.4.
9. Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом - М.: ОГИ, 2003.

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ОТНОШЕНИЯ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: BUSINESS AND RELATIONS SOCIETY IN CONTEMPORARY RUSSIA

ТАГАНОВ Максим Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом высокотехнологичных компаний, Московского Политехнического Университета (e-mail: taganovmax87@mail.ru).

TAGANOV Maxim Viktorovich - PhD, associate professor of the department of personnel management of high-tech companies, the Moscow Polytechnic University (e-mail: taganovmax87@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается проблема корпоративной социальной ответственности в Российской Федерации и особенности, которые повлияли на формирование концепции корпоративной социальной ответственности в современной России. Автор анализирует данные социологических исследований, изучающих работодателей и отношение общества к концепции корпоративной социальной ответственности и ее роль в социальной развитие; что позволяет говорить о тенденции к постепенному увеличению уровня корпоративного социальной ответственности, а также к соотношению между стоимостью социальной компании и лояльности своих клиентов.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, общественное мнение, общественные ожидания.

Summary. The problem of corporate social responsibility in the Russian Federation and the features that influenced the formation of the concept of corporate social responsibility in today's Russia. The author analyzes the data of sociological studies investigating employers and society's attitude to the concept of corporate social responsibility and its role in the social development; suggesting that the trend towards a gradual increase in the level of corporate social responsibility, as well as to the relationship between the value of the company's social and loyalty of its customers.

Keywords: corporate social responsibility, public opinion, public expectations.

В современных условиях экономической нестабильности роль бизнеса в решении социальных проблем повышается, возрастает уровень социальной ответственности коммерческих организаций как представителей социальных институтов экономического типа. Происходит усиление внимания бизнеса, как мирового, так и отечественного, к позиционированию своей социальной ответственности, что во многом определяет актуальность выбранной темы.

Под корпоративной социальной ответственностью (КСО), или равнозначным ему термином «социальная ответственность бизнеса» (СОБ), который может использоваться как синоним в соответствии с определением Всемирного банка, понимается комплекс направлений политики и действий, связанных с ключевыми заинтересованными сторонами, ценностями и выполняющих требования

законности, а также учитывающих интересы людей, сообществ и окружающей среды и нацеленность бизнеса на устойчивое развитие [1].

Корпоративную ответственность перед обществом можно определить как философию поведения и концепцию выстраивания деловым сообществом своей деятельности по таким направлениям, как производство качественной продукции и услуг и создание привлекательных рабочих мест, выплата легальных зарплат и инвестиции в развитие человеческого потенциала, соблюдение требований законодательства, учет общественных ожиданий и общепринятых этических норм в практике ведения дел, а также вклад в формирование гражданского общества через партнерские программы и проекты развития местного сообщества.

Социальная составляющая представлена в этом определении через инвестиции в развитие человеческого потенциала и вклад в формирование гражданского общества.

В отличие от Запада, где концепция корпоративной ответственности бизнеса сформировалась под влиянием гражданского общества, в России она возникла по инициативе наиболее успешных компаний [2]. В СССР на балансе всех крупных предприятий находилось множество объектов социального значения. В ходе приватизации эти объекты перешли в собственность компании вместе с промышленными активами. Этим обусловлена гораздо большая, чем в других странах, степень социальной ответственности современного бизнеса в нашей стране.

На развитие КСО в России повлияли такие факторы, как преобладание в общественном сознании неоднозначного отношения к результатам приватизации и происхождению крупных капиталов, отсутствие доказанной взаимосвязи увеличения стоимости компаний от улучшения качества социальной ответственности, неразвитость эффективных гражданских структур.

Также к особенностям, повлиявшим на становление концепции корпоративной социальной ответственности в России, можно отнести следующие:

- исторические и географические особенности: огромная территория; концентрация капитала в наиболее неосвоенных и климатически сложных регионах страны;
- особенности, связанные с менталитетом населения и традициями корпоративного управления: высокие социальные ожидания при низкой социальной активности населения; традиции трудовых взаимоотношений – жесткая привязка работника к организации наличием «своих» социальных учреждений;
- особенности, связанные с социальной и политической ситуацией в стране: высокий уровень бедности в регионах; огромное количество и большой разброс социальных проблем на территориях; отсутствие опыта и государственной инфраструктуры для решения социальных проблем, коррупция на всех уровнях власти [3].

Еще одной особенностью развития КСО в России является то, что российские компании выносят на первый план в социальной ответственности разовые проекты и не рассматривают социальную ответственность как непрерывный процесс конструктивного, взаимовыгодного взаимодействия работодателя со всеми участвующими сторонами [4].

Современная коммерческая организация является сложной частью общества как особого типа социальной системы, экономической подсистемой общества

[5]. На нее оказывают влияние местные общины, потребители, поставщики, средства массовой информации, группы общественного давления, союзы или объединения, а также работники и акционеры. Заинтересованные стороны могут серьезно влиять на достижение организацией её целей, поэтому она вынуждена находить баланс своих экономических целей с интересами данных групп.

Важной проблемой корпоративной социальной ответственности в России является проблема взаимодействия бизнеса и власти. Выстраивая ту или иную налоговую политику и иную политику в отношении бизнеса на федеральном уровне и на местах, власть может создавать условия или препятствовать как развитию бизнеса вообще, так и социальным проектам бизнеса. Чрезмерное налоговое бремя сокращает доходы и препятствует социальной активности бизнеса.

Развитие КСО в России обусловлено также экспансией крупнейших российских компаний за рубеж. Международные инвесторы потребители требуют большей прозрачности в ведении бизнеса. Появляются комиссии по корпоративной этике, например, при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП), Торгово-промышленной палате и т.д.

Важную роль в развитии КСО играет Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) – своеобразный штаб бизнес-сообщества России. Он взял на себя сложную, но крайне необходимую инициативу – сформировать программные документы бизнес-сообщества, в которых были бы прописаны его стратегические цели и нормы деятельности, его видение своего места и роли (своей миссии) в развитии России, его понимание своей социальной ответственности. Примерно десятилетие ушло на формирование (на основе западного опыта и опыта становления российского бизнеса) более или менее конструктивного варианта программы социальной ответственности бизнеса.

В 2004 году РСПП принимает «Социальную хартию российского бизнеса». В ней уточняется понимание бизнес-сообществом своей общественной роли (миссии), ценностей и целей корпоративного сектора. Принципы, изложенные в Хартии, касаются вопросов экономической и финансовой устойчивости, прав человека, качества продукции, взаимоотношения с потребителями, участия в развитии местного сообщества и экологической безопасности.

Свою социальную миссию корпорации – члены РСПП, утверждает в Хартии, видят «в достижении устойчивого развития самостоятельных и ответственных компаний, которые отвечают долгосрочным экономическим интересам бизнеса, способствуют достижению социального мира, безопасности и благополучия граждан, сохранению окружающей среды, соблюдению прав человека». На начало 2007 года к этому документу присоединились более 190 компаний и организаций, объединяющих в совокупности 5 млн. работников. Социальная хартия подтвердила приверженность российских предпринимателей принятым в мировой практике обязательствам и нормам корпоративной ответственности.

В 2008 году РСПП утвердил обновленную редакцию «Социальной хартии». В феврале 2008 г. она была утверждена съездом РСПП. По сравнению с редакцией 2004 года, обновленная Хартия полнее «учитывает современную корпоративную практику, мировые и отечественные тенденции в области корпоративной социальной ответственности и возрастающей роли бизнеса в общественном развитии, раскрывает и разворачивает в систему практических действий принципы ответственной деловой практики» [6]. К этому времени о присоединении к Хартии заявили более 200 организаций, объединяющих около 5,5 млн. работ-

ников [7]. Социальная хартия подтвердила приверженность российских предпринимателей принятым в мировой практике обязательствам и нормам корпоративной ответственности. Как итог этой приверженности, Хартия в 2007 году была официально признана ООН «национальным документом, соответствующим Глобальному Договору ООН» [8].

РСПП придерживается позиции, что стратегия корпоративной социальной ответственности должна иметь долгосрочную основу, за которой стоит экономическая устойчивость предприятий и стабильная выплата налогов, производство качественных товаров и услуг, создание хороших рабочих мест и безопасной рабочей среды, развитие персонала, содействие развитию местных сообществ, построение добросовестных отношений со всеми заинтересованными сторонами. Только при такой постановке вопроса могут быть достижимы сразу две цели – получение экономической выгоды и удовлетворение ожиданий общества.

Таким образом, бизнес, как в лице корпораций, так и РСПП стремится к серьезному диалогу с государством и с гражданским обществом в решении ключевых проблем социального развития страны и расценивает социальную ответственность как естественное направление своей каждодневной работы.

Яркий образец в этом плане Ассоциация менеджеров России и населения в понятии «корпоративная социальная ответственность» (табл. 1) [9].

Таблица 1. Что менеджеры и население вкладывают в понятие «корпоративная социальная ответственность»?

Респонденты (вариант ответа)	Менеджеры, %	Население, %
Выпуск качественной продукции	47,5	46
Соблюдение законов	35	35,5
Уплата налогов	29,5	30,4
Охрана окружающей среды	31,5	30
Улучшение условий труда	33,5	22,5
Выплата высоких зарплат	11,5	19,1
Вложение денег в производство	19	14,8
Помощь бедным	2,5	10,5
Помощь регионам в решении социальных вопросов	10,5	10,4
Поддержка образования	3	9,3
Честность, прозрачность отчетности	13,3	8,7

Итак, мы видим, что и предприниматели, и население практически одинаково отмечают важность соблюдения законодательства (35% и 35,5% соответственно) и выпуск качественной продукции (47,5% и 46%). Уплата налогов и охрана окружающей среды для обеих групп респондентов также находится на лидирующих позициях. Тем не менее, менеджеры больше ориентированы на вложение средств в производство и улучшение условий труда, в то время как население больше заинтересовано в повышении заработных плат в ущерб улучшению условий труда и честности и прозрачности в ведении дел компании.

Наибольшее различие наблюдается во взгляде на помощь малоимущим слоям населения – лишь 2,5% из числа опрошенных менеджеров относят это к понятию КСО, в то время как население – 10,5%.

Такая же тенденция наблюдается во мнении насчет поддержки образования, 9,3% опрошенного населения относят это к сфере социальной ответственности бизнеса, и только 3% предпринимателей ответили так же.

Результаты исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), о том, что отечественные предприниматели и россияне понимают под социальной ответственностью бизнеса, в целом подтверждают вышеприведенные данные.

Так, наиболее важными направлениями участия бизнеса в решении социальных проблем большинство опрошенных предпринимателей называют создание новых рабочих мест (58%) и предоставление дополнительных социальных гарантий работникам своих предприятий (51%), а также организацию повышения квалификации и переобучения работников (44%). Население ждёт от бизнеса, прежде всего материальной помощи малоимущим, инвалидам и другим, социально уязвимым группам (53%) и только потом – создания новых рабочих мест (43%); сначала развития материальной базы здравоохранения, образования и науки, культуры, спорта (39%), а затем социальных гарантий работникам предприятий (28%) [10].

По данным ВЦИОМ, основные «проблемные зоны» делового климата в России связаны сегодня с противоречивым характером коммуникаций между бизнесом и внешней средой – обществом и властью. [11]

Портал SuperJob.ru провел опрос среди 350 начальников и 1600 не руководящих работников. Выяснилось, что 19% руководителей уверены, что участие в социальных программах – это обязательство бизнеса. Среди обычных граждан такой точки зрения придерживается 23% (табл. 2). [12]

Таблица 2. Должны ли частные компании брать на себя дополнительные социальные обязательства (добровольные, законодательно не прописанные деяния бизнеса на благо общества, например, строительство детсадов, дорог и другое)?

Респонденты (вариант ответа)	Руководители компаний, %	Рядовые граждане, %
Нет, бизнес должен получать прибыль, а социальная сфера – прерогатива государства	17	9
Да, любая компания может взять на себя социальные обязательства, но только на добровольной основе	43	37
Да, крупный бизнес должен брать на себя дополнительные социальные обязательства, а средний и малый – нет	18	24
Да, каждая компания должна брать на себя некоторые социальные обязательства	19	23

Большинство респондентов (43% среди руководителей и 37% среди обычных сотрудников) уверены, что компании должны участвовать в социальных проектах исключительно по собственному желанию. При этом один из руководителей отметил, что помощь не следует оказывать безвозмездно и «взамен государство должно предоставлять таким компаниям какие-то льготы». С подоб-

ной политикой «взаимных уступок» согласны, многие подчиненные. В то же время рядовые граждане отмечают, что компании по собственной инициативе могли бы поддерживать семьи своих сотрудников.

Таким образом, мы видим, что проблема социальной ответственности коммерческих организаций является комплексной, обусловлена историческим развитием России, незрелостью бизнес-структур в стране, несовершенством законодательства, пассивностью и нежеланием, а часто ограниченностью возможности общества включаться в деятельность компаний и государства.

Стороны осознают наличие проблемы в данной сфере, что дает основание для позитивного прогноза в долгосрочной перспективе.

Подводя итоги, можно сказать, что коммерческие организации, безусловно, несут ответственность перед обществом, в котором функционируют, помимо и сверх обеспечения эффективности, занятости, прибыли и соблюдения закона. Поэтому они должны направлять часть своих ресурсов и усилий на развитие и совершенствование общества. Более того, в обществе сложились определённые представления и стереотипы того, как должна вести себя компания, чтобы считаться добропорядочным членом общества.

Как правило, общественные ожидания сводятся к тому, что компании должны ответственно действовать в таких сферах, как защита окружающей среды, здравоохранение и безопасность, гражданские права, защита интересов потребителя и т.п. Бизнес обязан быть активно и социально ответственным по причине «железного закона ответственности» и утверждает, что «в долговременной перспективе те, кто не пользуется властью в таком направлении, каковое общество считает ответственным, эту власть теряет». Для этого необходимо разрушать информационный вакуум вокруг социальной ответственности бизнеса и ее возможностей, в первую очередь для бизнеса, во вторую – для населения.

Таким образом, мы видим, что существует прямая связь между социальной ценностью компании (позитивной общественной деятельностью компании), ее репутацией и лояльностью потребителей.

Полученные результаты не только указывают на то, что люди ожидают увидеть от крупных компаний социальные инициативы. Мы выяснили, что общество и бизнес постепенно приходят к взаимопониманию по вопросам корпоративной социальной ответственности. И в то же время, несмотря на то, что многие компании пока еще не готовы участвовать в реализации социальных программ, бизнес постепенно осознает важность социальной ответственности.

Список литературы

1. *Лабаджян М.Г., Каспарова А.Ю.* Понятие социальной ответственности бизнеса // Вестник Омского университета. №1 – 2014. – С.178-182.
2. *Остапенко Г.Ф.* Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие / Г.Ф. Остапенко. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исследов. политехн. ун-та, 2012. – С.72
3. *Долгорукова И.В.* Корпоративная социальная политика современных российских предприятий: модели и практики: Диссертация доктора социологических наук: 22.00.08 – Москва, 2011.
4. *Остапенко Г.Ф.* Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие / Г.Ф. Остапенко – Пермь: Изд-во Перм. нац. исследов. политехн. ун-та, 2012.

5. Парсонс Т. Система современных обществ. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/01.php (дата обращения: 15.02.2015).
6. Социальная хартия российского бизнеса. Режим доступа: <http://рспп.рф/simplepage/474> (дата обращения: 15.02.2015).
7. Российский союз промышленников и предпринимателей. Социальная хартия российского бизнеса. Редакция 2007 г. - М. 2008. С. 2.
8. Сеть глобального договора ООН в России. Режим доступа: <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&pid=73> (дата обращения: 15.02.2015).
9. Доклад о социальных инвестициях в России. Интеграция КСО в корпоративную стратегию. Режим доступа: <http://amr.ru>. (дата обращения: 15.02.2015).
10. Опрос 1200 российских предпринимателей (владельцев и топ-менеджеров частных компаний) проведён в сентябре – октябре 2007 г. в 40 субъектах Российской Федерации. Выборка репрезентирует предпринимательское сообщество по отраслевой принадлежности (по трём макроотраслям – промышленность и строительство; транспорт и связь; обслуживание и торговля) пропорционально их доле в экономике страны и по «крупности» предприятий (по числу занятых). Инициативный Всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 3–4 ноября 2007 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.
11. Отношения бизнеса и общества: статистика. Режим доступа: <http://www.vrn-business.ru/analytics/otnosheniya-biznesa-i-obshchestva-statistika> (дата обращения: 05.02.2015), Кулькова В.Ю., Сафин И.Х. Реализация корпоративной социальной ответственности в социально-экономическом развитии региона //Национальные интересы: приоритеты и безопасность.2012. №36. С. 72–80.
12. Докука С. Социальная ответственность как высшая стадия капитализма. Режим доступа: <http://www.odnako.org/magazine/material/socialnaya-otvetstvennost-kak-visshaya-stadiyakapitalizma/> (режим доступа: 01.03.2015).

МЕТАФИЗИКА СМЫСЛА И ДИНАМИКА СИМВОЛА В ТРАДИЦИОННОМ ИСКУССТВЕ

THE METAPHISICS OF MEANING AND THE DYNAMICS OF SYMBOL IN TRADITIONAL ART

АЛБАКОВА Фатима Юсуповна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail:hetrova@yandex.ru).

ALBAKOVA Fatima Ysupovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophical Anthropology of Moscow State University (e-mail:hetrova@yandex.ru).

Аннотация: унификация национальных культур в современных условиях глобализации и стандартизации уравнивается на уровне фольклорной культуры сохранением этнокультурного своеобразия. Символы, актуализирующиеся в традиционном искусстве всегда сопряжены с ценностным наполнением, со специфическими формами социализации и кодирования, обеспечением необходимого уровня коллективной и индивидуальной идентификации. Символ в традиционном искусстве обеспечивает вариативность адаптивно-креативной деятельности общества, эмоциональное и социальное сплочение ее членов, создавая культурные стандарты поведения человека.

Ключевые слова: символы традиционного искусства, идея, идеал, ценности, институализация, коммуникация, конвенциональность, интерпретативность, полифункциональность, абстрактность, идентификация.

Summary: unification of national cultures in the contemporary context of globalization and standardization is balanced at the level of folk culture preservation of ethnic and cultural identity, which manifests itself in the traditional works of the peoples: oral-poetry, music, dance, folklore, religious and secular mysteries of artistic techniques and crafts. Symbols actualizing in traditional art is always paired with value content, with specific forms of socialization and encoding, providing the necessary level of collective and individual identity.

Traditional art is a symbolic medium that preserves human ontognoseologicheskies presentation, objectified and embodied in cultural traditions. The symbol in traditional art provides adaptive variability of the creative activity of the society, emotional and social cohesion of its members, creating cultural standards of human behavior. In the traditional art of the symbol has multifunctionality: it performs cognitive, suggestive, controlling function.

Keywords: symbols of traditional art, an idea, an ideal, value, institutionalization, communication, conventionality, interpretive, multifunctionality, abstraction, identification.

Проблемами сохранения символом своей метафизической полноты в традиционных художественных контекстах, связи со смыслотворением занимались А. Уайтхейд, Л. Уайт, А. Гольдшмидт, Х. Данкен, Г. Ципф, Т. Веблен, С. Кожибский, Г. Деттеринг, А. Блюмер, А. Рауз, ряд других авторов.

В отечественной традиции круг интересующих нас вопросов представлен в работах З. Обрамова, А. Бройля, Б. Фролова, А. Столяра, М. Хлобыстина, Ю. Голендухина, А. Галена. Представители московско-тартуской школы также внесли значительный вклад в понимание сущности символа как вещи, как транслятора ценностных смыслов бытия, прежде всего Вяч.Вл. Иванов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров.

Традиционное искусство понимается, например, А. Голеном, как символическая среда, в которой сохраняются онтогносеологические представления человека, объективированные и закреплённые в культурной традиции [2, с. 134]. Искусство народа имеет дело с символизацией реальных или нереальных объектов, обретающих образно-художественное конкретное воплощение. В фольклорных формах искусства опредмечивается «общезначимый символизм», в котором и при помощи которого сохраняется опыт, объективируется историческая память.

Можно сказать, что искусство в традиционных культурах – это «символический объект, выполняющий символическую функцию» [5, с. 212]. Данный подход эффективен при анализе именно фольклорных, но не иных форм искусства, при анализе символа в традиционных культурах, а не символическая природа искусства.

В традиционных (фольклорных) формах искусства символ обладает полифункциональностью: он выполняет когнитивную, суггестивную, контролирующую, нормотворящую функции. Кроме того, он связан с процессами легитимизации, институционализации, выступая как специфическое побуждающее орудие социального действия. Традиционное искусство производит, хранит, использует и ретранслирует символы культуры.

Формы традиционного искусства, создают и сохраняют символы, которые эффективно используются социальными институтами с целью распространения соответствующих идей, идеалов, норм, установок. Через и посредством символов, создаваемых и ретранслируемых фольклорной культурой (прежде всего искусством), формируются совершенные формы коммуникаций. Можно сказать, что искусство посредством символов институализирует повседневную жизнь, выполняя чрезвычайно значимую социальную функцию. При этом, «создавая» символы, оно даёт возможность использовать их с различными целями.

Одна из главных целей – сформировать моральные установления, а также онтогносеологические представления посредством их художественно-образного воплощения. При помощи символов представляется наглядно, эмоционально-убедительно истинное содержание человеческих действий, обосновывается значимость самого представления об истинном. Это чрезвычайно важно, т.к. в рамках традиционных культур деятельность в соответствии с представлениями об истинном понимается как свобода [2]. Через символы традиционное искусство задаёт направление значимой деятельности, придаёт ей смысл, укоренённость в ценностных ориентациях; оно способствует формированию определённой ролевой структуры народа, связанной с процессами социальной и культурной дифференциации.

Символы традиционного искусства связаны не с пассивным отражением чего-либо, а с процессом выработки и изменения системы (или её части) социальных значений как определением и переопределением ситуаций социокультурных взаимодействий. После переориентации социальных и культурных

значений тех или иных символов меняется и среда социальной и культурной деятельности народа. Вот почему каждый социум вырабатывает определенные средства канонизации символов в рамках фольклорных форм культуры, что резко снижает их динамизм и влияние на изменение социокультурной среды. Символы, отраженные и воплощенные в искусстве, группируясь, могут создавать различные «миры социального и культурного взаимодействия», которые могут быстро меняться, рекомбинироваться, когда символические объекты, их составляющие, меняют свое значение.

Чтобы глубже разобраться в динамике символов в традиционном искусстве, необходимо прояснить специфику обретения ими художественно-образной формы.

Совершенно очевидно, что бытие символов в традиционном искусстве будет обладать необходимой полнотой только в случае их сопряжения с таким качеством, как художественность. В этом плане вполне корректно говорить о «художественных символах» в контексте традиционного искусства.

Художественные символы характеризуются рядом особенностей, которые обуславливают динамику их существования и формы актуализации в художественных контекстах бытия народа. К таким особенностям следует отнести, прежде всего, образность. В силу своей образности художественные символы представляют собой не просто выражение некоторого социокультурного отношения, опыта, но итог и условие художественной деятельности. Художественные символы выступают как высшее проявление художественного образа, как его квинтэссенция, в силу чего в художественных символах присутствует отражение целостного, синкретичного, органически - единого «схватывания» реальности. Художественные символы именно в силу данных качеств организуют произведение искусства как бесконечно разворачивающуюся внутри себя целостность, полную смысла и способную актуализировать свое содержание в том или ином художественном явлении. Художественные символы в традиционном искусстве существуют как единые, целесообразные феномены, в которых все составные части, по словам Гегеля, сохраняют определенную самостоятельность при кажущейся непреднамеренности и независимости [3, с. 381-382]. Сохраняя внутреннее неразрывное единство, внутреннюю гармонию, художественные символы обладают порождающей, креативной способностью. Они могут разворачиваться в пространстве и времени, в различных художественных контекстах как открытая система, продуцирующая те или иные образно-смысловые формы объективации своего содержания. Символы явлены в традиционном искусстве, в художественных практиках как полный единства «континуум», ни одна из составных частей которого не выражает полноту бытия и исчерпанность смыслов. В силу этого художественные символы выступают как эффективное, универсальное средство рекомбинации различных элементов реального и «ирреального» бытия.

Обладая данными свойствами, они обретают «своеобразную конкретно-историческую эстетическую тотальность, определенным образом отражающую и организующую мир этноса» [4, с. 116]. Выступая как «неповторимая завершенная незавершенность», они содержат в себе бесконечную неисчерпаемую глубину, способствующую бесконечной реинтерпретации смыслов.

Поэтому художественные символы помогают отразить практически все богатство жизненных проявлений народа. Прямо или косвенно, в реалистической

или иллюзорно-условной форме они воспроизводят, отражают, репродуцируют различные свойства, качества, символы и значения явлений природы, жизни коллектива и отдельного человека. При этом в художественных символах осуществляется абстрагирующее отвлечение от реальной жизни в сторону ее идеализации, что дает возможность осуществить гармонический синтез общего и конкретного. При этом конкретное доводится до возможной полноты всеобщего. Поэтому можно сказать, что художественные символы в традиционном искусстве – «это всегда конкретная, имманентно осуществленная, реально данная бесконечность и неисчерпаемость» [4, с.116].

В них проявляется смысловая глубина мира, так, как ее понимает, постигает, отражает и означает народ. Существовая как «органическая целостность» и «естественный синтез», художественные символы характеризуются предельной яркостью, образностью, самобытностью, многоязычностью, экспрессивностью, неисчерпаемостью и содержательной глубиной. Они отражают культурно-историческую реальность и связаны с наиболее значимыми, сущностными смыслами бытия, сопрягаясь с проблемами добра и зла, жизни и смерти, вины и воздаяния, свободы и необходимости, истины и лжи. В контексте традиционного искусства такое сопряжение объективируется посредством идеала как отражения представлений человека о достойной жизни, о должном. Можно сказать, что в традиционном искусстве идеал выступает как порождающий принцип художественной символической образности. В идеале отражается образ базовых ценностных ориентаций народа. С его помощью происходит продуцирование новых состояний, новых устремлений и целей. Посредством идеала, воплощенного в системе художественных символов, осуществляется рефлексия диалектической взаимосвязи сущего и должного, выражение социально-психологических особенностей в их направленности ко все более полному самосознанию и самоидентификации народа, формируется прообраз оптимального образа и качества жизни, наиболее совершенных систем взаимоотношений с природой, с инокультурными сообществами, с членами «своего сообщества». Вместе с тем, идеал, воплощенный в художественном символе, представляет собой концентрированное выражение актуальной социально-психологической проблемной ситуации определенного момента истории. Поэтому содержание идеала - понятие историческое, оно меняется в зависимости от конкретно-исторической ситуации, конкретных культурных условий бытия. Понятно, что и художественные символы, в которых идеал объективируется, не остаются неизменными, а несут отпечаток конкретного исторического времени. Вместе с тем, художественные символы в традиционном искусстве обладают повышенной устойчивостью, инерционностью, воспроизводимостью. Они в зримо воспринимаемых конкретных образах репрезентируют идеал как своеобразный структурный критерий или референт всех смыслов социокультурного бытия. В художественных символах идеал обретает наиболее адекватную, зримую, чувственно-определенную, эмоционально-полную форму своего воплощения.

Художественные символы в традиционном искусстве этноса обладают различной полнотой и насыщенностью. Насыщенность символа определяется в первую очередь качеством идеи, которую он выражает. С этим связана типология художественных символов в традиционном искусстве. Первый тип - это наиболее простые символы, в которых минимально проявляется насыщенность

идей. Они, как правило, имеют достаточно узкие границы художественной актуализации.

Второй тип художественных символов более сложен и репрезентирует идеал с достаточной полнотой. Третий тип - это всеобщие по смыслу символы, которые воплощают идеал народа во всей его полноте, определяют и отражают фундаментальные смыслы бытия.

Однако, такая типология достаточно условна, т.к. в строгом смысле любой художественный символ имеет неисчерпаемую глубину и многоуровневость интерпретативного потенциала. Символ как бы трансцендирует реальные символы и формы его существования, оставаясь имманентным самому себе. Данное качество художественного символа хорошо охарактеризовал М.А. Петровский: «Символический образ есть замкнутая смысловая сфера, не допускающая произвола в толковании. Внутри этой сферы наличествует смысловая неисчерпаемость, аналогичная с числительной неисчерпаемостью точек в замкнутом геометрическом пространстве. Все эти, назовем их потенциальные, смыслы тем самым имманентны своей сфере... Художественный символ говорит нам о том, что в нем пребывает, а это значит: говорит о себе сам» [6, с. 80].

Символ в традиционном искусстве конвенционален, его интерпретация, восприятия, воспроизведение требует соблюдения определенных правил, условий, без которых его понимание в полной мере невозможно. Если не знать значения художественных символов народа, их можно просто «не заметить», не вычленив из окружающего контекста. Поэтому предварительное знакомство с ними, знание их основных значений и интерпретаций, культурно-исторических контекстов бытования, обязательно. Не распознавая значений тех или иных символов, нельзя их понять, различить, выявить их специфические черты.

Наиболее явно данная закономерность проявляется тогда, когда исследователь имеет дело с этническими орнаментами, куда входят архаические графические фрагменты, линейные схемы, без прояснения значений которых невозможно понять семантические контексты орнаментальных символов с их космологической и антропологической наполненностью. Для различных художественных символов степень конвенциональности различна и сопряжена с их древностью, мерой распространенности, степенью включенности в многочисленные культурные сферы. Являясь конвенциональным, художественный символ, тем не менее, всегда обладает повышенной эвристичностью и креативностью. Он нацелен на вариативное восполнение реальности и связан с нацеленностью на сущностное постижение результатов освоения народом действительности. В этом плане в художественных символах традиционного искусства находят свое концентрированное отражение общезначимые социокультурные проблемы истории народа.

Внутреннее содержание художественных символов можно представить, как имеющее потенциальную завершенность, постепенно разворачивающееся во времени, отражающее зрелость народа, полноту его идентичности. В результате открытые до поры до времени смыслы художественных символов актуализируются, организуя по-новому художественные контексты, с ними связанные. «В процессе своей ... жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; они ... как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [1, с. 332].

Художественный символ всегда полисемантичен, амбивалентен, неисчерпаем. При этом в традиционном искусстве этноса он предстает как единство противоположностей, как синтез противоречий, что обуславливает художе-

ственную образность символа и его полифункциональность. Полисемантизм, амбивалентность художественных символов дают возможность их насыщения постоянно обновляющимися значениями, которые отражают актуальный опыт. На основе этого художественные символы традиционного искусства способны при всей своей древности выражать самые современные проблемы.

Художественные символы в традиционном искусстве не остаются в неизменном виде, их движение и развитие определяется колебаниями между знаком и образом. В ряде случаев они тяготеют к знаку, обретая четкую конвенциональность, инвариантность, однозначность, небольшой смысловой объем, условность, т.е. те качества, которые обычно приписываются знаку. Можно говорить о том, что такая форма объективации символа связана с его специфическим «угасанием» с обеднением его образной природы, образной полноты. В этом случае максимальное «угасание» символа через аллегория, олицетворение, метафору приводит к его вырождению в область эмблематики, геральдики и т.п., то есть в область образно-графической знаковости.

Обеднение содержания художественного символа, превращение его из символа-образа в символ-знак - очень противоречивый и сложный процесс, который обусловлен как имманентно-художественными, так и социокультурными, историческими факторами. Чем больше и чаще художественный символ воспроизводится, тиражируется в различных контекстах, тем быстрее он утрачивает полноту своих смыслов, свою новизну, и тем быстрее он начинает тяготеть к знаку. Обретая знаковую природу, становясь символом-знаком, художественный символ в традиционном искусстве уже не выступает как концентрированное выражение и отражение разнообразных эмоционально-психологических коллизий, свойственных народу, его идеалов.

Он упрощается, становится достаточно схематичным и примитивным. Вместе с тем, возможно и обратное движение художественных символов в традиционном искусстве: от «знаковости» к «образности», от символа-знака к символу-образу. Однако, данные процессы достаточно редки и предполагают в большинстве случаев отказ от анонимности в пользу профессионализма, индивидуального авторства, что связано с разложением традиционного (фольклорного) искусства. Диалектическое движение художественного символа от знака к образу и от образа к знаку наиболее значимо для традиционного искусства, непосредственно связанного с устной традицией, с «малой» культурой, архаическими смыслами и мифологемами, из которых оно черпает содержание своих художественных форм. Художественные символы вдохновляются этническими преданиями, мифологическими представлениями, древними традициями. В традиционном искусстве никогда не прекращается процесс возобновления, появления и угасания одних и тех же форм символического выражения, движения символа от образа к знаку и обратно.

Символы традиционного искусства могут воплощаться и в «большой» культуре в виде составной части религиозных, философских, теологических, этических «символов-программ», которые выражают смыслы существования национальной элиты и обуславливают формы и способы обоснования государственно-политических, идеологических целей и задач. Отсюда и постоянное тяготение используемых в традиционном искусстве символов к знакам, условным обозначениям, указаниям на вне их находящуюся и только лишь косвенно с ними связанную сущность. И только в наиболее значительных художественных

творениях происходит окончательное впечатляющее растворение знакового начала художественного символа в образе, и он предстает во всей своей силе: становится подлинным средоточием социально-психологических и идейных напряжений времени и эпохи.

Динамика художественных символов в традиционном искусстве, их изменчивость и насыщение новым содержанием обуславливается прежде всего изменением представлений народа о реальности, выработанной им новой картины мира, нового миропонимания. Это связано с тем, что привычные стереотипные представления начинают переоцениваться, трактоваться по-новому. Вычленяются иные структурно-функциональные связи, отношения, которые подвергаются символизации и образуют новое ядро системы художественных символов этноса.

Актуальные, принципиально новые цели и задачи существования могут находить свое отражение не только в новых символах, но и в реинтерпретации старых.

Однако, традиционная символика - наиболее консервативная, инертная, аморфная часть культурного наследия. В традиционном искусстве символы в своем генезисе восходят к самым ранним, архаическим этапам развития культуры: к палеолиту, мезолиту, неолиту. Они связаны с мифологией, с древнейшими элементами архаической картины мира. Данная совокупность символов, сложившаяся в первобытную эпоху и связанная с развитием первобытных форм сознания, представляет собой устойчивую систему, практически сохранившую основные черты своей первоначальной структуры. Эти символы отражают в образно-художественной форме коллективные представления о труде, природных явлениях, характере межчеловеческих отношений, сакральных феноменах и т.п. В силу древности и устойчивости одной из отличительных характеристик данной совокупности художественных символов в традиционном искусстве является их латентность по отношению к «большой» традиции, индифферентное отношение к господствующим в обществе идеям и представлениям.

Вместе с тем, в современных условиях традиционные символы чаще всего игнорируются, вытесняются, отбрасываются на периферию духовной жизни, сохраняясь лучше всего в фольклоре, в народных магиико-культурных практиках, суевериях, разнообразных древних формах этнического творчества. Древние символы в рамках художественно-культурной традиции сохраняются в орнаменте. Графические абстракции являются наиболее элементарными в своем образном изображении символами. Для них характерна значительная неопределенность между изобразительной стороной и смыслом, который за ней скрывается. Именно в силу этого графические символы (самые древние по своему генезису) обладают наибольшей по сравнению со всеми иными видами символов насыщенностью и интерпретативной глубиной. Однако, при огромном разнообразии образно-художественных решений, свойственных различным этнокультурным традициям, возможна и определенная схематизация, унификация художественных символов. Речь идет графической абстракции. Она как форма существования символов больше, чем любые другие проявления символического в художественно-культурной традиции, связана с мифологией, магией, религией. Графическая абстрактная является наиболее архаичным и устойчивым «способом» существования символа, обладающая повышенной воспроизводимостью.

Кроме схематизации, для функционирования символов в традиционном искусстве, имеет большое значение конвенциональность. За любым образом, изображением, предметным представлением закрепляется определенное свойство, смысл, отношение, которые позволяют им служить выражением строго определенных идей и значений. В этом смысле можно отметить слова В. Иванова: «Смысл вещей гораздо более множественный, чем мы это себе представляем. Любая вещь может означать столько иных вещей, сколько она имеет явных и скрытых свойств, связывающих ее с другими вещами» [7, с. 67].

В результате конвенционализма в художественно-культурной традиции начинается закрепляться система изобразительных кодов как специальных «правил замещения» определенных идей, смыслов, значений, феноменов. Изобразительные коды в художественно-культурной традиции могут быть «растительными», «животными», «предметными» и т.п. Эти коды выступают в качестве обязательного требования, правила, как для создания, так и для восприятия символической образности традиционного искусства. Если реципиент, сталкивающийся с изобразительными кодами традиционного искусства, не знает правил и канонов замещения, он не сможет адекватно воспринять и смысла символов, с которыми имеет дело.

Знание изобразительных кодов позволяет опознавать символы и образы, видеть за ними как реальные события, так и то, что относится к «киному»: другую реальность, помимо той, которую они непосредственно изображают.

Кроме схематизации и конвенциональности средством конструирования символической образности в традиционном искусстве выступает детализация, т.е. практика наделения наиболее значимых символических изображений специальными деталями, знаками, выделяющими их из общего ряда. Это дает возможность подчеркнуть их особое значение, идеологическую или экзистенциальную силу, мощь идей, идеалов, олицетворением которых они являются и с идентифицированными образами которых они связаны. В этом случае символизация касается в первую очередь наиболее значимых для народа реально-исторических или вымышленных персонажей, с личными качествами которых он самоидентифицируется. Эти идентификационные образы, подвергающиеся художественной символизации, олицетворяют самые важные, поворотные моменты в истории народа, в его социальной и культурной жизни. Они отражают осознание своего предназначения, своих, целей и смыслов существования.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества - М., 1975. С. 332.
2. Гален. А. Традиционное искусство: подходы и методы анализа. Томск, 1997. С.134.
3. Гегель Г.В. Эстетика, М., 1992, т.3. С.381-382.
4. Карагонов М.А. Принципы художественного анализа фольклорных форм культуры - Екатеринбург, 1994. С.116.
5. Мариманов В. Искусство и миф - М., 1997. С.212.
6. Петровский М.А. Выражения и изображение в поэзии. // Художественная форма - М., 1927. С. 80.
7. Русские писатели об искусстве - М., 1994. С.67.

С.В. Лаптев, Ф.В. Филина

**РЫНОЧНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE MARKET REGULATION OF EDUCATIONAL
ACTIVITIES IN THE LIGHT OF CONTEMPORARY TRENDS
DEVELOPMENT MANAGEMENT AND FUNDING
OF HIGHER EDUCATION**

ЛАПТЕВ Сергей Вениаминович - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансового менеджмента ФГБОУ «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (e-mail: laptev5552@mail.ru).

LAPTEV Sergey Veniaminovich – Dr. Econ., Prof., Professor of financial management, Plekhanov Russian University of Economics (e-mail: laptev5552@mail.ru).

ФИЛИНА Фаина Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГТУ (e-mail: filinafv5552@mail.ru).

FILINA Faina Valentinovna - Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Accounting, Analysis and Audit», MSHEU (e-mail: filinafv5552@mail.ru).

Аннотация. В статье выявлено значение элементов рыночной организации образовательной деятельности для повышения темпов экономического развития России, осуществления модернизации экономики и ее последующего перехода к инновационной модели развития. Проанализированы причины несбалансированности спроса и предложения в сфере образовательной деятельности и низкой эффективности влияния рыночной организации на структуру и качество подготовки выпускников вузов. Обоснована возможность достижения сбалансированности спроса и предложения в сфере высшего образования и повышения эффективности ее воздействия на реальный сектор экономики на основе разработки и реализации стратегических прогнозов и планов осуществления модернизации ключевых отраслей российской экономики, институционализации взаимодействия субъектов образовательной деятельности, а также конкретизации требований работодателей к структуре и качеству подготовки студентов по основным направлениям и профилям обучения.

Ключевые слова: рыночная организация образовательной деятельности, стратегическое прогнозирование и планирование экономики, эффектив-

ность, регулирование рынков продуктов и ресурсов образовательной деятельности, требования работодателей к структуре и качеству подготовки студентов.

Summary. *The article identifies the importance of elements of market organization of educational activities to increase the pace of economic development of Russia, modernization of the economy and its subsequent transition to innovative model of development. Analyzed the causes of the imbalance of supply and demand in the field of education-activity and low efficiency of the impact of market organization on the structure and quality of training of graduates. Substan-WAN's ability to balance supply and demand in higher education and improving its impact on the real economy through the development and re-average sales forecasts, and strategic plans for the modernization of key sectors of the Russian economy, the institutionalization of interaction of participants of the market of educational services, as well as the specification of requirements of employers to the structure and quality of training of students on the main directions and profiles of education.*

Keywords: *the market organization of educational activities, strategic forecasting and planning of the economy, efficiency, regulation of products and resources, educational activities, employers ' requirements to the structure and quality of training of students.*

Российское общество приучено к тому, что организация образования, высшего в том числе, рассматривается органами государственной власти, политическими партиями и СМИ как объект социальной политики, связанный с удовлетворением социально-культурных потребностей населения. Не отрицая социальной значимости образования и образовательной политики для населения, попытаемся, тем не менее, обосновать тезис о том, что экономическая организация образования, высшего, прежде всего и в том числе, является в настоящее время одним из ключевых факторов, определяющих наличие либо отсутствие стратегических преимуществ в экономическом соревновании отдельных стран в мировом хозяйстве.

Могущество любой преуспевающей страны в наше время основывается на факторах, в числе первых из которых находятся состояние и организация образования и науки. Яркий пример – США. «Путь, который привел Соединенные Штаты к их привилегированному положению в XXI веке, хорошо известен... США производят одну пятую валового мирового продукта и 25% мировой промышленной продукции. США – крупнейший производитель продовольствия; пять из двенадцати ведущих индустриальных компаний мира базируются в этой стране... В Соединенных Штатах расположены некоторые наиболее авторитетные в мире университеты и научные центры. Практически во всех областях науки и технологий никто в мире не может хотя бы приблизиться к Соединенным Штатам». Для сравнения: что думают американцы о причинах отставания Латинской Америки: «хотя Латинская Америка с ее безграничными трудовыми ресурсами вполне могла бы стать конкурентоспособной с точки зрения мировой экономики, ей мешает преуспеть низкое качество государственного образования. Как частный, так и государственный секторы вносят недостаточно весомый вклад в научное и технологическое развитие» [15, с. 10-12]. Высказывание известного футуролога Ф. Фукуямы показательным не только в том смысле, что американцы дают оценку организации образования и науки в стране как одному

из ключевых факторов экономического преуспевания либо, наоборот, отставания, но и в том смысле, что они оценивают значение того или иного института либо аспекта в жизни общества не самих по себе, а потому, как они влияют на экономическое развитие. С такой здоровой и рациональной оценкой можно вполне согласиться.

Американские ученые достаточно регулярно получают Нобелевские премии по экономике, в том числе за работы по организации рынков труда и рынков, организующих образовательную деятельность. Это не случайно, поскольку в цивилизованном мире понимают, какое значение эти рынки, повышение их гибкости имеют для экономического развития. Человеческий капитал во всем мире не на словах, а на деле стал определяющим фактором экономического развития, поскольку именно он определяет основную долю прироста ВВП. Эффективность по В. Парето, как известно, определяется распределением экономических ресурсов по сферам, направлениям, ячейкам экономической деятельности. Гибкое распределение, не сдерживаемое никакими искусственными ограничениями, обеспечивает увеличение общественного благосостояния за счет перемещения, перетока ресурсов туда, где они могут обеспечить большую отдачу. Если общество четко и последовательно защищает права собственности участников рыночных сделок, оно поддерживает высокую мотивацию для обоснованного перераспределения ресурсов, нахождения их новых, более эффективных комбинаций предпринимателями, инноваторами, создавая условия экономического развития в духе Й. Шумпетера [17].

Когда государство последовательно вкладывает деньги в развитие различных элементов инфраструктуры (правовой, транспортной, рыночной, информационной и т.д.), оно тем самым уменьшает издержки перемещения экономических ресурсов из сферы менее выгодного в сферу более выгодного применения, способствуя увеличению количества и интенсивности Парето-улучшений в экономике. Именно поэтому, для создания такого рода условий повышения экономической эффективности «на рынке товаров государственное регулирование желательно» [6, с. 75]. Государство должно создавать условия для того, чтобы рынок делал свою работу хорошо и в первую очередь там, где от этого можно получить наивысшую отдачу. Если именно человеческий капитал в XXI веке вносит решающий вклад в экономическое развитие, значит, в первую очередь государство должно позаботиться о повышении гибкости рыночной организации образовательной деятельности. Чем более гибки рынки высоко квалифицированного труда, иных ресурсов и продуктов образовательной деятельности, тем скорее и с меньшими издержками перемещаются и все прочие экономические ресурсы туда, где они могут принести наивысшую отдачу, способствуя повышению эффективности экономики и росту экономического благосостояния населения. Значимость состояния и гибкости рынков квалифицированной рабочей силы и иных ресурсов в сфере образовательной деятельности многократно возрастает еще и потому, что в сфере образования вообще и высшего образования, в особенности, создаются различного рода положительные внешние эффекты (например, связанные с тем, что образованные люди более законопослушны, что требует меньших затрат на охрану общественного порядка, или с тем, что в процессе обучения – при определенных, конечно, условиях - развиваются творческие способности человека, которые могут быть успешно применены в сфере предпринимательства, научно-исследовательской деятельности,

государственного управления и т.д., или с тем, что производительность труда у работников, обладающих прочными и надежными знаниями, выше, чем у тех, кто этими знаниями не обладает, поэтому вклад образованных и культурных людей в общественное благосостояние - при прочих равных условиях, - выше и растет быстрее, чем у людей со средним либо менее качественным образованием). Повышение качества образования либо повышение степени адекватности приобретенных в ходе обучения компетенций требованиям предоставляемых рабочих мест, несомненно, создает значительные положительные внешние эффекты и не только для отдельных лиц, но и для всего общества. Однако государство должно создать необходимые условия, при которых взаимодействие участников рыночных сделок будет увеличивать положительные и уменьшать отрицательные экстерналии.

«Если бы имелось общее согласие, то не было бы необходимости ни в каком правительстве. Причина, по которой существует правительство, кроется в том, что иногда (часто) согласие оказывается неполным» [14, с. 50]. Таким образом, при отсутствии должного институционального регулирования процессов взаимодействия участников рынка ресурсов и продуктов в сфере образовательной деятельности последовательно и эффективно управлять внешними эффектами образовательной деятельности в интересах общества невозможно.

Следовательно, значение элементов рыночной организации образовательной деятельности для экономического развития огромно. Должным образом организованные рынки ресурсов и продуктов образовательной деятельности создают долгосрочный эффект постоянно усиливающихся и нарастающих Парето-улучшений в различных сферах экономической деятельности, что в свою очередь является одной из предпосылок инновационной экономики. Если экономически развитые страны сознательно формируют такие эффекты применительно к рынкам разных видов ресурсов и управляют ими, то невозможно не только опередить их, но даже отдаленно приблизиться к ним, не делая того же самого.

Итак, сделаем выводы: какую организацию рынков в сфере образовательной деятельности следует считать эффективной. Исходя из общих представлений об эффективности рынка вообще, можно утверждать, что рынки ресурсов и продуктов образовательной деятельности организованы эффективно, если структура и качество подготовки выпускников вузов соответствует потребностям экономики и если объем предложения ресурсов в сфере высшего образования соответствует спросу. Если говорить о простом, количественном соответствии предложения спросу на результаты образовательной деятельности, то такое соответствие рынок сам по себе обеспечить не может.

На *рис. 1* показана простейшая модель равновесия на рынке продуктов образовательной деятельности. На вертикальной оси отображены цены и предельные издержки, на горизонтальной – количество единиц труда. U_{Lo} – предельная полезность труда для организаций, то есть создаваемая трудом выгода для нанимателей (прибыль в коммерческой организации либо выполнение полезной работы для бюджетной организации). U_T – предельная полезность труда для общества, включающая предельную полезность труда для организаций и дополнительную предельную выгоду использования труда для общества. Последняя представляет собой способность труда создавать некоторые его синергетические полезные эффекты для общества, например, способность работника выра-

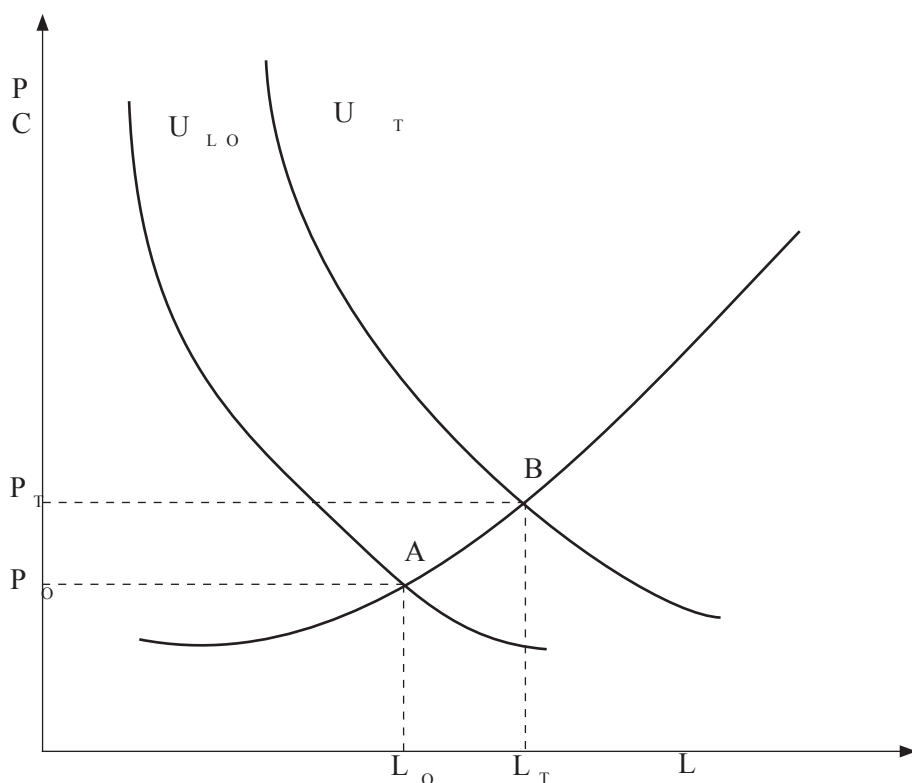

Рис 1. Равновесие на рынке продуктов образовательной деятельности

жать гражданскую позицию при выполнении своих обязанностей, видеть общественный смысл своего труда, создаваемый им полезный эффект для общества, реализуемый у потребителя, видеть смысл своего труда не только в пользе для работодателя, но и в его пользе для общества, способность принимать решения с учетом выгоды, полезности своего труда для общества, способность развивать, культивировать в себе способности и навыки, необходимые не только для работодателя, но и для общества.

На графике видно, что с позиции общества предельная полезность труда выше, чем с позиций частного бизнеса или интересов экономически обособленной организации, финансируемой из бюджета. Но предприниматель либо руководитель относительно обособленной бюджетной организации в общем случае не видит, не замечает выгоды от применения труда работника для общества и не готов платить за приобретение работником дополнительных способностей и навыков, необходимых для реализации полезности его труда для общества, например, патриотизма, любви к отечеству, способности разбираться в истории страны, ее политике и т.д. Руководство организаций не предъявляет спроса на формирование дополнительных социальных качеств работника, которыми он может быть полезен для общества, поэтому целенаправленное формирование таких качеств возможно только при поддержке общества и при его участии в финансировании образовательного процесса, по крайней мере, в силу его полезности для общества. Таким образом, важные для общества социальные качества и способности личности обучаемого специалиста могут быть сформированы только по социальному заказу государства, под его контролем и при его

участии в финансировании соответствующих расходов на подготовку. Спрос на результаты образовательной деятельности, с учетом их полезности для работодателей и общества в полном объеме без участия государства не может быть сформирован.

Рассмотрим теперь ту составляющую спроса на результаты образовательной деятельности, которая формируется предпринимателями коммерческого сектора и руководителями экономически самостоятельных бюджетных организаций. В настоящее время этот спрос структурно, количественно и по содержанию подготовки не соответствует предложению результатов образовательной деятельности, то есть подготовленных специалистов. Анкетные опросы выпускников вузов показывают, чаще всего они работают не по специальности. «Часто встречается такое, что учебное заведение договорилось о стажировке энного количества студентов в фирме/на заводе и пр., но эти фирмы/заводы чаще всего не имеют возможности принять студентов на достаточное для получения практических знаний время. Поэтому студенты чаще всего идут работать не по специальности, а менеджерами, промоутерами, курьерами и на другие должности низшего звена с маленькой перспективой карьерного роста или вообще без нее. И, что не удивляет, трудоустройство по таким вакансиям чаще всего неофициальное. То есть даже работая, студент не получает записи в трудовой книжке, что опять же лишает его опыта работы, но в данном случае документально подтвержденного» [11].

Исследователь Краснокутская Л.Н. также отмечает, что большая часть выпускников вузов в настоящее время работает не по специальности [7, с. 8]. Международные исследователи в области организации рынков квалифицированного труда выпускников вузов США, получившие Нобелевскую премию по экономике в 2010 г. [18], в качестве одной из главных причин значительного структурного несоответствия спроса и предложения труда выпускников вузов называют недостаточную информационную проницаемость рынков в сфере образовательной деятельности. Эта проблема имеет достаточно общий характер для экономически развитых стран и тем более стран догоняющего развития. Однако, по крайней мере, в странах развивающихся нестыковка спроса и предложения в сфере образовательной деятельности имеет и более глубокие причины, чем просто несовершенство распространения информации.

Многие российские исследователи рыночной организации образовательной деятельности в качестве главных причин разбалансированности спроса и предложения в сфере вузовского образования указывают на плохую организацию рынков и значительное расхождение интересов его участников [например: 5, 16]. Исследователи в начале 2010-х годов отмечают: от 40% [2] до двух третей [5] выпускников вузов не могут найти себе работу по специальности. Навысшие трудности вызывают: несоответствие структуры рабочих мест и требований работодателей к полученным в ходе обучения компетенциям выпускников. При этом работодатели часто предлагают рабочие места, не требующие уровня знаний специалиста, выпускника вуза, при весьма скромной зарплате, без перспектив получения жилья и карьерного роста и ожидают от получивших работу стабильности. Выпускники же хотят приличной зарплаты, карьерного роста. Значительная часть из них, которая хорошо училась и имела практику до поступления на работу, ориентирована на соответствие полученной вакансии приобретенному образованию.

После вхождения России в рыночные отношения и до начала проявлений мирового финансово-экономического кризиса в России «численность выпускников растет очень быстро: за период времени с 1994 по 2009 в 3,3 раза, на бюджетной основе – только в 1,5 раза» [13, с. 136]. За это время экономика и образовательная отрасль развивались по разным тенденциям и в итоге пришли к несоответствию друг другу.

«В развитых странах (в постиндустриальном мире) в высшей школе обучается более $\frac{1}{2}$ возрастной когорты. В развивающихся странах – мире индустриальном или даже индустриально-сельском – эта доля пока значительно ниже - в большинстве случаев до $\frac{1}{3}$ или даже до $\frac{1}{5}$. Россия, будучи по целому ряду индикаторов страной развивающейся, по доле возрастной когорты, идущей в высшие учебные заведения, попадает в первую категорию стран: в российские вузы в настоящее время поступает свыше 75% возрастной когорты» [4, с. 12]. Таким образом, совокупное предложение труда выпускников вузов России в настоящее время существенно опережает спрос. И это одна из главных причин разбалансированности рынков в сфере образовательной деятельности.

Сохранение разбалансированности рынков в сфере образовательной деятельности на длительное время дезорганизует экономику и усугубляет ситуацию неэффективного использования экономических ресурсов в России. Поэтому из данной ситуации есть два выхода.

Первый - это путь усечения высшего образования, приведения его в соответствие с наличной энерго-сырьевой, стагнирующей структурой экономики, чреватый утратой значительной части накопленного образовательного и культурного потенциала.

Второй возможный путь – использование резерва образовательного, человеческого, культурного капитала для модернизации национальной экономики и ее последующего перехода к модели инновационного развития [8]. В этом случае, наоборот, качество и широта охвата населения системой высшего образования может стать опорой, одним из условий для перехода к модели ускоренного развития. В этом случае темпы и масштабы проведения модернизации должны будут обеспечить увеличение занятости квалифицированных специалистов в модернизируемых отраслях. В таком случае потребуются существенное повышение качества образовательной подготовки студентов вузов, а также радикальное повышение эффективности рынков, регулирующих условия образовательной деятельности: при крайне ограниченных экономических ресурсах, которые придется весьма экономно тратить на финансирование инвестиций, совершенно неприемлемы будут несоответствия структуры и качества подготовки выпускников вузов потребностям модернизируемой экономики. Поэтому начинать решать задачу повышения эффективности регулирования образовательной деятельности необходимо уже сейчас.

Что же для этого следует сделать?

Во-первых, следует подумать об упорядочивании процесса взаимодействия нанимателей и нанимающих на рынке результатов образовательной деятельности. «На сегодняшний день в структуре мотивационных предпочтений студентов примерно равную выраженность имеют три показателя: возможность карьерного роста, возможность самореализации и высокая заработная плата». [1, с. 181]. Со стороны работодателей же предъявляются требования другого характера. «По оценкам экспертов, требования работодателей к подготовке специ-

алистов в современных контекстах довольно жесткие, зачастую необоснованно высокие, что обусловлено, скорее, ситуацией на рынке труда, где наблюдается перепроизводство специалистов с высшим образованием определенных профессиональных направлений...Гибкость, мобильность специалистов, умение нестандартно подходить к решению профессиональных задач - вот, пожалуй, основные требования работодателей, помимо собственно профессиональной компетентности, в современных условиях» [3, с. 98]. Работодатели не склонны предлагать выпускникам вузов высокую оплату и создавать условия для быстрого карьерного роста. Но предъявляют целый ряд требований к личностным качествам, которые могут быть полезны на работе.

«Работодатели обращают внимание не только на наличие диплома, но и на то, что сделали интересного, значимого для своего профессионального развития студенты в процессе обучения. Следовательно, будущим специалистам надо заниматься разработкой различных проектов, участвовать в конкурсах, грантах, конференциях, что позволит им развить логическое мышление, навыки публичного выступления, научных дискуссий. Вместе с тем, потенциальные работодатели ждут от них значительно большего не только в профессиональном плане, но и в социальном, морально-этическом. Эти ожидания, связанные с наличием определенных социальных качеств у выпускников. К ним относятся:

- ответственность;
- умение общаться;
- грамотная речь;
- обучаемость;
- дисциплинированность» [12].

Необходимо институционализировать процесс взаимодействия работодателей и выпускников: включить в процесс реальные общественные организации, способные представлять интересы выпускников вузов на российском и региональном уровнях. Это могут быть профсоюзы работников высшего образования, отраслевые профсоюзы либо иные общественные организации, представляющие выпускников вузов. Важно упорядочить повестку для переговоров с работодателями, сделать ее в принципиальном отношении более или менее единообразной на всей территории страны – тогда согласование интересов и конкретных условий найма будет происходить намного быстрее и продуктивнее, чем сейчас. В состав переговорщиков необходимо включить и представителей вузов, - чтобы они могли видеть, понимать процесс и его итоги с двух сторон и отражать требования к изменению подготовки выпускников в своих учебных программах.

Благодаря такой институционализации взаимодействия участников рынка образовательных услуг все участники процесса взаимодействия приобретут способность быстрее и более адекватно отражать требования рынка. Влияние образовательной сферы на развитие экономики станет более продуктивным.

Во-вторых, неопределенность в отношении будущих потребностей в выпускниках вузов соответствующих направлений и профилей подготовки может быть существенно уменьшена посредством прогнозов и среднесрочных планов модернизации важнейших отраслей экономики. Тогда вузы смогут работать на заказ, под контрольные цифры потребностей в выпускниках соответствующих профилей и направлений подготовки. Планы модернизации вполне могут увеличить темпы роста российской экономики до 7-10% в год, что может привести

к ликвидации дисбаланса между спросом и предложением высококвалифицированного труда уже через 2-3 года. В итоге сформируется равновесная рыночная цена на квалифицированную рабочую силу, рынок же будет существенно более эффективно, чем в настоящее время, управлять структурой и качеством подготовки студентов вузов. Для того чтобы создать необходимые предпосылки более эффективного использования рынков ресурсов и результатов образовательной деятельности для целей развития экономики, потребуется переосмыслить и изменить парадигму современной финансово-экономической политики страны [9].

В-третьих, необходимо более четко, определенно и конкретно выразить необходимые требования к уровню и качеству подготовки выпускников вузов со стороны работодателей для их эффективного отражения в образовательном процессе вузов. Только в этом случае мониторинг качества подготовки выпускников вузов получит объективное основание и историческое оправдание и перестанет быть техническим инструментом бюрократической процедуры административного регулирования сферы высшего образования, инструментом сокращения количества вузов, решения других задач, не связанных рационально с потребностями развития российской экономики и общества. Тогда вузы и Министерство образования и науки смогут действительно конструктивно решать вопросы повышения качества высшего образования [10].

Список литературы

1. Багирова И.Х. Мотивационные предпочтения выпускников вузов в процессе трудоустройства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. №3 (23). С. 180-186.
2. Герасюк И.С., Романенко Е.А. Проблема трудоустройства выпускников вузов // Курорты, сервис, туризм. 2013. №2-4. С. 175-178.
3. Гильманов А.З. Социальная стратификация и социальная политика: диагностика и прогнозирование // Электронный экономический вестник Татарстана (Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан). 2013. № 1. С.97-104.
4. Клячко Т.Л. Вызовы профессионального образования / Т.Л. Клячко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
5. Колтунова Ю.И. Трудности трудоустройства и профессиональной адаптации выпускников вузов // Вестник Челябинского университета. 2014. № 24 (353). Философия. Социология. Культура. Вып. 34. С. 68-71.
6. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах / пер. с англ. – М.: СПб; Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
7. Краснокутская Л.Н. Проблемы трудоустройства выпускников вузов // ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ ВРЕМЕНИ. РОССИЯ XXI ВЕК. Издательство: Некоммерческое партнерство «Академия методического и технического содействия экспертной деятельности» (Курск). 2015. № 1(4). С.8-9.
8. Лантев С.В. Социальные факторы российской модернизации: проблемы выбора альтернативных возможностей использования // Инновации. 2102. № 5. С.89-91.
9. Лантев С.В. Проблемы изменения парадигмы финансово-экономической политики современной России // Вестник НГУЭУ. 2015. № 2. С. 55-70.

10. *Лаптев С.В.* Резервы повышения качества образовательного процесса в вузе на основе использования принципов и технологий открытого образования // *Инновации в образовании*. 2015. № 8. С. 53-62.
11. *Насретдинова М.М.* Проблемы трудоустройства студентов и выпускников ВУЗов // *Социологические науки*. 2013. Выпуск июль.
12. *Осипова Л. Б.* Проблемы социально-трудовой адаптации молодежи в современном российском обществе / Л. Б. Осипова, Е. А. Панфилова // *Проблемы формирования единого экономического пространства и социального развития в странах СНГ* (Тюмень, ТюмГНГУ, 2011 г.) : материалы междунар. науч.- практ. конф. Тюмень, 2011. С. 160–163.
13. *Пугач В.Р., Федорова Е.А.* Трудоустройство выпускников российских вузов (статистико-социологический анализ) // *Высшее образование в России*. 2011. № 10. С. 136-146.
14. *Таллок Г.* Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
15. *Фукуяма Ф.* Отставание / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. – М.: Астрель, 2012.
16. *Чанышкина Н.Я.* Трудоустройство выпускников вузов: опыт социологического анализа // *Вестник поволжского института управления*. 2013. № 6 (39). С. 58-63.
17. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития // Й.А. Шумпетер. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. - М.: Эксмо, 2007.
18. *Diamond Peter A., Mortensen Dale T., Pissarides Cristopher A.* Markets with search frictions. The Nobel prize in Economic Sciences 2010/ Режим доступа: http://www.Nobel_prizes/economics/laureates/2010/ (дата обращения: 13.03.2017).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЛИЗИНГ – ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIP AND LEASING - THE METHODS AND FORMS OF INTERACTION

РЫБИНА Инна Александровна - кандидат экономических наук, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (e-mail: innarybina@yandex.ru).

RYBINA Inna Aleksandrovna - PhD in Economics, Assistant Professor, Russian Academy of National Economy and Public Service under President of Russian Federation, Lipetsk branch (e-mail: innarybina@yandex.ru).

ГОСТЕВА Светлана Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (e-mail: gosteva-ss@bk.ru).

GOSTEVA Svetlana Sergeevna – undergraduate Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch. (e-mail: gosteva-ss@bk.ru).

Аннотация. Характерной чертой современной экономики является тесное взаимодействие государства и бизнеса, так называемое государственно-частное партнерство. Данный вид отношений реализуется в программных, договорных, административных и смешанных формах взаимодействия. Одним из инструментов программной формы взаимодействия является лизинг – наиболее перспективная форма привлечения заемных ресурсов для обновления основных производственных фондов. В данной статье проанализированы преимущества реализации лизинговых проектов с использованием механизма государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, лизинг, лизинговая компания, модель государственно-частного партнерства, лизинговая компания с государственным участием, преимущества лизинговой сделки, механизм реализации лизинга.

Summary. Characteristic feature of the modern economy is the close interaction between the state and business, the so-called public-private partnership. This type of relationship is implemented in software, contractual, administrative and mixed forms of interaction. One of the tools the program is leasing forms of interaction - the most promising form of borrowed resources for renovation of basic production assets. This article analyzes the advantages of the implementation of leasing projects using public-private partnership mechanism.

Keywords: public private partnership, leasing, leasing company, model of public-private partnership, leasing company with state participation, the advantages of leasing transaction, realization of leasing mechanism.

Развитие эффективных институтов взаимодействия бизнеса и государства является одним из основополагающих элементов формирования эффективной

экономической политики, повышения уровня инвестиционной и инновационной деятельности, а так же развития социальной и экономической инфраструктуры.

Государственно-частное партнерство – это форма взаимодействия государства и частного сектора, существующая в экономиках различных стран, это своеобразный институциональный и организационный альянс между бизнесом с одной стороны и государством с другой, в целях реализации международных, национальных, масштабных или локальных, но всегда общественно-значимых проектов в широком спектре сфер деятельности.

Государственно-частное партнерство предполагает финансирование социальных программ и инвестиционных проектов, путем привлечения частных инвесторов, в том числе используя при этом механизмы лизингового финансирования.

В настоящее время основными направлениями развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации являются:

- финансирование инвестиционных проектов из средств Инвестиционного фонда Российской Федерации;
- развитие и создание таких «площадок» взаимодействия инвесторов и государства, как особые экономические зоны, как на федеральном, так и на региональном уровне;
- создание и развитие технопарков;
- создание и поддержка производственных кластеров;
- реализация механизмов, предусмотренных федеральным законом «О концессионных соглашениях»;
- развитие инструментов поддержки лизинга.

Государственно-частное партнерство реализуется, используя различные модели и формы взаимодействия. Исходя из тенденций мирового опыта реализации проектов государственно-частного партнерства, а так же анализа осуществляемых в России проектов, существуют следующие основные формы взаимодействия бизнеса с частными инвесторами: программные, договорные, смешанные и административные [1, с. 252].

Каждая из форм взаимодействия предполагает различные инструменты, раскрывающие конкретный вид отношений. Например, под программной формой партнерства понимается проектное финансирование, т.е. денежные средства выдаются под конкретный инвестиционный проект (программу), а источником погашения долговых обязательств является денежные средства, генерируемые данным проектом.

Во второй блок форм государственно-частного партнерства входит лизинг, представляющий собой вид инвестиционной деятельности, сочетающий элементы аренды и кредита, который предполагает переход права собственности на предмет лизинга от лизингодателя к лизингополучателю после уплаты всех платежей по соответствующему договору [3, с. 5].

В современных условиях лизинг является наиболее приоритетной способом финансирования проектов, реализуемых в различных отраслях хозяйственной деятельности. Рынок лизинговых услуг имеет большие возможности с точки зрения финансирования инвестиционных проектов, а также поддержки экономики регионов. Потенциал лизинга еще недостаточно раскрыт даже в коммерческих проектах, в то время как в перспективе данный вид финанси-

вания может активно внедряться в сферу традиционно «бюджетных» отраслей [4, с. 149].

Современный рынок лизинговых услуг является одной из самых динамично развивающихся отраслей российской экономики. Согласно данным рейтингового агентства Эксперт РА, объем нового бизнеса (стоимости имущества) по итогам 2015 года составил около 530 млрд. руб. (сокращение по отношению к 2014 году - около 22%). Сумма новых лизинговых договоров за 2015 год сократилась на 20% и составила около 800 млрд руб. Лизинговый портфель за прошедший год значительно не изменился и составил около 3,1 трлн руб. на 01.01.16 [6].

Исходя из анализа приведенной таблицы, в десятку крупнейших лизинговых компаний России входят как государственные, так и частные компании.

Лидирующие позиции в рейтинге по объему нового бизнеса (стоимости имущества) заняли лизинговые компании с государственным участием, такие как: ВТБ Лизинг, «Сбербанк Лизинг» и «Государственная транспортная лизинговая компания» соответственно.

Таблица 1. Рейтинг лизинговых компаний РФ по объему финансирования лизинговых сделок в 2015 году.

Место в рейтинге по объему нового бизнеса		Наименование лизинговой компании	Объем привлеченного нового бизнеса за период 2015 г. (сумма стоимости предметов лизинга в новых сделках, без НДС), млн. руб.	Темпы прироста нового бизнеса (2015 г./2016 г.)	Сумма новых договоров финансового и оперативного лизинга за 2015г., млн. руб.	Объем лизингового портфеля на 01.01.2016, млн. руб.
01.01.2016	01.01.2015					
1	2	ВТБ Лизинг	77 699,0	-14,6%	91 508,6	417 615,0
2	3	Сбербанк Лизинг	56 582,1	-6,0%	100 964,2	371 082,6
3	11	Государственная транспортная лизинговая компания	47 755,0	230,9%	84 868,0	216 637,5
4	10	Сименс Финанс	21 535,9	18,3%	32 359,9	28 728,0
5	8	Балтийский лизинг	19 429,0	-1,7%	29 166,0	29 559,0
6	5	ТрансФин-М	18 778,0	-38,6%	37 485,0	266 336,0
7	9	CARCADE - лизинг	13 325,7	-28,6%	20 052,5	22 585,4
8	12	РЕСО-лизинг	11 524,0	-11,2%	17 081,3	16 469,4
9	20	Камаз-Лизинг	9 726,6	34,2%	15 224,4	10 284,4
10	-	РБ Лизинг	8 430,3	-	16 357,4	21 315,3

Исходя из анализа вышеприведенной таблицы следует, что наибольший прирост лизинговых сделок обеспечивают такие компании как: «ВТБ Лизинг», «Сбербанк Лизинг», «Государственная транспортная лизинговая компания», т.е. именно лизинговые компании с государственным участием. Но нельзя недооценивать роль частных лизинговых компаний. Так, по данным социальных опросов владельцев лизинговых компаний агентством «BDO» в России выяснилось, что 29,93% респондентов в качестве наиболее предпочтительных лизингополучателей назвали предприятия крупного бизнеса, тогда как 37,94% опрошенных предпочитают средних по размеру клиентов. С малым бизнесом предпочитают работать 13,71% респондентов [5]. Данную структуру отражает рис. 1.

Рис. 1. Наиболее предпочитаемый масштаб бизнеса лизингополучателей

Исходя из рисунка, можно сделать следующий вывод, что лизингодатели заинтересованы в работе с сегментом крупнейших и крупных корпоративных клиентов: такие компании отличаются высоким уровнем публичности и прозрачности финансовой деятельности, стабильными перспективами развития и крупными объемами реализуемых проектов. Однако работа в данном сегменте клиентов предполагает, что лизинговая компания должна быть достаточно гибкой с точки зрения своей ценовой политики, должна быть способна реализовывать сделки на длительные сроки. Многие лизинговые компании ориентированы также на сегмент среднего бизнеса, для которого развивают розничную продуктовую линейку, предлагая готовые лизинговые решения. Это интересно как клиентам, так и лизингодателям: первые имеют возможность получить лизинговую услугу в короткие сроки и с минимальными требованиями к объему документов, вторые получают более высокий доход за счет принятия риска на актив.

Таким образом, лизинговые компании с государственным участием, работают в основном с крупным и средним бизнесом, а частные лизинговые компании,

ввиду меньшего масштаба и соответственно большего уровня риска работают с сегментом малого и частично среднего бизнеса.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод – взаимодействие государства и частного сектора на рынке лизинговых услуг имеет широкие перспективы, поскольку приносит выгоды как одной, так и другой стороне. В первую очередь для государства это более быстрая реализация поставленных целей и задач в социально-экономической политике, эффективное использование выделяемых бюджетных средств для поддержки лизинговых компаний, что обеспечит высвобождение денежных средств для реализации других, не менее важных государственных задач и снижение нагрузки на бюджеты всех уровней бюджетной системы Российской Федерации.

Используя ресурсы крупных лизинговых компаний частного сектора, создавая условия для их комфортного функционирования в соответствии с определенными целями и задачами политики государства, можно добиться не только привлечения необходимого количества инвестиций, но и развития конкурентной среды на рынке лизинговых услуг, что в итоге положительно скажется на конечном потребителе.

Итак, стабильные и прозрачные условия инвестиционной деятельности компаний, определяемые государством, масштабность инвестиционных проектов, их направленность на решение социально-экономических задач с одной стороны и гибкость деятельности лизинговых компаний, стабильная и конкурентная среда, а так же достаточная финансовая и интеллектуальная база для реализации соответствующих проектов с другой стороны, позволяют говорить о дальнейшем развитии и расширении государственно-частного партнерства на базе финансовой аренды (лизинга).

Список литературы

1. Завьялова И.В., Линева И.Г. Лизинг как форма государственно-частного партнерства //Вестник МГИМО-Университета, 2013. - № 4.
2. Линева И.В. Лизинговые модели государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве //Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА, 2012. - №2.
3. Рыбина И.А. Особенности развития регионального рынка лизинговых услуг в условиях кризиса //Российское предпринимательство, 2009. - №5.
4. Рыбина И.А. Управление региональным рынком лизинговых услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 /Рыбина Инна Александровна. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2004.
5. Режим доступа: <http://www.bdo.ru/media/publication> (дата обращения: 28.11.2016).
6. Режим доступа: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 28.11.2016).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ДИВЕРСИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN THE DIVERSIFICATION OF THE NATIONAL ECONOMY

ВОДЕНКО Константин Викторович – доктор философских наук, проф., Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Россия (e-mail: vodenkok@mail.ru).

VODENKO Konstantin Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South-Russian State Technical University (NPI), Russia (e-mail: vodenkok@mail.ru).

Аннотация: В представленной статье делается попытка анализа развития социально-трудовых отношений в современных российских условиях. Концептуализируется категория «профессионально-квалификационный потенциал», в качестве пространства воспроизводства данного потенциала эксплицируется национальная система образования. Изучается развитие форм и методов взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений. Отмечаются место и роль системы формирования профессионально-квалификационного потенциала в данном процессе. Описывается социальное партнерство как принцип регулирования взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и системы формирования профессионально-квалификационного потенциала. Определяются перспективы государственного регулирования взаимодействия системы образования и субъектов социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, система формирования профессионально-квалификационного потенциала, работник, работодатель, государство.

Summary: In the present article tries to analyze the development of social and labor in modern Russian conditions. Conceptualizes the category of «professional qualification potential» as a space of reproduction of this building makes explicit the national education system. Study the development of forms and methods of interaction of subjects of social and labor relations, there is a place and a role of system of formation of vocational capacities in the process. Described social partnership as a principle of regulation of interaction of subjects of social and labor relations and the system of formation of vocational potential. Is the prospect of state regulation of the interaction of education and subjects of social and labor relations.

Keywords: social and labor relations, the system of formation of vocational potential, employee, employer and the state.

В современных условиях сфера социально-трудовых отношений в российском обществе находится под влиянием разнонаправленных факторов. Риск безработицы, которая в большей мере проявляется в отложенной форме, демонстрирует рост конкуренции на рынке труда и очевидное снижение уровня со-

циальной защищенности работников. В этой связи актуальность приобретает профессионально-квалификационный потенциал работника, который можно определить как совокупность качеств, навыков и способностей, ориентированных на реализацию определенной социально-профессиональной роли в рамках профессиональной квалификации. Пространством воспроизводства профессионально-квалификационного потенциала является национальная система образования.

Можно констатировать, что в настроениях экономически активной части населения происходят трансформации. Узость рынка труда приводит к сокращению возможности межпрофессиональной мобильности, при этом все большую значимость обретает профессиональный ресурс самого работника. Несмотря на то, что наблюдается маргинализация и прекариатизация «рыночных профессий» (особенно это касается слоя менеджеров), профессионально-квалификационный потенциал работника становится критерием и его отношений с работодателем, и оценки перспектив профессиональной карьеры, и просто сохранения стабильного рабочего места.

Рассматривая специфику социально-трудовых отношений, следует обратить внимание на тот факт, что система профессиональной подготовки в российском обществе претерпевает существенные изменения. Отмечается эффект «складывания в гармошку» традиционного профессионального образования, ориентированного на подготовку кадров для производственной сферы. Кроме того, обретает влияние фактор корпоративизации профессионального образования, подготовки на заказ специалистов по конкретному профилю. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что в рамках социально-трудовых отношений складывается ситуация асимметричности, характеризующаяся тем, что работодателем предъявляются повышенные требования к квалификации работника и одновременно сужается коридор возможности повышения профессионально-квалификационного потенциала.

Иными словами, работодатель жаждет получить уже квалифицированного, состоявшегося работника, но с минимальными затратами на его профессиональную подготовку. В результате в сфере деятельности наблюдаются ярко выраженные эйджизм, дискриминация по возрастному критерию на основании дефицита профессиональных знаний и навыков или наоборот устарелости профессионального потенциала работника, отставания от современных стандартов профессиональной конкурентоспособности.

Анализируя перспективы развития социально-трудовых отношений (работник-работодатель-государство), можно констатировать, что государство как участник процесса практически ушло из этой сферы. Вместе с тем проявляются тенденции переноса ответственности за профессиональную подготовку на самого работника, стимулирования его готовности вкладывать инвестиции в повышение профессионально-квалификационного потенциала в рамках капитализации личностных ресурсов.

Важным моментом можно считать тот факт, что социально-трудовые отношения перестают быть объектом исключительно правового регулирования, их договорной характер во многом определяется влиянием неформального социального капитала. В данном контексте объектом исследования являются социально-трудовые отношения как форма взаимодействия между работником и работодателем в рамках разделения труда. Конкретизируя это понятие, важно

отметить, что предметом исследования выступает развитие социально-трудовых отношений в условиях трансформации системы формирования профессионально-квалификационного потенциала.

Целью статьи является анализ перспективы социально-трудовых отношений в контексте субъектности участников этого процесса как условия формирования профессионально-квалификационного потенциала. Для реализации целей исследования необходимо решение следующих задач: анализ форм и методов взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений; характеристика социального партнерства как принципа регулирования взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и системы формирования профессионально-квалификационного потенциала на мезоуровне экономики; рассмотрение перспектив государственного регулирования взаимодействия системы образования и субъектов социально-трудовых отношений.

Несмотря на большое количество разработок в данной сфере [10; 1; 5], доминирует институциональный подход, в котором при определенном интересе к организационным и нормативным аспектам развития профессионально-квалификационного потенциала работника в «тени» остаются субъективация профессиональных установок, готовность к росту профессионально-квалификационного потенциала.

Выявление объективных и субъективных предпосылок становления профессионально-квалификационного потенциала работников модифицирует предметное поле анализа как отношения между работником и работодателем, которые воспроизводятся в системе формирования профессионально-квалификационного потенциала. Социально-трудовые отношения перестают быть отношениями конфликта или совпадения интересов между работником и работодателем и становятся сферой трансфера профессионально-квалификационного потенциала, его объективации в совокупности личностных ресурсов работника и субъективации в контексте складывающихся групповых диспозиций [2; 8].

Иными словами, возникает исследовательская ситуация, позволяющая применить субъектный подход, ориентированный на выявление готовности работника к повышению профессионально-квалификационного потенциала и определения роли работодателя и государства в этом процессе. Субъектный подход адекватен процессу становления социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений. Констатируя это обстоятельство, можно отметить, что складывается парадокс формирования профессионально-квалификационного потенциала, характеризуемого тем, что работник вынужден применять индивидуализированные стратегии для обретения и роста профессионально-квалификационного потенциала и действовать как коллективный субъект, связанный с практиками партнерства в рамках трудовых отношений.

В сложившихся условиях можно говорить о наличии некой диспропорции в учете интересов субъектов социально-трудовых отношений. Сфера высшего образования имеет имманентные признаки, которые отличают ее от других социально-экономических систем, которые создают общественные блага, так как предоставление и потребление образовательных услуг предполагает интерес, как на уровне личности, так и в государственном масштабе. Миссия высшего образования тесно взаимосвязана с интересами субъектов социально-трудовых отношений. Констатация наличия границ интересов субъектов обуславливает необходимость их качественной характеристики, которая представлена в

табл. 1, обобщающей специфику удовлетворения интересов субъектов социально-трудовых отношений.

Таблица 1. Специфика удовлетворения интересов субъектов социально-трудовых отношений

Субъект социально-трудовых отношений	Цели и интересы субъекта социально-трудовых отношений	Перспективы повышения эффективности удовлетворения интересов субъектов социально-трудовых отношений
Личность	Получение профессионально-квалификационных качеств	Разработка и внедрение эффективных механизмов профессиональной ориентации личности
Работодатель	Удовлетворение профессионально-квалификационных потребностей в рабочей силе	Развитие форм участия работодателя в развитии социально-трудовых отношений и системе подготовки кадров; разработка механизмов определения профессионально-квалификационной потребности работодателя и общества в целом
Государство	Развитие общества с помощью накопления, систематизации и трансляции профессионально-квалификационных навыков	Разработка адекватного механизма регулирования социально-трудовых отношений и механизмов повышения эффективности взаимосвязи вузов и пространства приложения трудовых ресурсов
Система образования	Востребованность выпускников вузов в сфере приложения труда	Совершенствование формы сотрудничества с работодателями; повышение уровня трудоустройства выпускников

Большинство исследователей профессионально-квалификационного потенциала лиц наемного труда (работников) отмечают тот факт, что развитие системы профессионально-квалификационного потенциала определяется в меньшей степени реальными потребностями рынка труда, а логикой воспроизводства системы профессиональной подготовки. Имеется в виду, что присутствует тренд «модных» профессий, не совпадающий и часто противоречащий динамике складывающихся социально-трудовых отношений.

Таким образом, в сфере социально-трудовых отношений обретает влияние формула актуальной востребованности, место работника в системе социально-трудовых отношений определяется оценкой со стороны работодателя. Вместе с тем можно констатировать, что в процессе профессиональной деятельности работник ориентируется на повышение профессионально-квалификационного потенциала вне системы сложившейся профессиональной подготовки.

Это связано с тем, что ресурс свободного времени для самостоятельной профессиональной подготовки является достаточно ограниченным, так же как и то, что внутри сложившихся социально-трудовых отношений дефицитен принцип открытой и честной конкурентности, позволяющей включать профессиональ-

но-квалификационный потенциал работника в качестве карьерного критерия. Можно сделать вывод о том, что взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений характеризуется несовпадением ожиданий, для работника значимыми ориентирами являются рост доходов и перспективы карьеры, в то время как работодатель заинтересован в актуализации исполнительных качеств работника, в которых профессиональный потенциал имеет инструментальное, сугубо прикладное значение.

Таким образом, система формирования профессионально-квалификационного потенциала становится институтом адаптации личности. При этом «терятся» развивающие качества и акцент делается на то, чтобы приспособить профессиональное образование к актуальным интересам субъекта социально-трудовых отношений. Роль работодателя в этом процессе не однозначна. Российские работодатели, сетуя на оторванность профессионального образования от конкретных запросов бизнеса, в определенной степени лукавят, так как в системе социально-трудовых отношений сформировалась позиция предвзятости к оценке потенциала работника.

Интересно, что в условиях рисков безработицы больше всего предложений получают начинающие работники, не имеющие, казалось бы, достаточно обоснованных претензий на занятие квалифицированных социально-профессиональных ниш. Это объясняется тем, что для работодателя более удобно работать с работником, не имеющим профессионального ресурса, ориентированным на то, чтобы «держаться за работу» и получать устойчивый доход.

Между тем система формирования профессионально-квалификационного потенциала работников требует определенной институциональной перестройки, включения в систему внутриинституциональных отношений стимулов развития. Это предполагает, что наряду с провозглашением непрерывности профессионального образования, как повышения профессионально-квалификационного потенциала личности на всю жизнь, в рамках функционирования должен быть преодолен дефицит ресурсов коммуникации, достигнута степень открытости, позволяющая системе переводить язык требований работников на адекватные действия.

Исходя из этого положения, можно сделать вывод о том, что система формирования профессионально-квалификационного потенциала «индивидуализируется», что означает усиление конкуренции внутри системы, предложение работнику конструктивных альтернатив в перспективе занятости и карьеры. Таким образом, система формирования профессионально-квалификационного потенциала включается в социально-трудовые отношения, так как создает возможности для наиболее равных отношений между работником и работодателем. Можно констатировать, что конфигурация «работник – работодатель» получает новый вид, связанный с тем, что работник может опираться на профессиональные планы и актуализировать их в диалоге с предпринимателем как личностный ресурс.

Вместе с тем, как отмечает Н.Е. Тихонова, наиболее уязвимые позиции в системе социально-трудовых отношений занимают «полупрофессионалы», офисный персонал, технический персонал, которые составляют исполнительский страт. Позиционирование этой группы характеризуется тем, что каждый третий считает себя «малообеспеченным» [9, с. 138]. Отсюда неудовлетворенность материальным положением, которая в сфере социально-трудовых отношений

имеет последствием, во-первых, зависимость от оценки работодателя, располагающего механизмами материального воздействия на работника; во-вторых, ориентация работника на повышение материального статуса вне роста профессионально-квалификационного потенциала.

Иными словами, работник становится добровольным участником прикареезации, то есть возрастают его шансы попасть в число тех, кого работодатель считает «балластом». Кроме того, следует отметить, что в рамках сложившихся социально-трудовых отношений в российском обществе профессиональные позиции коррелируются с показателями обеспеченности, и это обстоятельство влияет на то, что работодатель склонен ранжировать работников по критерию доходов.

Таким образом, система формирования профессионально-квалификационного потенциала в перспективе направлена на преодоление сложившейся ситуации, разрушения зависимости между оценкой работника и критериями доходности. Однако деформирующее воздействие влияет на то, что исследуемая система становится сферой социально-профессиональных диспропорций, осложняется процесс доступа к качественному профессиональному образованию со стороны представителей малообеспеченных и неимущих слоев. Схема процесса формирования профессионально-квалификационного потенциала представлена на рис. 1.

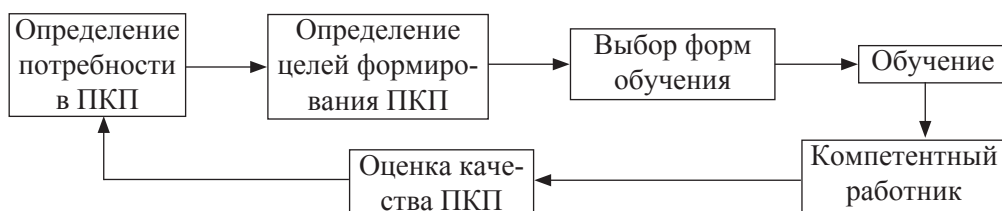

Рис. 1. Схема процесса развития системы формирования профессионально-квалификационного потенциала¹

Несмотря на определенные позитивные результаты, связанные с развитием инновационных социально-профессиональных ниш, имеющих высокую степень конкурентности на внутреннем и внешнем рынках труда, модальной тенденцией системы формирования социально-профессионального потенциала является рост адаптивного потенциала. Разнообразие услуг по повышению профессионально-квалификационного потенциала работника часто имеет узко коммерческую направленность и связано не с реальными возможностями обеспечить работнику долгосрочный профессиональный тренд, а с тем, что можно квалифицировать как эффект модности профессий.

Данная ситуация свидетельствует о том, что развитие форм взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений испытывает влияние системы формирования профессионально-квалификационного потенциала косвенно. Работодатель может мотивировать свою поведенческую стратегию в отношении с работником так, что работник не обнаруживает интереса к повышению собственного профессионально-квалификационного потенциала и в связи с этим имеет невысокую мотивацию на продуктивную деятельность. Иными словами,

¹ Разработано автором в процессе исследования.

упор делается на самостоятельность работника в выборе форм повышения социально-профессионального потенциала.

Учитывая данные обстоятельства, можно констатировать, что в современных условиях взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений формируется под влиянием системы профессионально-квалификационного потенциала как тенденция заинтересованности в профессиональном потенциале работника, которая может обеспечить стабильные и долгосрочные социально-трудовые отношения. Становится очевидным, что период неформальных отношений уходит в прошлое, если говорить об инновационных передовых секторах российской экономики, о работодателях, заинтересованных в том, чтобы делать бизнес на основе предложения высокотехнологических продуктов и услуг, рассчитывающих на развитие бизнеса путем конкуренции и легализации, что повышает возможность получения кредитов и позиционного доверия в отношениях внутри бизнеса.

Констатируя это обстоятельство, нельзя игнорировать тот факт, что социально-трудовые отношения в российском обществе до сих пор являются не прозрачными, что слабо действует система правового регулирования. И не абсолютизируя роль системы формирования профессионально-квалификационного потенциала, можно предположить, что ее влияние определяется масштабом воздействия на социально-трудовые отношения включением критерия профессионализма в рамках взаимодействия работодателя и работника.

Как писали российские ученые в конце 90-х годов XX века, стремительный распад административной системы создал массу возможностей для ведения бизнеса — за счет использования бывшей государственной собственности, а также игры на тех структурных диспропорциях, которые были характерны для плановой экономики [6, с. 127]. Данное замечание относится к состоянию мезоуровня экономики и имеет значение для исследования предложенной в статье темы. Во-первых, устранение административных барьеров в реальности означало риски дерегулирования, возникновения ситуации экономической анархии, а также стимулирования криминальных форм предпринимательской деятельности. Данное предположение подтверждается тем, что сфера социально-трудовых отношений деформализовалась, рутинной практикой стало уклонение от налогов, неисполнение договорных обязательств, нарушение трудовых прав работников. Во-вторых, эта тенденция имела и обратный смысл: выжили и развивались предприниматели, которые включили систему взаимных обязательств, открытых отношений с партнерами по бизнесу и заботы о кадровом потенциале. Таким образом, несмотря на противоречия, вырабатывался код партнерства, системы взаимных обязательств, договоренности и ответственности не только внутри бизнес-среды, но и по отношению к работникам.

Разумеется, нужно принимать во внимание тот факт, что в российской экономике до сих пор существует недооценка человеческого капитала, несмотря на признание важности развития человеческих ресурсов в условиях замещения сырьевой модели экономики. Реальностью является неразвитость системы гарантий социальной защищенности и представительства работников. Как показывают результаты социологических исследований, сокращение занятости в госсекторе, при всех плюсах этого процесса с точки зрения реализации задач перехода к рыночной экономике, имеет и ряд негативных сторон [7, с. 46].

Несмотря на ожидание роста доходов работников на приватизированных предприятиях по сравнению с государственным сектором, эти надежды оправдались только отчасти. При этом на приватизированных предприятиях показатель профессионалов едва превышает 20% [7, с. 48]. Различие в уровне квалификации свидетельствует о том, что востребованность в работниках высокой квалификации до сих пор остается низкой для большинства работодателей. Иными словами, создается впечатление, что работодателю в принципе выгодно иметь дело с неквалифицированными работниками, которых можно уволить без ущерба для ведения бизнеса.

С учетом нагрузок на модернизацию экономической деятельности перспективами обладают только те работодатели, которые инвестируют в свое будущее и в будущее своего бизнеса. Обоснованно ожидать, что социально-трудовые отношения включают переход к формуле социального партнерства. Не следует смешивать этот процесс с культивированием солидарности работников и предпринимателей, что встречается на уровне неформальной экономики как взаимопонимание по поводу нарушения прав работников или их отказа от своих прав на основании того, что бизнес переживает трудные времена.

Социальное партнерство имеет одним из аспектов развитие профессионально-квалификационного потенциала работников. В настоящее время партнерские отношения определяются готовностью работников и работодателей к совместным практикам. Это означает, что работодатель в той или иной степени заинтересован в том, чтобы работники были мотивированы состоянием бизнеса, ощущался раздел ответственности между работниками и работодателями, не возлагались на работников риски в рамках развития бизнеса. Основные принципы социального партнерства систематизированы на *рис. 2*.

Если учесть, что в российской экономике реальные трудовые нагрузки работников достаточно высоки, что рабочую неделю, соответствующую законодательству РФ, имеют менее трети всех работающих [7, с. 49], можно говорить о том, что социальное партнерство наталкивается на барьеры сверхзанятости

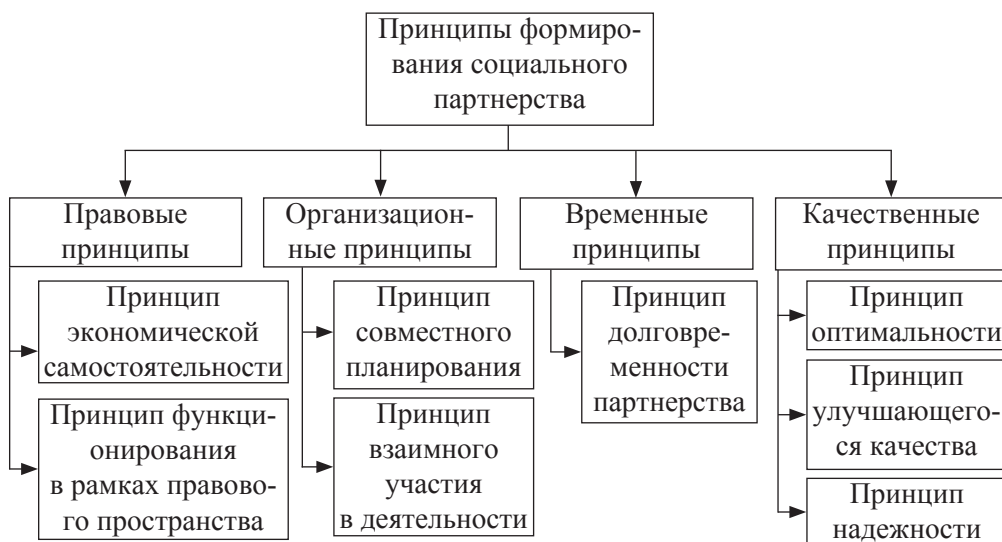

Рис. 2. Принципы формирования социального партнерства вуза и производственной организации

работников и соответствующий эффект «тихого сопротивления». Это выражается в том, что позиции работников во взаимодействии с работодателем в оценке перспектив социального партнерства двусмысленны. С одной стороны, работники делают ставку на улучшение социальной защищенности, принимая роль работодателя как личного гаранта их прав, с другой – возникают тревоги по поводу того, что за формулой социального партнерства скрывается политика урезания или невыполнения обязательств по отношению к работникам. К тому же, в России в условиях слабой деятельности профсоюзных структур, как традиционных структур представительства интересов работников, большинство работодателей не заинтересованы в сильных профсоюзах, и для них важным представляется недопущение сплоченности работников в сфере защиты своих прав.

В этом смысле социальное партнерство может иметь позитивное значение, если включает возможности перевода социально-трудовых отношений на цивилизованный правовой режим, задействует механизмы стимулирования социальной и экономической активности работников, которые ориентированы на капитализацию профессионального ресурса. До сих пор российские работники действуют по схеме «накопления» трудового стажа, в то время как уже с середины 70-х годов наиболее значимым показателем является достиженческая ориентированность работника, его реальные успехи в сфере профессиональной деятельности. Об этом писали американские социологи, подчеркивая, что для нового трудового поколения свойственно предпочтение достоинств и заслуг.

Данная тенденция выражается в российском обществе в том, что на уровне социально-трудовых отношений профессиональная зрелость становится фактором отсчета социально-трудовых отношений, однако следует отметить, что искажающее влияние оказывает практика эйджизма, убежденности в том, что профессиональное переобучение и переквалификация возможны только в молодом возрасте.

В рамках исследуемой проблемы очевидным становится тот факт, что развитие социального партнерства как принципа регулирования взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и системы формирования профессионально-квалификационного потенциала, сложно вне влияния государства, что государство как политико-правовой институт обеспечивает правовую базу социально-трудовых отношений и в рамках образовательной политики содействует вкладыванию инвестиций в процесс профессионального образования.

Опыт зарубежных государств (Германия, Австрия, Швеция) свидетельствует, что в этих странах профессиональное образование является приоритетным, а формирование профессионально квалификационного потенциала рассматривается как преимущество современной системы образования и рыночной экономики. Именно в этой сфере проявляется реальность концепций взаимодействия общества, государства и бизнеса.

Как пишет немецкий автор П. Козловски, индивидуалистические сообщества, в которых конституирующим началом является рынок (капитализм) и дискурс (демократия), стоят перед дилеммой, которая позволяет представить в новом свете разделение государства и общества [3, с. 284]. В современном обществе государство находится в состоянии мягкого децизионизма, то есть действует на основании демократических решений, принимаемых как процесс согласования мнений. В контексте вышеизложенного система профессиональ-

ного образования оказывается в сфере влияния государства в рамках определения долгосрочных перспектив.

Для российского общества важно, чтобы признание безальтернативности накопления человеческого капитала, его актуализации как движущей силы современного экономического развития привело к переформатированию системы социально-трудовых отношений по трем направлениям: согласование целей социального участия и рынка; профессиональное образование как часть бизнес-деятельности; определение качества государственного регулирования, построенного на принципах взаимной ответственности.

Это означает, что государственное регулирование связано и с укреплением законодательной базы профессионального образования, поощряющего бизнес-инициативу и одновременно усиливающего доступность к ресурсам профессионального образования работников, и создание условий, в которых и работодатель, и работник были бы заинтересованы в инвестировании своих ресурсов, повышении профессионально-квалификационного потенциала. Таким образом, взаимодействие системы образования и субъектов социально-трудовых отношений становится регулярным, принимает характер образовательных практик.

Как отмечают российские специалисты по социологии образования Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко, формирующейся человеком в результате инвестиций накопления определенный запас знаний, навыков, способностей, мотивации содействует росту его производительности и заработка, формирует способности участия в процессе производства [4, с. 19]. Иными словами, включение системы формирования профессионально-квалификационного потенциала в социально-трудовые отношения содержит обоснование принципов взаимного участия и ответственности работодателя и работника при активном участии государства в качестве гаранта.

Имеется в виду, что государственное регулирование в исследуемом аспекте определяется балансом формальных и неформальных норм, тем, что поощряются работодатели и работники, для которых профессиональная и образовательная траектории тесно связаны. Признавая, что целью государственного регулирования является социально-экономическое развитие общества, следует понимать, что прежде всего государство через систему регулирования инициирует обращение субъектов социально-трудовых отношений к системе профессионального образования.

Таким образом, государственное регулирование разрабатывает формы и правила, по которым субъекты социально-правовых отношений находятся в «равных весовых категориях независимо от масштабов и прибыльности бизнеса». Важным моментом можно считать, что развитие малого и среднего бизнеса в России предполагает переход к инновационной экономике, отказ от камерности посреднической деятельности. Но такие возможности определяются созданием в структуре малого и среднего бизнеса профессионального потенциала, способного разрабатывать и внедрять высокотехнологические инновации. В контексте социально-трудовых отношений последствиями является сокращение влияния «серой зоны» и компенсационной возможности государства по отношению к затратам малого и среднего бизнеса на профессиональное образование.

Развитие социально-трудовых отношений, включающих взаимодействие работодателя, работника и государства, оказывает влияние на систему формирования профессионально-квалификационного потенциала через механизмы

востребованности и инвестирования в эту сферу. В той же степени можно констатировать, что при включении профессионально-квалификационного потенциала в социально-трудовые отношения возникает их качественно-новый уровень, связанный с признанием критерия профессионализма в качестве оценки и профессиональных качеств работника, деловой и организаторской культуры работодателя, а в целом перспективности конкретного бизнес-проекта.

Список литературы

1. *Воденко К.В.* Институциональные аспекты взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и развитие системы современного высшего образования в России //Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 66-77.
2. *Долженко Р.А.* Исследовательская схема трудовых отношений с позиции нового институционального подхода //Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2014. № 4. С. 23-30.
3. *Козловски П.* Общество и государство. Неизбежный дуализм - М.: Республика, 1998.
4. *Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А.* Молодежь России на рубеже XX –XXI вв.: образование, труд, социальное самочувствие - М.: ЦСП и М, 2014.
5. *Нехода Е.В.* Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 160-167.
6. Постсоветский институционализм – 2006. Власть и бизнес / под ред. Р. М. Нуриева - Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2006.
7. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 /под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.
8. *Соболев Э.Н.* Социально-трудовые отношения в России начала XX века: противоречия догоняющего развития //Вестник Института экономики РАН. 2010. № 3. С. 17-31.
9. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теория и реальность - М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.
10. *Vodenko K.V., Shevchenko O.M., Barsukova T.I., Hubuluri E.I., Mishina N.V.* Modern Institutes and Regulatory Forms of Social and Labor Relations in Russian Society //International Review of Management and Marketing, 2016, Volume 6. No. S 6 (Special Issue on «Management of Systems of Socio-Economic and Legal Relations in Modern Conditions of Development of Education and Society»). P. 185-190.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГОВОЙ ОПТИМИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ

FEATURES OF TAX OPTIMIZATION IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC RECESSION

АЛЛАХВЕРДИЕВА Л.М. - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмент организации МГГЭУ (e-mail: leila26uz@mail.ru).

ALLAKHVERDIYEVA L.M. - Doctor of Economics, professor of department management of the organization MGGEU (e-mail: leila26uz@mail.ru).

СУЛТАНОВА М.К. - кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГГЭУ (e-mail: darmuz@mail.ru).

SULTANOVA M.K. - Candidate of Economic Sciences, associate professor of accounting, analysis and audit, MGGEU (e-mail: darmuz@mail.ru).

Аннотация. В статье отмечается, что экономический кризис на фоне современных глобальных вызовов вынуждает организации смотреть на проблему бизнеса под другим углом, действовать новыми методами, искать нетрадиционные пути снижения налоговой нагрузки. С учетом возможностей снижения налогового риска в нестандартных условиях внешней среды рассматриваются легальные способы оптимизации налогов. Обосновывается необходимость оценки целесообразности применения методов минимизации налогов для ряда типичных бизнес-ситуаций.

Ключевые слова: кризис, налоговая нагрузка, налоговое планирование, налоговая оптимизация, нестандартные условия, налоговый риск.

Summary. In article it is noted that the economic crisis against the background of modern global challenges forces to watch the organizations at a business problem from a different angle, to work with new methods, to look for nonconventional ways of decrease in the tax load. Taking into account opportunities of decrease in tax risk in non-standard environmental conditions legal methods of optimization of taxes are considered. Need of assessment of feasibility of application of methods of minimization of taxes for a number of typical business situations is proved.

Keywords: crisis, tax load, tax planning, tax optimization, non-standard conditions, tax risk.

На фоне современных глобальных вызовов, в жестких условиях кризиса и санкций такие факторы, как сокращение спроса, удорожание кредитных источников финансирования, падение доходности и т.п. диктуют необходимость не только активных поисков новых рынков, менее чувствительных к внешним условиям, но и внедрение способов финансового менеджмента, неотъемлемой частью которого является налоговая составляющая.

Реалии современного бизнеса показывают, что отбор оптимального решения идет на основе значимого для организации критерия – налоговой нагрузки, как существенной статьи расходов. Для этого налоговое законодательство предоставляет достаточно возможностей для снижения или, по крайней мере, отсрочки налоговых платежей.

Несмотря на кабальность российского налогового законодательства, предпринимателям следует воспринимать ситуацию не как трагическую. Ведь экономический кризис заставляет смотреть на проблему бизнеса под другим углом и действовать новыми методами. В таких условиях назревает необходимость ситуационного подхода в корпоративном финансовом управлении в части налоговой оптимизации.

С этой точки зрения основными задачами налоговой оптимизации являются [2]:

- снижение налогового бремени в краткосрочном периоде;
- обеспечение экономии в налогах в долгосрочном периоде;
- получение экономической выгоды;
- минимизация налоговых рисков.

Обобщая опыт налогового планирования в условиях современного российского бизнеса, Цепилова Е.С. отмечает отсутствие законодательно закрепленного определения данного процесса, необходимость четкого понимания его природы, разграничения легитимных инструментов налогового планирования от целенаправленного незаконного уклонения от уплаты налогов [5].

Как правило, налоговая оптимизация достигается с помощью таких управленческих инструментов как, планирование, бюджетирование, регулирование и самостоятельный внутренний налоговый контроль [1]. К тому же, налоговое законодательство предоставляет достаточно возможностей для снижения или, по крайней мере, отсрочки налоговых платежей, в связи с чем, можно выделить общие и специальные способы их оптимизации [2].

С точки зрения законности схем налогообложения и налогового планирования к общим способам налогового планирования можно отнести [3]:

- правильное формирование учетной политики организации, налогоплательщику предоставляется право выбрать способы учета, от которых зависят уплачиваемые налоги;
- применение разнообразных схем сделок, имеющих более низкое налоговое бремя по сравнению с традиционным подходом и формально не образующих состав налогового правонарушения;
- максимальное применение прав на льготы и налоговые освобождения, предоставляемые налоговым законодательством.

Специальные методы оптимизация налогообложения имеют более узкую сферу применения, при этом выделяют несколько позиций:

- операция, предусматривающая обременительное обложение заменяется другой, позволяющей достичь той же цели, но при этом использовать более льготный режим налогообложения т.к. законодательство не устанавливает ограничения в выборе формы и условий сделок;
- хозяйственная операция разделяется на несколько составляющих, наиболее эффективным путем, как в экономическом плане, так и с позиций налогообложения;
- отсрочка налогового платежа позволяет перенести момент возникновения объекта обложения на последующий календарный период;
- трансфертное ценообразование по внутрихозяйственному обороту позволяет перераспределить прибыль между взаимозависимыми лицами;
- воздержание от осуществления деятельности, отсутствие или сокращение налогооблагаемой базы в целях прямого сокращения объекта налогообложения.

Выбор того, или иного способа налоговой оптимизации является, как правило, наиболее значимым вопросом, для организации, благодаря чему налогоплательщик может снизить свои налоговые платежи.

Однако организация рискует оказаться в сфере пристального внимания фискальных органов, если в ее деятельности имеют место следующие обстоятельства:

- показатели налоговой нагрузки стабильно низкие, чем среднеотраслевые;
- в течение нескольких периодов темпы роста расходов опережают темпы роста доходов, или суммы расходов предельно приближены суммам доходов и в финансовой отчетности отражается убыток;
- предъявлены значительные суммы налогового вычета за период;
- неоднократное приближение показателей к предельному значению установленных налоговым кодексом величин, предоставляющих право применять специальные налоговые режимы;
- построение длинной цепочки контрагентов без явного наличия на то явных причин, вне особенностей сложившегося делового оборота.

Снижение риска для налогоплательщика попасть под подозрение налоговых органов, связано возрастанием объема обстоятельств, которые в нормальных условиях могли бы восприниматься как подозрительные.

В этих условиях внедрение некоторых способов налогового менеджмента становится более приемлемым, с той точки зрения, что наличие нестандартных внешних условий объяснит налоговым инспекторам, причину изменений компанией условий договоров, ценовой политики, некоторых элементов учетной политики в целях налогообложения прибыли и т.д.

С учетом вышесказанного отметим, что помимо традиционных схем налоговой оптимизации, следует учесть, и то, что в условиях кризиса уменьшается риск применения некоторых нестандартных способов налоговой оптимизации.

Если организация до кризиса использовала налоговую оптимизацию, и не выделялась в предшествующие отчетные (налоговые) периоды, то общий спад экономики не может сильно повлиять на безопасность применяемых методов. А если способы оптимизации стали применяться относительно недавно, то нестандартные условия заключенных договоров или понижение цен (тарифов) налогоплательщик может обосновать производственной необходимостью поддержания нового направления деятельности или распространения нового товара в течение определенного времени и т.п.

В частности, при снижении спроса и нехватке оборотных средств значительную налоговую экономию можно получить путем разделения или замены отношений по группе дружественных компаний. Применение внутри группы штрафных санкций, повышенных ставок по услугам поручительства, снижения цен на основные активы, просрочек платежей, в целом позволяет перераспределить прибыль (убытки) между участниками и получить налоговую экономию.

Возможные варианты применения некоторых методов налоговой оптимизации в нестандартных условиях внешней среды бизнеса приведены в *табл. 1*.

В отдельную группу следует отнести оптимизацию через юридически грамотно составленный договор, что является гарантией достижения различных целей организации.

Как правило, оптимизация договорных отношений осуществляется в виде правовой и экономической экспертизы договоров по таким направлениям, как:

Таблица 1. Методы оптимизации налогов в условиях экономического спада

Метод	Использование метода в рамках действующего законодательства
Разделение отношений, применение штрафных санкций, гарантий и поручительств	<i>Разделение цены приобретаемого основного средства на собственно стоимость объекта и штрафные санкции.</i> Компания-покупатель оприходует объект по более низкой стоимости, что позволяет ускорить амортизацию и уменьшить налог на имущество. У поставщика сумма штрафных санкций не облагается НДС и сразу же учитывается в составе налоговых расходов. Однако согласно ст. 333 ГК РФ стороны должны устанавливать соразмерные штрафные санкции. <i>Экономия группы «поставщик-поручитель».</i> Договор на приобретение основного средства делится на две части: собственно купля-продажа и услуги поручительства. Если поручителем выступает дружественная компания, покупатель снижает стоимость имущества. Размер налоговой экономии в данной группе зависит от применяемого покупателем налогового режима.
Укрупнение бизнеса	<i>Поглощение убыточных компаний.</i> Присоединив убыточную компанию, можно не только увеличить свой бизнес, но и уменьшить налог на прибыль за счет накопленных убытков поглощаемой компании. Такие убытки можно включить в состав собственных расходов (п.5 ст. 283 НК РФ). Несмотря на то, что условиях кризиса отрицательный результат деятельности не редкость, налоговики изучают источник появления этих убытков.
Сокращение расходов на оплату труда	<i>Передача части своих функций сторонней организации по договорам аутсорсинга (Закон N 1032-1 ФЗ).</i> Если выполненные определенных работ может требоваться не постоянно, то фирме целесообразнее привлечь специалистов по договору подряда. Однако выплаты по аутсорсингу должны быть не больше, чем расходы на штатных работников. <i>Работа по гражданско-правовым договорам вместо трудовых соглашений</i> позволяет сэкономить от взносов в ФСС (2,9%).
Выплата компенсаций	<i>Замена части премии на компенсационные выплаты и материальную помощь.</i> Работодатель обязан выплатить компенсацию в размере средней заработной платы (ст. 178 и 180 ТК РФ). Компенсация «увольняемым» работникам не облагается страховыми взносами (в случаях, установленных законодательством) ст. 9 закона №212-ФЗ. Однако способ применим лишь к ограниченному кругу работников, и только при их согласии.
Оптимизация за счет взносов	<i>Материальное поощрение работников через профсоюз.</i> Высокие выплаты облагаются страховыми взносами по ставке 27,1% (свыше 718 тыс. руб.) и 15,1%. (свыше 796 тыс. руб.) Крупные членские взносы в профсоюз, в который входят все работники, распределяются в виде помощи им. Несмотря на дополнительные затруднения, данный факт может быть вызван необходимостью материальной поддержки работников.

Источник: составлено автором

- оценка организационно-правовой формы, вида деятельности, налогового статуса и режимов налогообложения сторон;
- анализ предмета, цены сделки и даты исполнения договора;
- анализ ответственности сторон по договору и специальным положениям.

Суть такой оптимизации заключается в том, что налоговое законодательство и судебная практика в отношении порядка налогообложения ряда нестандартных операций все еще однозначно не определены. Например, страховые премии по договорам предпринимательских рисков при поставке товара в отличие от торговой скидки не облагаются НДС. Данный факт нередко приводит к неоднозначному толкованию отдельных положений гражданского и налогового законодательства, в том числе из-за путаницы в понятиях «имущественное право», «премия», «вознаграждение» и т.п.

В подобных ситуациях источником риска может являться отсутствие практики применения того или иного способа оптимизации налогообложения и его судебного толкования.

В целом, при общем спаде экономики отрицательный финансовый результат деятельности, нехватка оборотных средств, снижение финансовой устойчивости организации – это реальная ситуация. Поэтому рассматривая варианты оптимизации налогов, следует исходить из обстоятельств, которыми можно будет обосновать принятие тех или иных нестандартных решений. Крайне важно подтверждение применяемых методов расчетами, разумными разъяснениями экономических причин и обоснование получения необычных показателей. Для этого налоговые показатели непосредственно должны согласоваться с направлениями финансового плана организации [2].

При этом налогоплательщикам следует исходить из того, что целенаправленные и правомерные их действия, направленные на уменьшение налоговых расходов заключаются в использовании всех предоставленных законодательством приемов и способов минимизации налогов: налоговых льгот и освобождений [1]. Тем не менее, необходимо акцентировать внимание на высокую вероятность применения налоговыми органами доначислений и штрафных санкций в отношении организации. Соответственно организации всегда нужно быть готовой к различным интерпретациям законодательства, чтобы отстоять свою позицию.

Таким образом, при рассмотрении вариантов оптимизации налогов следует исходить из общей стратегии организации, всесторонне оценивая влияние налоговой нагрузки на величину базовых показателей эффективности не только текущей деятельности, но и на ожидаемые компанией результаты в последующих периодах [6].

Для этого необходим анализ влияния внешних факторов, диагностика рисков наступления неблагоприятных последствий оптимизации налогообложения, оценка вероятности проведения фискальными органами контрольных мероприятий, а также выработка *путей минимизации налоговых рисков*.

На следующем этапе требуется сравнительный анализ функциональных индикаторов, построение системы взаимозависимых показателей, позволяющих достоверно оценить уровень рисков и сформировать план мероприятий по минимизации *неблагоприятных последствий оптимизации налогообложения*.

На каждом этапе диагностика основывается на анализе внутренней финансовой, управленческой и налоговой отчетности, а так же на изучении сопутствующих деятельности организации процессов [6].

На основе проведенного исследования, можно утверждать, что основными проблемами, которыми сталкиваются налогоплательщики являются отсутствие концептуального и понятийного аппарата налоговой оптимизации в системе налогового планирования, несовершенство методических основ концепции анализа и инструментария оценки налоговых показателей. Эти и другие вопросы, связанные с недостаточной разработанностью теоретической и методической базы налогового планирования требуют дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Дегтева Л.В.* Государственный финансовый контроль / Монография. Издательство «Социально-гуманитарное знание». 2014. Москва. 116 с.
2. *Лиханин Е.Н., Грызунова Н.В.* Совершенствование методов реструктурирования задолженности организаций по налогам и сборам / Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2016. С. 90-97.
3. *Митрофанова И.А., Тлисов А.Б., Яценко Г.А.* Оптимизация налогообложения как инструмент планирования финансовых результатов деятельности организации //Международный бухгалтерский учет. № 28 (322) /2014. - С. 34-43.
4. *Султанова М.К.* Взаимодействие системы внутреннего контроля и системы построения финансовой отчетности //Экономика, социология и право. 2015. № 2. - С. 55-57.
5. *Цепилова Е.С.* Концепция налогового планирования в хозяйствующих субъектах //Финансы и кредит №46 (622). 2015. – С. 27-33.
6. *Чугумбаев Р.Р., Чугумбаева Н.Н.* Особенности методологии управления по комплексной системе экономических показателей // Экономика и управление в XXI веке. 2014. № 6. С. 104-108.
7. Информационно-консультационный сайт <http://www.audit-it.ru/articles/account/court/a51/837190.html> (дата обращения: 13.03.2017).
8. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. https://www.nalog.ru/rn50/opendata/stat_od/5039459/ (дата обращения: 13.03.2017).

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ON FOOD SECURITY IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

АЛИЕВА Айгюн Гусейнали кызы - доктор философии по экономике, доцент кафедры «Бухгалтерский учет и аудит», Сумгаитский государственный университет, Азербайджанская Республика (e-mail: alizadaconi@gmail.com).

ALIYEVA Aygun Huseynali kızı, PhD in economics, Associate Professor, Department of «Accounting and Auditing». Sumgait State University. The Republic of Azerbaijan (e-mail: alizadaconi@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются основы продовольственной безопасности на современном этапе, анализ состояния свойственного продовольственной безопасности Азербайджанской Республики и оценка возможностей его развития. Анализируются развитие производства, продовольственные балансы, импорт и экспорт некоторых видов продовольственной продукции, уровень надежности обеспечения продовольственными продуктами населения Азербайджана. В статье отражены существующие проблемы продовольственной безопасности и основные направления к формированию и развитию продовольственной безопасности в Азербайджане.

Ключевые слова: Азербайджан, продовольственная безопасность, анализ, проблемы, формирование,

Summary. In the article bases of food security in the modern condition are investigated, analysis of the modern state of the food security of the Azerbaijan Republic and possibilities of the development are investigated. Analyzes the development of production, food balance sheets, import and export of certain types of food products, the level of reliability to ensure food products of the Azerbaijani population. In the article reflects the existing problems of food security and the main directions to formation and development of food security in Azerbaijan.

Key words: Azerbaijan, food security, analysis, problems, the formation

Введение

Продовольственная безопасность – это обеспечения соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями способность государства вне зависимости от внешних и внутренних угроз удовлетворить потребности населения в продуктах питания в объемах, качестве и ассортименте, соответствующих принятым стандартам и нормам. Продовольственная безопасность является одной из главных целей аграрной и экономической политики государства. В своём общем виде она формирует вектор движения любой национальной продовольственной системы к идеальному состоянию. При достижении продовольственной безопасности продукты питания имеются в достаточном количестве, их поставки являются сравнительно стабильными, и каждый нуждающийся человек может получить продовольствие [1].

Проблема улучшения продовольственного обеспечения населения исторически занимала важное место в аграрной политике всех государств мира. Решение этой проблемы имеют весьма актуальное значение и для независимого Азербайджана.

Проблемы продовольственной безопасности

Проблема обеспечения продовольственной безопасности порождает необходимость целенаправленного управленческого воздействия, в том числе государственного, в сфере производства и обращения продовольственных товаров. В целом проводимая правительством политика вносит вклад в укрепление продовольственной безопасности республики, однако по-прежнему существуют серьезные проблемы [2].

Целый ряд проблем сохраняется в обеспечении продовольственной безопасности республики:

- накопленный груз экологических проблем;
- зависимость от импорта по некоторым видам продукции;
- негативные эффекты на развитие аграрного сектора;
- не достаточного количества квалифицированных кадров;
- рост доли генетически модифицированных продуктов на внутреннем рынке и т.д.

Важной проблемой продовольственной безопасности остается качество продовольствия. В нашу страну нередко завозятся не востребовавшиеся в самих государствах-экспортерах некачественные и даже вредные для здоровья человека продукты питания.

Анализ

Регулярное удовлетворение потребности населения страны в сельскохозяйственной и продовольственной продукции в значительной степени зависят от совершенствования экономического механизма в соответствии с требованиями новых производственных отношений. В условиях формирования рыночных отношений укрепление экономики страны и улучшение обеспеченности населения продуктами питания в значительной степени зависят от эффективности проводимых аграрных реформ и развития частных производственных структур [3].

В настоящее время фактически невозможно в полной мере решить проблему продовольственной безопасности за счет развития внутреннего производства. Тем не менее, приоритетным направлением аграрной политики Азербайджана уже сегодня является увеличение внутреннего производства продукции АПК за счет его стимулирования и стимулирования экспорта некоторых видов продовольственной продукции [4]. Большое внимание следует уделить самообеспеченности продовольствием за счет собственного аграрного сектора.

Развитие производства все в большей мере определяется рынком, который одновременно регулирует результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятий сельского хозяйства, пищевой промышленности, предприятий перерабатывающих отраслей и сферы услуг, независимо от формы их собственности. Азербайджанские продукты, особенно овощи и фрукты хорошо известны своим качеством по всей России и стран СНГ (рис 1).

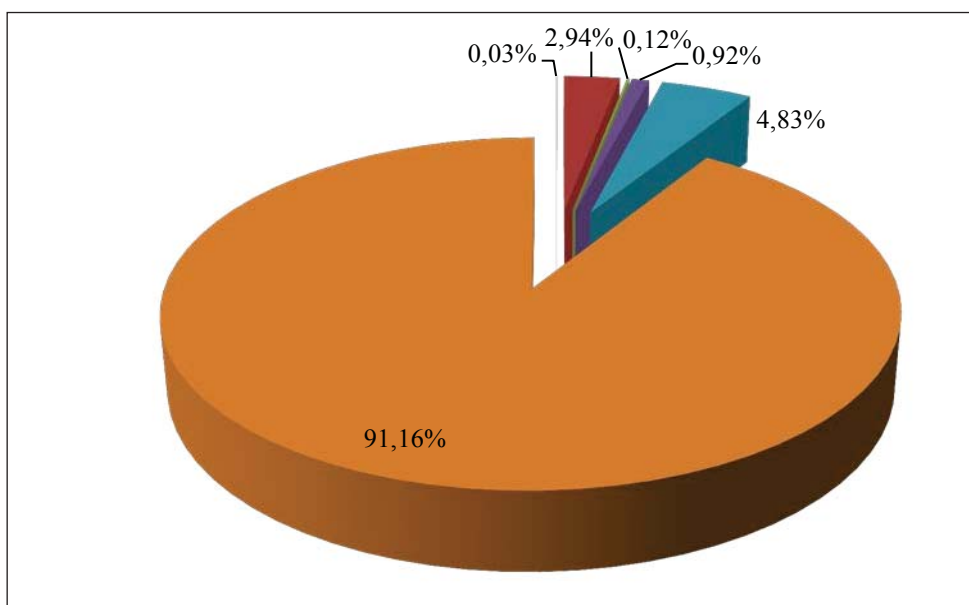

Рис.1. Экспорт продовольственной продукции за январь-ноябрь 2016-го года

*Источник: Госкомстат Азербайджана-2016 г.

По сообщению Государственного Комитета Статистики Азербайджанской Республики, за январь-ноябрь 2016-го года общий экспорт продукции составил 11889,5млн. долларов, так как за этот период вывоз из страны продуктов животноводства составил 0,03% (3,6 млн. долларов), растительных продуктов 2,94% (349,4 млн. долларов), животных или растительных жиров и маслах 0,12% (14,7млн. долларов), готовых пищевых продуктов, алкогольных и безалкогольных напитков 0,92% (109,3 млн. долларов). Несмотря на растущие объемы экспорта, доля сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров в общем экспорте республики составила лишь 4,1 %, ведущая роль по прежнему принадлежит углеводородному сырью (91,16%) на 10838,4 млн. долларов [5].

В январе-ноябре 2016 года по сравнению с аналогичным периодом 2015 года, экспорт важнейших видов продовольственных продуктов, 25,9 процента из свежих фруктов, свежих овощей - 49,1 процентов, картофель на 4,3 процента увеличился, а экспорт сахара 46,9 процента, растительное масло - 59,9 процента, чай - 72,3 процента, маргарин, другие ингредиенты, пригодные для производства продуктов питания упали - 89,8 процента [5,6].

Одним из основных экспортных рынков Азербайджанской сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на протяжении долгого времени является Россия. Экспорт в Россию отличается большим разнообразием. Очевидно, что Российский рынок является крайне перспективным для азербайджанских сельхозпроизводителей и пищевиков. Сохраняется значительный потенциал для увеличения поставок сельхозпродукции и продовольствия из Азербайджана на Российских рынок.

Важными преимуществами Азербайджана на текущий момент являются:

- соседское положение с Россией и транспортная доступность Российского рынка для Азербайджанской продукции;
- стабильные каналы поставок и сбыта продукции;

- отсутствие у России возможности самостоятельно удовлетворить потребности в некоторых товарах, импортируемых из Азербайджана.

Основными задачами обеспечения продовольственной безопасности, являются выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности и формирования стратегических запасов пищевых продуктов. В январе-ноябре 2016 года по сравнению с январем-ноябрём 2015 года, импорт пшеницы увеличился на 15,3 процента, сахара-сырца и сахара - на 34,8 процента, растительное масло - 21,0 процента, свежие фрукты - на 17,2 процента, масло и другие молочные масла и пасты - на 9,2 процента, а чай - 81,3 процента, kartof - 48,4 процента, свежие овощи - 82, 1 процента, говядина - 0,1 процента. Значительные объёмы потребляемой в стране муки ввозятся из России и Казахстана [5,6].

Меры, осуществляемые в связи с совершенствованием экономического механизма продовольственного рынка, как правило, направлены на экономическое стимулирование и социальную защиту производителей и основаны на повышении активности составных его элементов. При этом главная цель состоит в обеспечении экономического равновесия между спросом и предложением на рынке, в том числе за счет ценовых факторов.

Переход к системе свободных цен в связи с формированием рыночных отношений в экономике уже привел к освобождению цен подавляющего большинства продовольственной, пищевой и сельскохозяйственной продукции [7]. Применение свободных цен в стране в принципе должно было служить интересам производителей сельскохозяйственной продукции. Однако, существующая практика регулирования цен на рынке фактически наносит серьезный ущерб этим интересам, особенно в связи с разрывом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

В 2016-ом году по сравнению с 2015-го года, цены на продовольственные товары выросли 14,7 процента [5, 6]. Прежде всего, это относится к цен на рис, муки, гречки, макаронные изделия, мясных продуктов, молочных продуктов, сыр, яйца, масло и растительные масла, сахар, кофе, чай и какао, яблоко, груша, айва, гранаты, бананы, хурма, киви, апельсины, мандарины, помидоры, огурцы, капусты, зелень, свекла, картофель, лук, чеснок. А цены на лимон, морковь, на табачные изделия были сняты. В ценах других пищевых продуктов значительные изменения не произошли.

В декабре 2016 года по сравнению с ноябрем этого же года цены на продовольственные товары выросли на 4,1 процента, а на непродовольственные товары 2,2 процента. В 2016-ом году по сравнению с 2015-го года, цены на непродовольственные товары выросли 16,7 процента, а в декабре 2016 года по сравнению с ноябрем этого же года цены выросли 2,2 процента [5].

Для формирования экономического механизма, отвечающего требованиям современного продовольственного рынка, во всех отраслях экономики необходимо отдать предпочтение рыночным ценам. В то же время цены на промышленную продукцию, потребляемую в сельском хозяйстве, на продукцию сельского хозяйства и цены услуг должны регулироваться государством.

Важным направлением обеспечения продовольственной безопасности Азербайджана является составление продовольственных балансов, которые наряду со статистикой по производству продуктов для продовольственных целей содержат информацию об использовании этих продуктов в качестве сырья для пи-

щевой промышленности. В задачу продовольственных балансов входит также прогнозирование обеспеченности населения продуктами питания. Юридическими основами для составления продовольственных балансов являются принятый в 1999 году Закон Азербайджанской Республики «О пищевых продуктах» и Постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики № 181 от 20 ноября 2009 г., «Об утверждении порядка составления продовольственных балансов» [8].

Структура продовольственного баланса включает в себя ресурсы того или иного продукта (куда входят запасы на начало года, производство и импорт)

Рис. 2. Продовольственный баланс Азербайджана

и его расходы, состоящие из экспорта, личного потребления, непродовольственного использования, потерь и некоторых других позиций. Продовольственные балансы формируются по продуктам пищевой промышленности (27 позиций), по продуктам растениеводства (зерновые, овощи, фрукты — всего 14 позиций) и продуктам животноводства (мясо, молоко, яйца и рыба — всего 8 позиций) (рис.2).

В ходе составления балансов используются различные группы наличных статистических данных: статистика сельского хозяйства, промышленности, торговли, населения, а также данные обследований домашних хозяйств.

Заключение

Обязанности любого государства обеспечивать право каждого человека на доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания в соответствии с правом на адекватное питание и правом на свободу от голода. В целях защиты от влияния негативных процессов на мировом продовольственном рынке на Азербайджан президент Ильхам Алиев утвердил Госпрограмму надежного обеспечения населения страны продовольствием на 2008-2015 годы. Параллельно с ней реализуется «Государственная программа по социально-экономическому развитию регионов Азербайджанской Республики в 2008–2015 годы» [9].

Подводя итог, следует отметить, что для обеспечения продовольственной безопасности в стране осуществляются меры по поддержке частного предпринимательства. Однако,

- организовать систему контроля за качеством продукции по всей технологической цепи;
- нужно предоставить временные налоговые льготы;
- содействовать получению кредитов для производства, переработки и сбыта продуктов питания, от конкуренции импорта;
- создать мониторинговую систему для решения проблем продовольственной безопасности;
- необходимо ввести меры по сертификации и стимулированию производства экологически чистой высококачественной продукции;
- улучшить систему страхования;

- выявлять и мобилизовать внутрихозяйственные резервы обеспечения финансовой устойчивости предприятия;
- осуществлять оценку фактического использования выявленных резервов;
- на государственном уровне активно пропагандировать политику здорового питания и др.

Список литературы

1. *Алиева А.Г.* Азербайджан: продовольственная безопасность и развитие аграрного сектора. Российское предпринимательство. Всероссийский научно-практический журнал по экономике №3. Москва-2012. ст.179-183. Издательство «Креативная экономика».
2. *Салахов С.В.* Проблемы государственного регулирования аграрной сферы - Баку- 2004.
3. *Самедов А.Г., Азизова Г.А.* Стратегия и тактика формирования рынка потребительских товаров в современных условиях - Баку. Сабах. 2001. С.152.
4. *Алиева А.Г.* Влияния финансового кризиса на продовольственный рынок. Проблемы экономики №6 Москва-2009. С.17-19.
5. Сайт Государственного Комитета Статистики Азербайджанской Республики. Режим доступа: www.azstat.org. (дата обращения: 13.03.2017).
6. Сборник Госкомстата Азербайджана-2016. С. 824.
7. *Караев И., Новрузова З.* Цена и экономическое регулирование рынка. Баку, 2006.
8. Юридические основы составления продовольственных балансов Азербайджанской республики. Режим доступа: <http://www.fao.org/>. (дата обращения: 13.03.2017).
9. Распоряжение президента Азербайджанской Республики № 3004 от 25 августа 2008 года.

О ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE PROBLEM OF STATE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

МАКАРОВА Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента организации МГГЭУ (e-mail: makarova@mggeu.ru).

MAKAROVA Marina Vladimirovna – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Department of Organization Management MGGEU (e-mail: makarova@mggeu.ru).

Аннотация: в статье рассматриваются основные механизмы и приоритеты государственной поддержки малых предприятий и средних предприятий, в частности, предоставление кредитов с гарантией.

Ключевые слова: кредит, бизнес-инкубатор, технопарк, малые предприятия, средние предприятия.

Summary. The article examines the main mechanisms and priorities of state support for small enterprises and medium-sized enterprises, in particular, the provision of loans with a guarantee.

Keywords: credit, business incubator, Technopark, small enterprises and medium-sized enterprises.

Малые предприятия в России в части государственной поддержки проигрывают среднему и крупному бизнесу в доступе к финансовым, имущественным и информационным ресурсам. Правительство Российской Федерации, осознавая важность развития малого и среднего предпринимательства для экономики страны, реализует определенные механизмы государственной поддержки малых и средних предприятий. Основными целями государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации являются:

- 1) развитие малых и средних предприятий как фактора конкурентной среды;
- 2) обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 3) обеспечение конкурентоспособности малых и средних предприятий;
- 4) увеличение числа малых и средних предприятий;
- 5) обеспечение занятости населения и самозанятости;
- 6) увеличение доли производимых субъектами МСП товаров и услуг в валовом внутреннем продукте;
- 7) увеличение налоговых платежей от малых и средних предприятий в доходах консолидированного бюджета Российской Федерации [1].

Среди положительных векторов государственной поддержки МСП, можно отметить следующие:

1. Снижение расходов на ведение бухучета (разрешены упрощенные способы ведения бухгалтерского учета, включая упрощенную бухгалтерскую или финансовую отчетность) [2].
2. Появление уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации [3].
3. Реализация льготной приватизации арендуемых помещений. [4].

Экономические санкции привели к тому, что российские предприятия получили недостаточный доступ к финансовым ресурсам при сокращении инвестиционных проектов. Рыночный спрос на продукцию организаций, ведущих экспортную деятельность, сокращается, уменьшается спрос на продукцию других отраслей экономики страны. Вместе с этим потребительское кредитование уменьшается, что ограничивает спрос на российские товары. Особые проблемы испытывают малые предприятия, которые должны адаптироваться к изменяющимся условиям с целью стать высокотехнологичной сферой страны. В целях преодоления влияния экономического кризиса правительству необходимо принять меры по финансовой обеспеченности предприятий малого бизнеса.

Малые и средние субъекты предприятия сосредоточены преимущественно в торговле и сфере услуг, большинство из них создают достаточно незначительную добавленную стоимость. Следует отметить, что приоритет в мероприятиях по государственной поддержке отдается все же МСП, производящим товары, работы, услуги инновационного характера.

Все необходимые с точки зрения правительства мероприятия прописываются в государственных программах.

Согласно государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» выделяют следующие формы организации МСП:

1. Бизнес-инкубатор – организация, созданная для поддержки предпринимателей на ранней стадии их деятельности. Он предоставляет в аренду помещений и оказывают консультационные, бухгалтерские услуги.
2. Молодежное предпринимательство – осуществление предпринимательской деятельности молодыми предпринимателями (в возрасте до 30 лет.
3. Промышленный парк, индустриальный парк, агропромышленный парк – совокупность объектов недвижимости и инфраструктуры, земельных участков, административных, производственных, складских помещений.
4. Технопарк – система объектов недвижимости, созданных для реализации деятельности МСП в области высоких технологий, состоящих из земельных участков, офисных зданий, производственных помещений, объектов инженерной, транспортной, жилой и социальной инфраструктуры.
5. Частный промышленный парк – система объектов недвижимости и инфраструктуры, земельных участков, административных, производственных, складских помещений.

Инновационная активность малого бизнеса относительно низкая из-за отсутствия спроса на них со стороны крупного бизнеса. Как и для всех экономических субъектов, налицо проблема региональной дифференциации малых и средних предприятий в РФ: наблюдается значительная разница между регионами-лидерами и отстающими регионами (около 40% всех субъектов малых и средних предприятий сосредоточено в Центральном Федеральном округе) [6].

Таблица 1. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (по состоянию на февраль 2017 г.)

	Всего	Юридические лица		Индивидуальные предприниматели	
		Малые предприятия	Средние предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия
Российская федерация	5 925 282	239 136	20 534	28 422	401
Центральный ФО	1 797 099	87 472	8 659	6 417	99
Северо-Западный ФО	681 249	31 503	2 386	2 480	32
Южный ФО	697 438	17 777	1 482	3 549	37
Северо-Кавказский ФО	200 022	4 115	368	829	10
Приволжский ФО	1 076 813	44 305	3 548	6 637	96
Уральский ФО	514 304	19 473	1 586	2 778	40
Сибирский ФО	695 397	25 420	1 872	3 973	62
Дальневосточный ФО	262 960	9 071	633	1 759	25

Признавая значительную роль МСП в политике занятости населения, следует отметить, что финансовая поддержка имеет большое значение в обеспечении стабильной работы малых предприятий. В целях поддержки малого бизнеса целесообразно разместить государственные денежные средства в коммерческих банках, которые будут на определенных условиях кредитовать малый бизнес.

Основной механизм государственной поддержки – это оказание финансовой поддержки на расходные обязательства, возникающих при исполнении органами государственной власти субъектов России полномочий по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства.

Например, в рамках государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства» предусматривается:

- а) создание и развитие инфраструктуры поддержки субъектов МСП, направленной на содействие развитию системы кредитования;
- б) создание и развитие инфраструктуры поддержки субъектов МСП, деятельность которой направлена на оказание консультационной поддержки;
- в) создание и развитие инфраструктуры поддержки МСП, осуществляющих деятельность в области промышленного и сельскохозяйственного производства, в том числе разработку инновационной продукции;
- г) поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере производства товаров (работ, услуг);
- д) поддержку начинающих субъектов малого предпринимательства;
- е) поддержку и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, занимающихся социально значимыми видами деятельности;
- ж) поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в области народно-художественных промыслов, ремесленной деятельности, сельского и экологического туризма и другие.

Для практической реализации государственной поддержки можно отметить деятельность акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства».

Основными целями деятельности Корпорации МСП являются:

1. Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям;
2. Привлечение денежных средств российских, иностранных и международных организаций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;
3. Реализация информационного, маркетингового, финансового и юридического сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых субъектами малого и среднего предпринимательства;
4. Реализация мероприятий, направленных на увеличение доли закупки товаров, услуг заказчиками, определяемыми Правительством Российской Федерации, у субъектов малого и среднего предпринимательства в годовом объеме закупки товаров или услуг в годовом объеме закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции;
5. Обеспечение информационного взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями в целях оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства.

Для достижения указанных целей Корпорация МСП, в том числе, выдает поручительства и независимые гарантии для создания инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, которые основываются на кредитных договорах, договорах займа, лизинга, договорах о предоставлении банковской гарантии и иных договорах.

В рамках государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках развития системы кредитования в субъектах Российской Федерации осуществляется механизм предоставления субсидии субъекту Российской Федерации на реализацию мероприятия по созданию гарантийных фондов, фондов поручительств [5].

Таблица 2. Объем выданных кредитов Федеральной корпорацией развитию малого и среднего предпринимательства с гарантией, млн руб.

Год	2014 год	2015 год	2016 год
Объем выданных кредитов с гарантией, млн. руб.	3670, 82	41647,07	113956,34

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наблюдается положительная динамика показателей [7]. Для выдачи инвестиционных кредитов и оборотных кредитов к субъектам малого и среднего предпринимательства выдвигаются определенные критерии.

В рамках государственной поддержки возможно предоставление кредитных средств на льготных условиях для создания основных средств, запуска новых проектов (в том числе через механизм лизинга), а также для пополнения оборотного капитала. Законодательство устанавливает достаточно жесткие требования для заемщиков:

- а) наличие статуса юридического лица, зарегистрированного на территории Российской Федерации;
- б) отсутствие просроченной задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и в государственные внебюджетные фонды; отсутствие задолженности перед работниками; положительная кредитная история;
- в) отсутствие возбужденного производства по делу о несостоятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- г) юридическое лицо, являющееся контролирующим лицом, должно быть резидентом Российской Федерации;
- д) положительная динамика финансовых результатов по данным бухгалтерской отчетности за предыдущий период.

Для малых и средних предприятий важное значение имеет получение краткосрочных кредитов, развитие факторинговых и лизинговых операций. Кредитные организации выдают займы под относительно высокие процентные ставки. Региональный спрос на продукцию малых предприятий внутри субъектов низкий, а в связи с кризисной ситуацией в стране уменьшился, что приводит к уменьшению пополнения оборотных средств малых предприятий. Такая экономическая ситуация вынуждает предпринимателей малого бизнеса к сокращению объема сделок. Следовательно, увеличиваются риски приостановки деятельности многих предприятий малого бизнеса.

Следует отметить, что эффект от государственной поддержки в отношении малых и средних снижается вследствие некоторых противоречий, таких как увеличение страховых взносов, отмены льгот по налогу на имущество организаций для плательщиков специальных налоговых режимов. Результатом указанных противоречий является снижение эффекта от государственной поддержки малых и средних предприятий в России.

В качестве основного вывода по проведенному исследованию, можно отметить следующее:

1. Государственная поддержка субъектов МСП основывается на предоставлении кредитов на льготных условиях с целью пополнения оборотного и инвестиционного капитала.
2. Малые и средние предприятия следует выводить из теневой экономики, облегчая им налоговый режим и отчетную документацию.
3. Государственная поддержка субъектов МСП строится на активном привлечении субъектов РФ путем выделения им субсидий на развитие региональных программ поддержки малых предприятий.
4. Государственная поддержка должна быть направлена на повышение доли малых и средних предприятий, производящих инновационную продукцию.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 02.11.2013 № 292-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О бухгалтерском учете»».
3. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

4. Федеральный закон от 02.07.2013 № 144-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства».

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 18, ст. 2162; 2015, № 28, ст. 4229; № 35, ст. 4979; № 37, ст. 5153; № 47, ст. 6583; 2016, № 2, ст. 331; № 24, ст. 3525, 3547; № 27, ст. 4499).

6. Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/about.html>. (дата обращения: 06.02.2017).

7. Режим доступа: <http://corpmsp.ru/finansovaya-podderzhka/> (дата обращения: 06.02.2017).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОВЗ И ИНВАЛИДОВ¹

SOCIO-ECONOMIC PERFORMANCE OF PROFESSIONAL ORIENTATION TUTORING WITH THE HIA AND DISABLED

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия» ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», г. Москва (e-mail.ru: gav-53@mail.ru).

GERASIMOV Anatoly Vasilievich- Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department «History and Philosophy», «Moscow State University of Humanities and Economics», Moscow (e-mail.ru: gav-53@mail.ru).

ЛИТВИНЕНКО Инна Леонтьевна – кандидат экономических наук, доцент, кафедры «Менеджмент организации» ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», г. Москва (e-mail: innalitivnenko@yandex.ru).

LITVINENKO Inna Leontievna - Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Management of the organization», «Moscow State University of Humanities and Economics», Moscow (e-mail: innalitivnenko@yandex.ru).

Аннотация. Для достижения соответствия выпускника профессиональной школы потребностям рынка труда огромное значение имеет профессиональная ориентация молодежи, которая обусловлена, во-первых, потребностями экономики, общества в целом в эффективной социализации молодежи. Наиболее сложной и, несомненно, значимой является профессиональная ориентация инвалидов и лиц с ОВЗ, их профессиональное образование и подготовка к трудоустройству, адаптация системы образования и сферы труда к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам инвалидам и лиц с ОВЗ.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, обучающиеся с инвалидностью и ОВЗ, социально-экономические проблемы, система образования.

Summary. To achieve compliance with the graduate school of professional labor market is crucial professional orientation of young people, which is due, firstly, the needs of the economy and society as a whole in the effective socialization of youth. The most complicated and, no doubt, is an important professional orientation of persons with the HIA and the disabled, their vocational education and training to employment, the adaptation of the education system and the world of work to the level of training, especially the development, abilities and interests of people with HIA.

Keywords: professional orientation, students with disabilities and special needs, socio-economic problems, education system.

¹ Научная статья разработана в рамках государственного задания в сфере научной деятельности «Проективная модель комплексного сопровождения профессионального обучения и карьерного развития лиц с нарушением опорно-двигательной системы».

Как показывает опыт экономически развитых и ряда развивающихся стран, социально-экономическая эффективность профориентационной работы заметно повышается при включении ее в общую систему государственной кадровой политики. Это, в свою очередь, в значительной степени повышает ответственность системы образования за формирование квалифицированных кадров, в которых нуждается инновационно развивающаяся экономика.

Возникает необходимость постоянного мониторинга и учета изменяющихся параметров макросреды (социально-экономической ситуации, потребностей рынка, демографических показателей, требований к квалифицированным кадрам).

Для достижения соответствия выпускника профессиональной школы потребностям рынка труда огромное значение имеет профессиональная ориентация молодежи, которая обусловлена, во-первых, потребностями экономики, общества в целом в эффективной социализации молодежи [7].

Во-вторых, жесткие требования рынка труда к уровню знаний, практических навыков и компетенций специалиста, высокая конкуренция при трудоустройстве на хорошо оплачиваемую работу не позволяют беспечно относиться к результатам обучения. Современные школьники и студенты просто «вынуждены» эффективно использовать учебное и внеучебное время для профильной, а, по возможности, и предпрофессиональной подготовки.

Ослабление координации организационно-педагогического сопровождения профессиональной ориентации лиц с инвалидностью и ОВЗ со стороны Федерального центра

Недостаток квалифицированных специалистов-профориентологов

Отсутствие в образовательных организациях штатных сотрудников по профессиональному сопровождению обучающихся с инвалидностью и ОВЗ

Слабое взаимодействие между различными социальными и экономическими институтами и службами в системе «школа – Высшая школа – рынок труда»

Отсутствие разработанных критериев эффективности школьной профориентационной работы с детьми-инвалидами

Отсутствие научно-методических ресурсов по организации профориентации и психолого-педагогическому сопровождению обучающихся с инвалидностью и ОВЗ

Нерациональная структура занятости трудоспособных инвалидов, в том числе выпускников школ, колледжей, вузов.

Рис. 1. Основные социально-экономические проблемы профессиональной ориентации лиц с инвалидностью и ОВЗ

Источник: Составлено авторами на основе данных Фурсов А.Л. Социально-экономическая эффективность системы профориентации населения региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук /Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.. Саратов, 2014. – С. 53.

Поэтому особенно важно не ошибиться с выбором профессиональной траектории, чтобы избежать дорогостоящих издержек, связанных с переориентацией и сменой профессии [6].

В-третьих, развитие системы образования и ее потребностей в совершенствовании образовательного результата в соответствии с современными запросами общества, переход к деятельностно-компетентным методам в образовании обуславливают необходимость разработки новых подходов к профориентации молодежи.

Наиболее сложной и, несомненно, значимой является профессиональной ориентация лиц с ОВЗ и инвалидов, их профессиональное образование и подготовка к трудоустройству, адаптация системы образования и сферы труда к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам лиц с ОВЗ [12, с. 70].

Анализ научных теоретических и прикладных исследований российских ученых (Галкиной И.А., Гудковой Е.В., Фурсова А.Л. и др.) по вопросам профессиональной ориентации лиц с инвалидностью и ОВЗ позволил определить ряд ключевых социально-экономических проблем в сопровождении этого процесса, которые представлены на рисунке 1 [3].

В связи с этим очевидно, что системный подход к профориентации обучающихся с ОВЗ и инвалидов требует учета ее социально-экономических аспектов, определения места в системе социально-трудовых отношений, оценки эффективности профориентационных мероприятий и определения механизмов ее дальнейшего развития.

По мнению специалистов, социально-экономический аспект профессиональной ориентации инвалидов состоит, прежде всего, в том, что при подборе видов профессиональной деятельности и форм профессиональной подготовки необходим учет разнообразных факторов, определяющих особенности социального статуса инвалида (уровня образования, степени профессиональной подготовки, квалификации, семейного и материального положения, жилищно-бытовых условий, места проживания, возраста, пола), а также учет местных (региональных) особенностей развития производства, состояния рабочих мест и потребностей в рабочей силе в тех или иных видах профессиональной деятельности (состояние рынка труда и возможности профессионального обучения и трудоустройства инвалидов) [10, с. 27].

Оценка способности к трудовой деятельности - ключевой момент в определении инвалидности, а ее восстановление и последующее рациональное трудоустройство - в реабилитации инвалидов в целом [8]. Отсюда следует, что наиболее общим показателем социально-экономической эффективности системы профессиональной ориентации является ее способность содействовать обучающимся с ОВЗ и инвалидам в профессиональном выборе и формированию у них социокультурных и профессиональных компетенций, максимизирующих конкурентоспособность этой категории граждан на рынке труда. Далее представим таблицу показателей социально-экономической эффективности профориентации обучающихся с ОВЗ и инвалидов, используя подход Фурсова А.Л. [11, с. 164].

Одним из показателей эффективности системы профессиональной ориентации является численность обучающихся с ОВЗ и инвалидов в образовательных организациях высшего образования. Согласно данным Национального исследо-

Таблица 1. Показатели социально-экономической эффективности профорientации обучающихся с инвалидностью и ОВЗ

Индивид	Социально-экономический эффект
Обучающиеся с инвалидностью и ОВЗ	- Рост уровня профессионализма - Повышение конкурентоспособности на рынке труда - Реализация способностей и интересов в профессиональной деятельности - Повышение социального статуса - Повышение степени удовлетворенности жизнью и работой - Повышение уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия - Рост дохода на душу населения
Общее образование	- Повышение рейтинга - Увеличение финансирования со стороны государства и социальных партнеров - Подготовка конкурентоспособных выпускников с инвалидностью и ОВЗ к осознанному профессиональному выбору
Профессиональное образование	- Формирование компетентности обучающегося с инвалидностью и ОВЗ - Повышение конкурентоспособности лиц с инвалидностью и ОВЗ на рынке труда - Повышение рейтинга среди вузов - Увеличение финансирования образовательного процесса со стороны государства и социальных партнеров - Расширение спектра образовательных и дополнительных услуг - Увеличение финансирования научных исследований со стороны государства и грантодателей - Совершенствование научного и информационного обеспечения профорientации - Повышение международного имиджа
Органы власти	- Обеспечение эффективной системы трудоустройства инвалидов и лиц с ОВЗ - Снижение выплат по безработице, затрат на профессиональную переподготовку и обеспечение трудовой мобильности лиц с инвалидностью и ОВЗ - Снижение социальной напряженности - Рост человеческого капитала лиц с инвалидностью и ОВЗ - Рост поступлений в бюджет налога на доходы физических лиц
Бизнес-структуры, работодатели	- Снижение затрат на переобучение и профессиональное совершенствование - Получение конкурентоспособного работника - Повышение производительности труда - Рост прибыли

Источник: Составлено авторами на основе данных Фурсов А.Л. Социально-экономическая эффективность системы профорientации населения региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук /Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.. Саратов, 2014. – С. 52-54.

вательского университета «Высшая школа экономики», численность лиц с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета и магистратуры за 2014-2015 учебный год составила 20 820 человек, или 0,4% от общей численности студентов. При этом по адаптированным образовательным программам обучаются 1817 человек, что составляет 21,2% от общей численности получающих образования лиц с инвалидностью и ОВЗ [8]. Динамика численности обучающихся с инвалидностью и ОВЗ по программам среднего профессионального и высшего образования представлена на *рис. 2*.

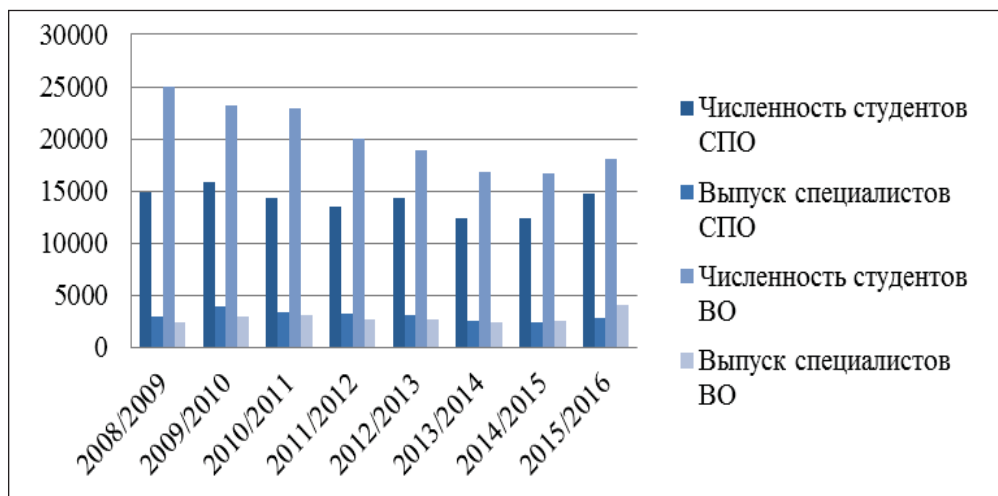

Рис. 2. Динамика численности и выпуска студентов с инвалидностью и ОВЗ в образовательных организациях СПО и ВО

Источник: Составлено авторами на основе данных Официального сайта Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 05.02.2017).

Следует отметить, что численность лиц с инвалидностью и ОВЗ, получающих и получивших высшее образование из общей численности инвалидов в возрасте от 15 и более лет составляют всего лишь 23,9%. Поэтому доступность образования, создание специальных условий образовательной среды и для инвалидов, и для лиц с ОВЗ становится безусловным требованием к профессиональным образовательным организациям. В этом смысле инвалиды и лица с ОВЗ объединяются в одну равноценную образовательную группу, требующую общих педагогических и социальных подходов.

Согласно процедуре приема, на работу инвалидов предполагается представление кандидатом в числе обязательных документов справки об инвалидности и ИПРА. В ограничении способности к труду выделяют три степени (*рис. 3*). В зависимости от группы инвалидности сотрудника относят к той или иной категории и устанавливают ему соответствующий режим работы и условия труда.

Численность инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в последние годы сокращается (с 306 до 170 тыс. чел.), а находят работу

Ограничения трудовой деятельности в зависимости от группы инвалидности

1-я степень ограничения подразумевает, что кандидат способен выполнять трудовую деятельность в обычных условиях труда при снижении квалификации, напряженности и уменьшении объема работ. В некоторых случаях 1-я степень ограничения к труду может означать, что сотрудник неспособен продолжать работу по основной профессии, но может трудиться в обычных условиях, выполняя работу более низкой квалификации.

2-я степень ограничения к труду требует от работодателя создания специальных условий и использования вспомогательных технических средств. При приеме на работу инвалида необходимо создать условия, отвечающие данной степени ограничения.

3-я степень ограничения присваивается тем, кто способен к выполнению элементарной трудовой деятельности с помощью других лиц. Кроме того, в эту категорию попадают те, кому противопоказана трудовая деятельность из-за имеющихся нарушений функций организма.

Рис. 3. Ограничения трудовой деятельности в зависимости от группы инвалидности

Источник: Составлено авторами на основе данных журнала «Кадровое дело» Прием на работу инвалида в 2015 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kdelo.ru>. (Дата обращения 12.02.2017).

почти половина из них. Отметим, что всё больше инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы (рис. 4), и находят её (повышение от общего числа обратившихся).

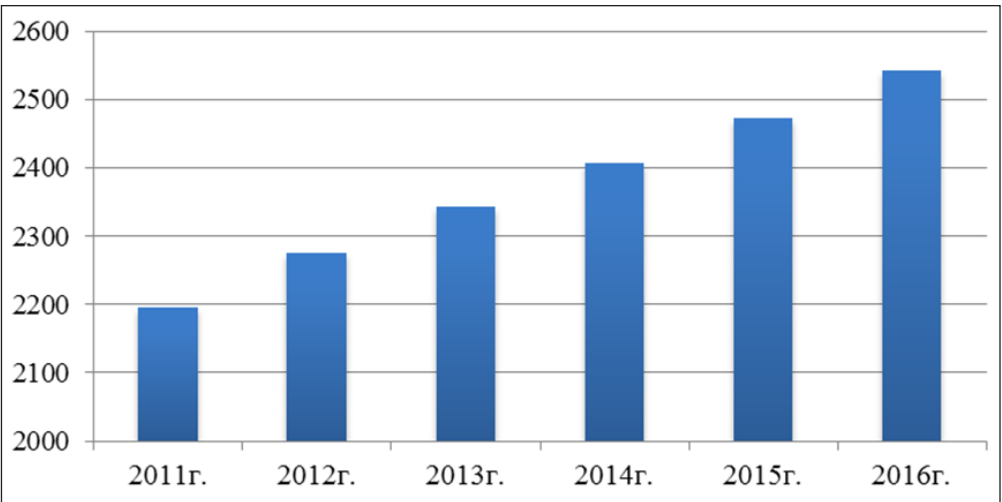

Рис. 4. Численность трудоустроенных лиц с инвалидностью и ОВЗ, тыс. чел.

Источник: Составлено авторами на основе данных Официального сайта Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 05.02.2017).

При этом 60% трудоустроенных лиц с инвалидностью и ОВЗ в 2016 году составили граждане с 3 группой инвалидности, 37% - лица со второй группой и лишь 3% имеют третью группу (рис. 5).

Рис. 5. Распределение лиц с инвалидностью и ОВЗ по группам инвалидности в 2016 году

Источник: Составлено авторами на основе данных Официального сайта Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 05.02.2017).

В соответствии с законодательством Российской Федерации существуют и реализуются различные меры поддержки занятости инвалидов, в том числе выпускников профессиональных ОО и ОО высшего образования, включая:

- содействие трудоустройству инвалидов в рамках государственной программы «Доступная среда» на 2011-2020 годы;
- государственная поддержка общероссийских общественных организаций инвалидов;
- поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций,
- предоставляющих дополнительные адресные услуги инвалидам;
- содействие поиску подходящей для инвалидов работы в рамках предоставления органами службы занятости населения государственной услуги по организации профессиональной ориентации граждан (рис. 6);
- содействие трудоустройству незанятых инвалидов в рамках региональных программ по снижению напряженности на рынке труда на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места;
- квотирование рабочих мест на крупных и средних предприятиях;
- налоговые льготы, предусмотренные для общественных организаций инвалидов и учреждений, единственными собственниками имущества которых являются общественные организации инвалидов;
- иные меры, реализуемые субъектами Российской Федерации.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (последние данные по состоянию на 15.04.2015 года):

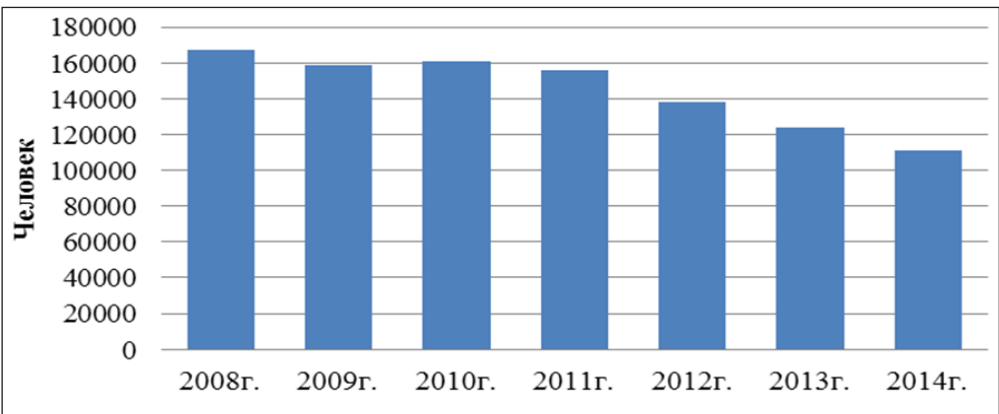

Рис. 6. Сведения о предоставлении государственными учреждениями службы занятости государственной услуги по организации профессиональной ориентации лиц с инвалидностью и ОВЗ

Источник: Составлено авторами на основе данных Официального сайта Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/>. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 05.02.2017).

- доля лиц с инвалидностью и ОВЗ в возрасте от 15-65 лет, занятых в экономике, у которых профессия (специальность) подтверждена дипломом или иным документом составила 68,7%, из этого числа лишь 51,2% дипломов (свидетельств) соответствуют (38%) и почти соответствуют (13,4%) полученной специальности, что опять свидетельствует о наличии несбалансированности рынка труда (качественный разрыв между спросом и предложением трудовых ресурсов).
- способностью вести активный образ жизни обладают 15% людей с инвалидностью и ОВЗ в трудоспособном возрасте, при этом незаинтересованность наблюдается у 9%;
- в возрасте от 15-29 лет - 26,7 % способны вести активный образ жизни, а 11% не имеют ни желания, ни интереса.
- Отсутствие заинтересованности во многом определяется наличием социальных и психологических барьеров (как внутренних, связанных с индивидуальными аспектами личности, так и внешних, обусловленных наличием и развитием «доступной среды»): недооценка или переоценка своих возможностей, влияние родителей или референтной группы, проблемы социализации, замкнутость, отсутствие мотивации, размытость ценностных ориентиров, недостаток информации о профессиях и их особенностях, наличие необходимой инфраструктуры (транспортной, институциональной, социальной) и др.

Решение вышеперечисленных проблем также находится «в поле» профориентационной работы и во многом отражает ее социальный аспект. Логичным представляется, что готовность обучающихся с инвалидностью и ОВЗ к сознательному выбору профессии определяется следующими основными критериями, представленными на рис. 7.

Особое значение для реализации социального аспекта профориентационной работы с обучающимися инвалидами в системе высшего образования являет-

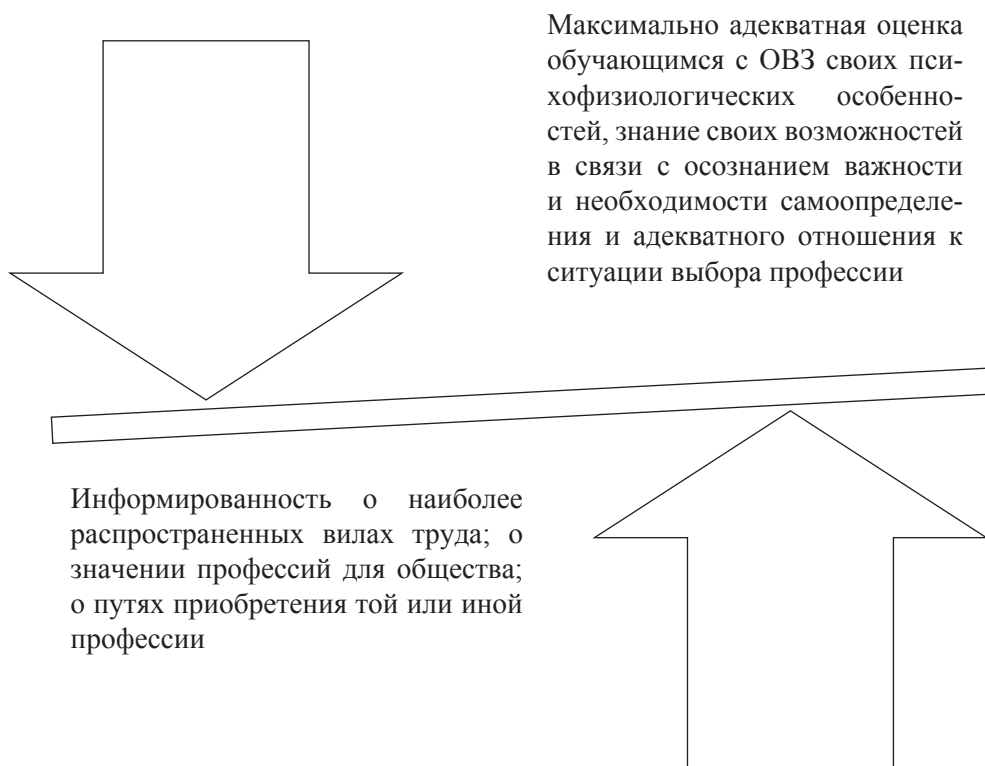

Рис. 7. Ключевые параметры профессионального самоопределения обучающихся с инвалидностью и ОВЗ

Источник: Составлено авторами на основе данных Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е. Профессиональная ориентация лиц с учетом ограниченных возможностей здоровья /Старобин Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е. – 2-е изд. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2016. – С. 27.

ся, прежде всего, психологическое содействие развитию личности. Основной целью профориентационной работы на этом уровне образования является формирование и развитие профессионально ориентированных знаний, умений и личностных качеств.

К методическому инструментарию можно отнести методы идентификации ценностных ориентаций, мотивов учебы, социально-психологических установок, индивидуальных психологических и физических особенностей личности; консультирование первокурсников, разочаровавшихся в выбранном направлении подготовки; коррекция профпланов, позволяющая постепенно реализовать переход от обучения к работе и др.

Среди методов, позволяющих выявлять содержание, основные требования к работникам и характеристики трудовой деятельности человека, наиболее часто применяют метод профессиографии описательно-технической и психофизиологической характеристики профессиональной деятельности человека. Данный метод в наибольшей степени нацелен на сбор информации, ее описательный и содержательный анализ, различного рода систематизацию параметров (требования к работникам, основные функции, операции, документооборот, объем работ и т.д.) профессиональной деятельности. В определенном смысле, речь идет о формировании «портрета» конкретной

профессии на основе ее детального психологического анализа. Следует отметить, что использование данного метода позволяет построить модель формирования профессионально важных качеств личности, заданных той или иной профессией, и строить процесс их развития исходя из данных науки, что будет способствовать профессиональному самоопределению лиц с инвалидностью и ОВЗ.

На наш взгляд, следующим важнейшим аспектом профориентационной работы является содействие в освоении необходимых компетенций в процессе обучения лиц с инвалидностью и ОВЗ по образовательным программам в соответствии с национальными профессиональными стандартами и федеральными государственными образовательными стандартами «3+».

Особая роль при этом должна отводиться взаимодействию профессиональных образовательных организаций и высших учебных заведений с работодателями, в рамках которого появиться возможность более точного определения перечня необходимых требований к выпускникам (навыков, знаний, умений), в том числе с инвалидностью и ОВЗ, в соответствии с потребностями экономики, своевременно вносить изменения в образовательные программы с целью формирования конкурентных преимуществ выпускников, которые позволят быть востребованными на рынке труда.

Несомненно, интересной и весьма перспективной в этом отношении является кластерная система образования, которая довольно успешно практикуется сегодня в некоторых регионах и рассматривается на федеральном уровне в качестве одного из инструментов интенсификации социально-экономического развития экономики региона [5].

Кластер – это единое экономическое, социальное и образовательное пространство, сформированное на основе инновационной идеологии. Применительно к системе образования, кластер – это объединение, в котором нет иерархии, или линейной подчиненности.

Роль вуза в кластере сводится к тому, чтобы производить инновационный товар. Основной «товар», который производят вузы страны, – это выпускник программы высшего образования и специалист, повысивший в вузе квалификацию или прошедший переобучение. Заказчиками и потребителями выступает все население региона, для которого готовятся высококвалифицированные кадры – это все категории граждан, в том числе инвалиды и лица с ОВЗ, бизнес-структуры, администрации различных уровней и т.д.

Развитие образовательных кластеров может осуществляться преимущественно на основе отраслевых образовательных кластеров.

Отраслевой кластер – это неформальное сообщество отраслевых и смежных компаний на основе кооперационных и конкурентных связей, отличающихся способностью взаимного усиления конкурентных преимуществ за счет эффекта упорядоченного взаимодействия [1]. Создание отраслевого кластера позволит усилить связи профессионального образования с потребностями рынка труда, а также создать систему доступного непрерывного профессионального образования. В то же время это позволит обеспечить улучшение качества подготовки работников отрасли и повысить конкурентоспособность молодого специалиста. В отношении профессиональной подготовки лиц с инвалидностью и ОВЗ подобное взаимодействие позволит создать целостную систему профориентации, позволяющую минимизировать издержки государства на содержание данной

категории граждан, обеспечив при этом доступную среду для реализации их прав в направлении повышения качества их жизни.

Весьма перспективным направлением повышения эффективности профориентации будущих абитуриентов и профессиональной подготовки студентов колледжей, технических вузов является опыт дуального образования [2, с. 1310]. В чем суть этой новой для нашей страны формы обучения?

Образовательное учреждение СПО осуществляет подготовку по профессиональным стандартам и зачастую не имеет должного понятия о специфике современного производства. Кто может ему помочь? Конечно предприятие! С другой стороны, предприятия нуждаются в квалифицированных рабочих кадрах, а выпускники - в рабочих местах. Обе стороны лишь выигрывают от того, что эти проблемы решаются заранее. И выходом из создавшейся ситуации является дуальное обучение, когда компании при помощи государства берут на себя вопросы подготовки и трудоустройства молодежи, в том числе молодых инвалидов. Дуальная форма профессионального образования характеризуется как образовательный процесс, сочетающий практическое обучение с частичной занятостью на производстве и обучение в традиционном образовательном учреждении.

Особенный интерес в этом отношении может представлять для нас система профессионального образования Германии. Одновременно с учебой здесь учащиеся осваивают избранную профессию непосредственно на производстве, то есть учатся сразу в двух местах: 1–2 дня в неделю в училище, остальное время - на предприятии. В училище молодежь получает теоретические знания, изучая как специальные предметы по избранной профессии, так и общеобразовательные (родной и иностранный языки, математику, религию). А мастера на предприятии помогают им приобрести практические навыки, обучают тонкостям и премудростям профессии, которых нет ни в одной книжке.

Программа обычно рассчитана на три года и завершается экзаменом, который принимает комиссия из представителей предприятия, училища и региональных ремесленных или торгово-промышленных палат. Успешно сдавшие экзамен выпускники получают свидетельство палаты, дающее право работать по специальности.

Опыт использования дуальной системы обучения в Германии и других европейских странах показал следующие преимущества этой системы по сравнению с традиционной:

- дуальная система подготовки специалистов устраняет основной недостаток традиционных форм и методов обучения - разрыв между теорией и практикой;
- в механизме дуальной системы подготовки заложено воздействие на личность специалиста, создание новой психологии будущего работника;
- дуальная система обучения работников создает высокую мотивацию получения знаний и приобретения навыков в работе, т.к. качество их знаний напрямую связано с выполнением служебных обязанностей на рабочих местах;
- учебное заведение, работающее в тесном контакте с заказчиком, учитывает требования, предъявляемые к будущим специалистам в ходе обучения.

В системе дуального образования важное место занимает профориентационная работа со школьниками и сопровождение профессионального самоопреде-

ления студентов ПОО. Она может быть реализована в различных формах (летние лагеря для школьников начиная с 5 класса; комплекс учебных предметов «Образование для выбора карьеры», реализуемый в школах с 8 класса; экскурсии в центры занятости и трудоустройства для всех категорий обучающихся; конкурсы профессионального мастерства для студентов; система индивидуальных консультаций для лиц, испытывающих трудности с профессиональным обучением и профессиональной адаптацией и т.д.). Наиболее перспективным представляется использование потенциала дуального образования при построении системы профессиональных проб для школьников, и прежде всего, для детей-инвалидов.

В 2014 году в России запущен системный проект «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования», в котором по итогам конкурсного отбора, проведенного Агентством стратегических инициатив, участвуют 10 субъектов Российской Федерации. В некоторых из них уже определены колледжи, которые стали инновационными площадками. Например, в Ульяновской области этот статус получили техникум приборостроения, авиационный и технический колледжи. Выбраны они не случайно, а потому, что способствуют развитию основных направлений промышленности региона. Будущий специалист с одной стороны, получает образование в профессиональной школе (она дает теоретические знания), а с другой – на обучающем предприятии, где вырабатываются необходимые для данного производства компетенции. Система дуального образования предполагает совместное финансирование программ подготовки кадров под конкретное рабочее место коммерческими предприятиями, заинтересованными в квалифицированном персонале, и региональными органами власти, заинтересованными в развитии экономики региона.

В 2016 году подготовлены методические рекомендации по реализации дуальной модели подготовки высококвалифицированных рабочих кадров, в которых уделено внимание и профессиональной ориентации обучающихся. Главное, что тормозит развитие дуального обучения в России, – конечно, инвестиции. Отечественные предприниматели в большинстве не готовы вкладывать средства в подготовку кадров. Они отдалены от образовательных организаций. Им сложно делать долгосрочные прогнозы. А у многих владельцев малых и средних предприятий просто нет денег, чтобы вложиться в образование.

Более детальное исследование проблем трудоустройства лиц с инвалидностью и ОВЗ в работах ряда авторов позволило выявить основные сложности поиска и последующей адаптации их на рабочем месте. Безусловно, существуют индивидуальные особенности конкретного человека в восприятии себя и окружающей среды, однако огромное значение имеет общество, с которым нетипичная личность вступает во взаимоотношения. От того, насколько окружение проявляет толерантность, открыто для взаимодействия, зависит процесс адаптации и профессиональное развитие инвалидов, обучающихся в школе, колледже или вузе.

С целью выявления имеющихся в этом процессе проблем организуются специальные социологические опросы. Так, по данным опроса студентов-инвалидов в 2015 году были выделены основные проблемы на их жизненном пути: неуверенность в себе, трудоустройство, неуверенность в своих действиях, недоступность (физическая) некоторых организаций для трудоустройства, внутренние психологические барьеры, отсутствие рабочих мест для выпускников-ин-

валидов, отсутствие подходящей работы, сложности в получении высшего образования [13, с. 1045]. По итогам Федерального статистического комплексного наблюдения условий жизни населения (по состоянию на 15.04.2015 года) была произведена оценка степени удовлетворенности лиц с инвалидностью и ОВЗ своей работой (рис. 8).

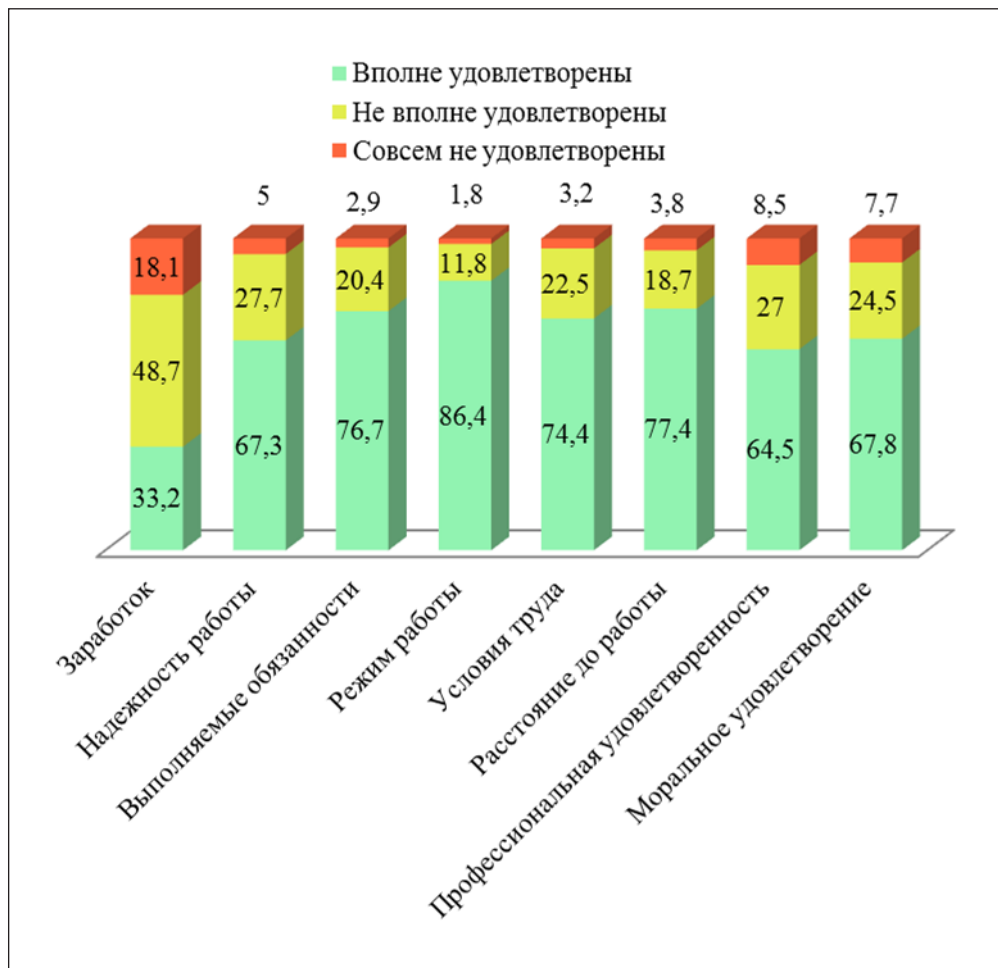

Рис. 8. Степень удовлетворённости лиц с инвалидностью и ОВЗ (в возрасте от 15 и более лет) своей работой в 2015 году, в процентах

Источник: Составлено авторами на основе данных Официального сайта Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 05.02.2017).

Анализ трудоустройства и занятости выпускников МГОУ по направлению подготовки 44.03.03 специальное (дефектологическое) образование (в том числе инвалидов и лиц с ОВЗ) за 2 года показал, что если в 2014 году были трудоустроены лишь 59% выпускников, то в 2015 - 89%, из них 65% работают в образовательных организациях Московской области. 11% продолжают обучение в магистратуре, занимаются частной практикой в качестве логопеда, дефектолога. По опросу работодателей, в штате которых работают выпускники этого

вуза, 100% опрошенных удовлетворены уровнем их профессиональной подготовки [9, с. 136]. Работодатели отмечают высокий уровень сформированности профессиональных компетенций, способность работать в коллективе, нацеленность на карьерный рост и профессиональное развитие, готовность и способность к дальнейшему обучению и осуществлению инновационной деятельности, общую культуру поведения, коммуникабельность.

Тем не менее, проблема трудоустройства студентов инвалидов и лиц с ОВЗ остается особенно острой. Даже при наличии вакансий их трудоустройство затруднено в связи с неприятием работодателей, отсутствием на рабочем месте специальных условий и др. Если инвалиды 3 группы вполне конкурентоспособны на рынке труда, то для студентов, имеющих ограничение жизнедеятельности, оптимальным может быть помощь в открытии собственного дела – частная практика в качестве логопеда, дефектолога и др. [9, с. 137].

В соответствии с Приказом № 515 Минтруда России от 04.08.2014 г. «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушений функций и ограничений их жизнедеятельности», для инвалидов с НОДА рекомендован по характеру рабочей нагрузки умственный и легкий физический труд; по организации трудового процесса – творческий, нестандартный, операторский, монотонный, оформление документации, учет. Инвалидам-колясочникам удобным будет свободный режим работы, индивидуальная организация трудовой и профессиональной деятельности. Направлениями трудоустройства студентов с НОДА могут быть следующие виды экономической деятельности: сфера услуг (информационное консультирование); торговля; финансовая деятельность; образование и наука [14, с. 42].

В современных условиях выпускникам высших учебных заведений необходимо поддерживать свой уровень квалификации за счет непрерывного обучения, которое возможно не только благодаря специальному обучению на предприятии, но и дополнительному профессиональному образованию.

Целевыми индикаторами оценки экономического аспекта профориентационной работы могут являться трудоустройство незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места и достижение ожидаемых результатов по снижению уровня регистрируемой безработицы и уменьшению напряженности на рынке труда.

Значение целевого индикатора «численность инвалидов, трудоустроенных на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места» определяется по данным ведомственной отчетности по ежемесячной форме 1-РП «Сведения о реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации», утвержденной приказом Минтруда России от 29.12.2012 г. № 645.

Значение показателя «уровень регистрируемой безработицы» определяется в соответствии с приказом Росстата от 21.12.2010 г. № 452 «Об утверждении Методологических положений по проведению выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследований рабочей силы)» как отношение численности безработных граждан определенной возрастной группы к численности экономически активного населения соответствующей возрастной группы, в процентах, и рассчитывается по формуле:

$$Y_6 = \frac{Ч_6}{ЭАН} * 100, \quad (1)$$

где:

Y_6 – уровень регистрируемой безработицы, в процентах;

$Ч_6$ – численность граждан, официально признанных безработными в регионе, человек;

ЭАН – численность экономически активного населения региона, человек.

Источником получения показателя численности граждан, официально признанных безработными в регионе, являются официальные данные Главного управления по труду и занятости населения субъекта Российской Федерации.

Показатель численности экономически активного населения региона определяется на основе данных государственного (федерального) статистического наблюдения, формируемых ежемесячно.

Значение показателя «коэффициент напряженности на рынке труда» определяется как отношение числа граждан, не занятых трудовой деятельностью, к числу вакантных должностей и свободных рабочих мест и рассчитывается по формуле:

$$K_n = \frac{Ч_n}{B}, \quad (2)$$

где:

K_n – коэффициент напряженности на рынке труда региона,

$Ч_n$ – численность незанятых граждан, состоящих на учете в органах службы занятости региона, человек;

B – количество вакансий, заявленных в органы службы занятости населения региона, единиц.

Источником получения показателя численности незанятых граждан и показателя количества вакансий в регионе являются официальные данные Главного управления по труду и занятости населения субъекта РФ.

По итогам реализации запланированных мероприятий экономическая активность инвалидов позволит пополнить численность трудовых ресурсов, увеличить занятость населения и удовлетворить потребность в дефицитных специалистах предприятий. Кроме финансовой поддержки, фискальная политика государства может создавать налоговые льготы для организаций, принимающих на работу граждан с ОВЗ. Но целесообразно рассматривать те виды экономической деятельности, которые не требуют стационарного рабочего места и могут быть доступны без барьеров трудоустройства инвалидам. Актуальным остается вопрос открытия собственного дела гражданами, имеющими ОВЗ и инвалидность.

Таким образом, показатели социально-экономической эффективности системы профориентации позволяют учитывать вклад каждого ее субъекта в процесс профессионального самоопределения обучающихся с ОВЗ и инвалидов и формулировать предложения по совершенствованию комплексного сопровождения этого процесса, в том числе оптимизации системы управления профориентацией на всех уровнях – федеральном, региональном, муниципальном, и на уровне конкретной образовательной организации.

Список литературы

1. Арутюнов Ю.А. Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона. [Электронный ресурс].

/Ю.А. Арутюнов. Режим доступа: <http://www.koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-4/1/1.htm>. (дата обращения: 05.02.2017).

2. *Воробьева И.М.* Опыт дуального образования как возможный путь повышения эффективности профориентации будущих абитуриентов и профессиональной подготовки студентов технических вузов. //Молодой ученый. - 2015. - №11. - С. 1310-1313.

3. *Галкина И.А.* Профориентация как метод преодоления проблемы молодежной безработицы //по материалам VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» - 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru>. (дата обращения: 04.02.2017).

4. *Гудкова Е.В.* Основы профориентации и профессионального консультирования: учебное пособие /под ред. Е.Л. Солдатовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004.

5. *Гадельшина Г.* Образовательный кластер: за опытом в «Татнефть». // Республика Татарстан. – 2007 – № 48 (25904). [Электронный ресурс]. URL: www.rt-online.ru/articles/48_25904/71009/ (дата обращения: 05.02.2017).

6. *Егоров П.А.* Некоторые аспекты преподавания этики в вузе, связанные с формированием мировоззрения будущего менеджера. / В сборнике: Экономические и социальные аспекты государственного и корпоративного управления, 2012. - С. 262-270.

7. *Егоров П.А., Руднев В.Н.* К вопросу о формировании имиджа педагогического работника в современной России. / В сборнике: Векторы развития современной России Материалы Пятой Межвузовской научно-практической конференции. Ответственный редактор: А. В. Герасимов. Москва, 2010. - С. 300-307.

8. *Кудаева Е.Г.* Социальные барьеры трудоустройства инвалидов в современном российском обществе: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnye-barery-trudoustroistva-invalidov-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve#ixzz4PwBJjVG2>. (дата обращения: 10.02.2017).

9. *Маркова Т.В.* Трудоустройство и занятость выпускников (в том числе инвалидов и лиц с ОВЗ) /Научно-методические подходы к формированию образовательных программ подготовки кадров в современных условиях: сборник статей III Региональной межвузовской научно-практической конференции – М.: Изд-во МГОУ, 2016. – С. 136-138.

10. *Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е.* Профессиональная ориентация лиц с учетом ограниченных возможностей здоровья /Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е. – 2-е изд. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2016. С. 27.

11. *Фурсов А.Л.* Социально-экономическая эффективность системы профориентации населения региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук /Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.. Саратов, 2014.

12. *Худоренко Е.А.* Лица с ограниченными возможностями здоровья. Проблемы образования и инклюзии // Социологические исследования. - 2010. - № 9. - С. 65-70.

13. *Чердакова А.В.* Качество подготовки бакалавров в системе инклюзивного образования. // Молодой ученый. - 2015. - №24. - С. 1045-1048.

14. *Чердакова А.В.* Экономическая эффективность непрерывной профессиональной подготовки специалистов. / Экономика России: ресурсный потенциал развития: коллективная монография (к 25-летию МГГЭУ) /под редакцией д-ра соц наук, проф В.Д. Байрамова, канд. экон. наук И. Л. Литвиненко - М.: МГГЭУ, 2015. - С. 42–55.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FUNDAMENTAL APPROACHES TO CONSTRUCTION OF SYSTEM OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

НАЗАРЧУК Ирина Александровна - кандидат юридических наук, докторант
ФГКБОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Фе-
дерации» (e-mail: profkbsu@mail.ru).

NAZARCHUK Irina Aleksandrovna - candidate of legal Sciences, doctoral can-
didate, «Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation»
(e-mail: profkbsu@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых основ государственного финансового контроля в Российской Федерации, на основе анализа норм законодательства рассматриваются принципы, легализованные при построении системы государственного финансового контроля, сформулированы предложения по устранению имеющихся пробелов и противоречий.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный финансовый контроль, финансовое законодательство, принципы финансового контроля.

Summary. The article is devoted to analysis of legal basics of the state financial control in the Russian Federation, on the basis of the analysis of the legislation deals with the principles that legalized the construction of a system of state financial control, proposals on elimination of gaps and contradictions.

Keywords: financial control, state financial control, financial legislation, the principles of financial control.

Очевидно, что целью воздействия права на комплекс финансовых правоотношений является их урегулирование в соответствии с потребностями развития общественного производства. Также не подлежит сомнению и тот факт, что заложенный в юридических нормах потенциал проявляется со всей полнотой и дает нужную реализацию тогда, когда разрабатываемые и принимаемые законодательные акты максимально отражают объективные потребности развития государства, жизненные интересы его граждан.

Понятие «контроль», используемое в русском языке, имеет французские корни и произошло от французского слова *controle*, которое применялось для обозначения встречной, вторичной записи с целью проверки первой [1.С. 221]. В английском языке сходное по звучанию слово *control* используется для обозначения состояния управления, руководства, регулирования, распоряжения, господства, насилия, власти [2.С. 170].

По мнению автора, существующие недостатки государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств во многом проистекают из противоречивости и пробельности его правовой основы, которая, в свою очередь, обусловлена отсутствием единых научных подходов, системных научных

разработок по финансово-контрольной проблематике. Видимо, осознание отмеченного обстоятельства предопределило потребность внесения изменений в бюджетное законодательство в части уточнения системы в целом, а также форм, видов, механизмов и процедур государственного финансового контроля. Это явилось причиной принятия в 2013 году Федерального закона от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [3], а также новелл БК РФ[4], внесенных Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 252-ФЗ, которые существенным образом изменили систему государственного финансового контроля в Российской Федерации.

Таким образом, условием оптимального функционирования финансовой системы государства выступает осуществление финансового контроля, позволяющего обеспечить строгое и неуклонное соблюдение законности и эффективности финансовой деятельности. В то же время, ключевым условием достижения целей и задач государственного финансового контроля, построения его целостной и эффективной системы является соблюдение принципов, т.е. основных правил, охватывающих контрольные процедуры в целом [5. С. 51].

Мировым сообществом на основе многолетнего опыта разработан общепринятый перечень основных принципов организации государственного (публичного) финансового контроля, изложенных в Лимской декларации ИНТОСАИ (Международная организация высших контрольных органов 178 стран, в рамках которой действуют региональные организации) [6. С. 42-53]. К ним относятся такие универсальные принципы как **независимость и объективность, компетентность и гласность, научность и эффективность**. Принципы Лимской декларации положены в основу системы государственного бюджетно-финансового контроля России.

Независимость контроля должна быть обеспечена финансовой самостоятельностью контрольного органа, полномочиями руководителей органов контроля, а также их конституционным характером.

Объективность и компетентность подразумевают неукоснительное соблюдение контролерами действующего законодательства, высокий профессиональный уровень работы контролеров на основе установленных стандартов проведения ревизионной работы.

Гласность предусматривает постоянную связь государственных контролеров с общественностью и средствами массовой информации.

Эффективность определяется тем, что затраты на контроль должны быть сопоставимы с полученными в ходе осуществленного контроля результатами. Научный подход обусловлен выбором правильного метода контроля и совокупностью обоснованных и апробированных на практике способов проверки, оценки и анализа состояния конкретных элементов и объектов контроля.

Принимая законы, прямо или косвенно затрагивающие систему организации финансового контроля, государство ориентируется на вышеназванные принципы. В то же время в каждом государстве существует свой регламент (порядок и последовательность) контрольных действий, что в конечном итоге сказывается на результатах.

Так, в основу деятельности Счетной палаты положен ряд принципов, т.е. основных правил, охватывающих контрольные процедуры в целом: согласно ст. 4 Федерального закона от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Россий-

ской Федерации» [3] Счетная палата осуществляет внешний государственный аудит (контроль) на основе принципов **законности, эффективности, объективности, независимости, открытости и гласности**.

Таким образом, принципы **независимости, объективности, гласности**, установленные Лимской декларацией, легализованы Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации» без каких-либо изменений. Принцип **компетентности** Законом не закреплен, хотя установлен Лимской декларацией; Федеральным законом дополнительно введены принципы **законности, эффективности и открытости** [3. С.50-54].

В научной литературе имеется впечатляющее число различных точек зрения по вопросам определения принципов государственного финансового контроля, но наиболее основательно и подробно указанные принципы изложены, по нашему мнению, в диссертационном исследовании В.В. Бурцева [8. С.112-149]. В связи с этим считаем необходимым проанализировать также и предложенную данным специалистом классификацию на предмет соответствия легализованным принципам государственного финансового контроля и потребностям современной контрольной деятельности.

По мнению указанного автора, принципы законности, независимости, гласности, ответственности, сбалансированности, системности – являются базовыми правилами, краеугольным камнем государственного финансового контроля. С этим перечнем можно согласиться, дополнив его еще рядом положений, в частности, принципами объективности, компетентности, эффективности, которые провозглашены в качестве таковых международным правом, что не допускает возможности их произвольного исключения из числа таковых.

Следует, впрочем, отметить, что помимо принципов указанным автором выделяются и «**основные требования**» к организации государственного финансового контроля, «не являющиеся принципами, но также обуславливающими эффективность отдельных звеньев государственного финансового контроля». Поскольку неясен объективный критерий разграничения «принципов» и «требований», в целях избежать субъективизма, полагаем нецелесообразным использовать эти две категории одновременно до выработки четких и однозначных научных оснований их дифференциации.

Принцип законности традиционно выделяется в качестве имеющего важнейшее значение, поскольку он является необходимым условием реализации всех остальных принципов. Свои исходные начала государственный финансовый контроль берет из законодательства Российской Федерации (также должны учитываться соответствующие международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией), т.е. деятельность органов государственного финансового контроля (в том числе их действия, меры, принимаемые ими, методология и процедуры) должна строго соответствовать законам и иным нормативно-правовым актам. Должны строго соблюдаться предусмотренные законами и иными нормативно-правовыми актами права и интересы контролируемых.

Принцип законности предусматривает следующее:

- качество нормативно-законодательной базы государственного финансового контроля и законодательства РФ в целом, т.е. его соответствие целям общественного развития, укрепления и наращивания государственной финансовой базы;

- соблюдение норм права органами государственного финансового контроля (их представителями) при реализации своих контрольных полномочий (включая осуществление контроля и вынесение решений по его результатам), а также всеми организациями, имеющими с ними правоотношения (включая исполнение решений контрольных органов).

Принцип независимости. Органы государственного финансового контроля (контролеры) должны обладать организационной, функциональной, материальной и иного характера (с точки зрения заинтересованности, личных или родственных связей и т.д.) независимостью от юридических или физических лиц, чью деятельность они проверяют (т.е. должно быть исключено любое влияние со стороны последних), а также от лиц, тем или иным образом связанных с последними. Например, результаты проверки, проведенной органом государственного финансового контроля, будут менее объективны, если его положение в государственном устройстве будет как-то зависеть от результатов того направления, к которому относятся объекты проверки.

Принцип независимости органов государственного финансового контроля имеет важное государственное значение, так как при его реализации органы государственного финансового контроля будут иметь возможность успешно осуществлять свою деятельность, решать стоящие перед ними задачи. Независимость органа государственного финансового контроля определяется его статусом, в том числе функциями и подчинением, в системе государственных органов. Независимость должна быть формально закреплена в законодательстве, регулирующем их деятельность.

Суть независимости органа финансового контроля выражена в его праве самостоятельно определять: а) предмет своей контрольной деятельности; б) методы контроля; в) содержание и формы отчетов. Независимость также укрепляется правом контрольного органа самостоятельно определять объемы, сроки и способы проведения контрольных мероприятий. При этом не должна исключаться возможность запросов на проведение контроля со стороны других органов. Но за контрольным органом должно закрепляться право на отклонение таких запросов (по формально установленным основаниям).

Принцип гласности (публичности или открытости). Важность принципа гласности финансового контроля определяется тем, что его реализация способствует информированию органов государственной власти и широкой общественности о реальном положении дел не только в управлении государственной финансовой системой, но и в государственном управлении в целом. Гласность государственного финансового контроля - необходимый атрибут современного демократического общества. Принцип гласности предусматривает открытость деятельности органа государственного финансового контроля, доступность каждого гражданина к информации о результатах контрольной деятельности.

При этом должны быть выработаны и в законодательном порядке закреплены процедуры обнародования результатов контроля (включая условия, процедуры санкционирования и т.д.). Необходимо также отметить, что обнародование результатов контроля будет способствовать формированию устойчивого мнения в обществе о его пользе и необходимости.

Принцип объективности. Выводы контролеров, а также их подходы к планированию и проведению проверок должны исключать какую бы то ни было предвзятость или предрасположенность, а также какие-либо особые мотивы

(корысть, политический заказ и т.п.). Так, планирование контрольных мероприятий и их проведение должны исключать какую-либо предубежденность об изначальном наличии негативных аспектов в деятельности проверяемых объектов.

Выводы по результатам проверок также должны быть беспристрастны (особенно в плане представления материалов), обоснованы и подтверждены соответствующими данными, материалами, содержащими качественную информацию. При этом о качестве информации можно судить по следующим критериям: необходимость, достаточность, истинность, своевременность, аналитичность, организованность.

Принцип ответственности может быть рассмотрен как минимум в трех аспектах: а) ответственность контролеров, б) ответственность контролируемых, в) ответственность третьих лиц (включая принимающих решения, т.е. обладающих исполнительными полномочиями государственных органов). Рассмотрим последовательно эти аспекты, в связи с предметом настоящего исследования.

Ответственность контролеров. Каждый субъект государственного финансового контроля (орган государственного финансового контроля, его работник) за ненадлежащее выполнение возложенных на него контрольных функций и задач должен нести ответственность. Ответственность должна быть формально установлена за выполнение каждой контрольной функции, ясно очерченной и формально закрепленной. В противном случае субъект не будет в должной мере осуществлять контроль. Ответственность также способствует более обоснованым, практичным (выполнимым) и действительно необходимым и полезным рекомендациям по совершенствованию объектов контроля. Вообще говоря, ответственность государственных контролеров имеет первостепенное значение, так как от их работы, их выводов по большому счету зависит государственная экономическая безопасность и общественное благосостояние в целом.

Ответственность контролируемых. Должны быть установлены виновники выявленных ошибок и злоупотреблений в управлении государственными финансами и иной собственностью, они должны нести ответственность согласно степени тяжести (в отношении бюджетных последствий) и степени влияния допущенных ими незаконных или неадекватных действий для государственных финансов (в том числе наносящих государству непосредственный или опосредованный ущерб).

Ответственность третьих лиц. Третьи лица, включая органы государственной власти, обладающие правом принятия решений (и их исполнения) на основе представлений или предписаний органов государственного финансового контроля, а также иные организации, вступающие в правоотношения с последними, должны нести ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по отношению к органам государственного финансового контроля (например, обязанность исполнять представления или предписания, обязанность предоставлять информацию и т.д.), что должно быть предусмотрено в нормативно-правовых актах.

Принцип сбалансированности. При распределении обязанностей между субъектами государственного финансового контроля необходимо учитывать то, что каждая контрольная задача (функция) должна быть сбалансирована с определенным набором прав и возможностей (быть адекватной организационному, правовому, методическому, информационному и иному необходимому

обеспечению контрольного мероприятия, в процессе которого эта задача выполняется).

Принцип системности. По мнению В.В. Бурцева [8. С. 147], данный принцип предполагает наличие именно системы органов государственного финансового контроля. В данном случае, по нашему мнению, речь должна идти не о системе *органов* государственного финансового контроля, а о системности самого государственного финансового контроля в целом. Следует отметить, что о системе государственного финансового контроля говорят многочисленные авторы, не раскрывая, однако, признаков этой системы и ограничиваясь, в лучшем случае, констатацией его системного характера. Так, О.В. Кулажин отмечает, что «под системой государственного финансового контроля необходимо понимать упорядоченную совокупность органов, его осуществляющих, расположенных в определенной последовательности, их взаимосвязанный комплекс, объединенный общими целями и задачами» [9. С. 23]. Далее указанный автор приходит и к вовсе примечательному выводу о том, что «если рассматривать государственный финансовый контроль в его современном состоянии как единую систему, то следует признать, что в ее рамках функционирует до десятка крупных, фактически самостоятельных контролирующих подсистем, включающих несколько сот региональных и территориальных подразделений» [9. С.22].

Вполне очевидно, что подобное толкование системы государственного финансового контроля неприемлемо. Названный автор имел в виду лишь организационную структуру государственного финансового контроля. Указанное заблуждение вполне логично и закономерно привело его к вовсе абсурдному выводу о наличии значительного числа «фактически самостоятельных» подсистем, безосновательно отождествляемых с контролирующими органами.

По нашему мнению, принцип системности означает единство правовых основ деятельности органов государственного финансового контроля, нормативно закреплённую организацию их взаимодействия в процессе осуществления государственного финансового контроля, нормативно установленную периодичность осуществления контрольных мероприятий и др.

По мнению автора, дополнительно следует выделить ряд принципов государственного финансового контроля, легализация которых позволит обеспечить большую степень его эффективности.

Обеспечение государственной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны как принцип государственного финансового контроля, предполагает, что сведения, составляющие государственную, коммерческую и иную охраняемую тайну, ставшие известными органам государственного финансового контроля, не могут быть преданы гласности, то есть опубликованы в какой-либо форме либо переданы любому постороннему лицу.

Принцип взаимодействия органов государственного финансового контроля между собой и с правоохранительными органами предполагает, что органы государственного финансового контроля обязаны информировать правоохранительные органы о финансовых нарушениях, реагирование на которые отнесено к их компетенции, и предоставлять материалы соответствующих проверок. Органы государственного финансового контроля при наличии соответствующего обращения обязаны предоставлять правоохранительным органам информацию и материалы о финансовых нарушениях. Органы государственного финансового контроля и правоохранительные органы могут проводить со-

вместные мероприятия по проверке законности использования государственных финансовых средств.

Неотвратимость ответственности за финансовые нарушения как принцип финансового контроля предусматривает, что не допускается сокрытие выявленных финансовых нарушений. Освобождение от правовой ответственности лица, совершившего финансовое правонарушение, допускается по основаниям, предусмотренным в законе, и в порядке, установленным законом.

Эффективность работы органов государственного финансового контроля также должна выделяться в качестве самостоятельного принципа финансового контроля. Органы государственного финансового контроля при осуществлении своей деятельности должны способствовать выявлению и возврату неправомерно использованных бюджетных средств в сумме превышающей затраты на их осуществление.

Принцип объективности означает, что государственный финансовый контроль осуществляется квалифицированными специалистами с использованием фактических документальных данных в установленном законодательством порядке, путем применения методов, обеспечивающих получение полной и достоверной информации.

Закрепленная законодательно реализация указанных принципов в повседневной деятельности контрольных органов, по нашему мнению, должна способствовать оптимизации финансового контроля и тем самым обеспечить эффективность финансовой деятельности государства.

Список литературы

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: АСТ, 2001. С.430; Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997.
2. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971.
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1649.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31.
5. *Землин А.И.* Актуальные вопросы правового обеспечения финансовой деятельности в ВС РФ // Актуальные проблемы правовой работы в период формирования нового облика ВС РФ. Материалы межвуз. научно-практ. конференции. - М.: ВУ, 2009.
6. Лимская декларация руководящих принципов контроля. // Правовое регулирование государственного финансового контроля в зарубежных странах. М.: Прометей, 1998.
7. *Землин А.И., Землина О.М., Назарчук И.П., Назарчук И.А., Акимов В.М.* Актуальные проблемы внешнего финансового контроля за деятельностью государственных учреждений: монография. Воронеж: Научная книга, 2013.
8. *Бурцев В.В.* Система государственного финансового контроля: Дисс. ... доктора экон. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
9. *Кулажин О.В.* Конституционно-правовое регулирование государственного финансового контроля в Российской Федерации: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2006.

Н.Н. Литягин

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ С ОВЗ

FEATURES OF CIVIL-LAW STATUS OF PERSONS WITH DISABILITIES

ЛИТЯГИН Николай Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин МГГЭУ. Член-корреспондент Международной академии информационных процессов и технологий (e-mail: lit-nn@rambler.ru).

LITAYGIN Nikolai Nikolaevich - Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines of MGGEU. Corresponding member of International Academy of informational processes and technologies (e-mail: lit-nn@rambler.ru).

Аннотация. В статье анализируется правовое положение лиц с ограниченными возможностями здоровья как субъектов гражданского права. Отмечается специфичность правового статуса инвалидов, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными, вследствие психического расстройства здоровья, психических функций индивида.

Ключевые слова: правовой статус, инвалидность, охрана и защита прав, патронаж, дееспособность, опека, попечительство.

Summary. The article analyzes the legal situation of persons with disabilities as subjects of civil law. It is noted the specificity of the legal status of the disabled, declared incompetent and incapable, due to mental health disorders, mental functions of an individual.

Keywords: legal status, disability, protection of rights, patronage, legal capacity, guardianship.

Одной из актуальнейших социальных задач российского государства и общества является создание надлежащих условий для социальной адаптации инвалидов и других лиц с ограниченными возможностями здоровья. Как отмечается в специальной литературе, инвалидность давно перестала рассматриваться как сугубо медицинская проблема, под ней всё чаще понимается ограничение социального функционирования индивида [1, с. 10]. Важное значение приобретает в данной связи осуществление мер, направленных на преодоление этого негативного явления, на устранение барьеров в части предоставления лицам с ограниченными возможностями здоровья не только медико-санитарных, транспортных, но и информационных, и других специфических услуг, необходимых для социальной адаптации. Эта задача решается различными средствами и важное место занимает в их числе создание правовых предпосылок для повышения

социальной активности лиц с ОВЗ, возможности их трудоустройства и иной интеграции в общественную жизнь, надлежащего использования ими своих прав наравне с другими гражданами.

Рассматриваемая проблема является сложной с юридической точки зрения. Необходимость повышенного уровня социальной защиты лиц с ОВЗ связана с устойчивыми физическими, психическими и иными нарушениями здоровья, расстройством функций их организма, обусловленными различного рода заболеваниями, последствиями травм и другими негативными обстоятельствами, приводящими к ограничению жизнедеятельности, препятствующими полноценному их участию в профессиональной деятельности и общественной жизни. Это влечёт за собою и особенности правового положения инвалидов и других лиц с ОВЗ, их правовой статус специфичен, основан не только на общих социально-экономических гарантиях, устанавливаемых для всех граждан, но и на специальных, предназначенных для этой категории лиц, его существенным элементом является специальная правосубъектность, создающая возможности приобретения специальных прав, различного рода преференций и предусматривающая специфические способы их охраны и защиты. В правовой доктрине данные понятия не отождествляются, понятием «охрана прав» охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход их реализации. В него включены меры не только правового, но экономического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав [2, с. 139]. Понятие «защита прав» более узкое по своему содержанию и в свою очередь подразделяется на меры (способы) защиты и меры ответственности [3, с. 4-9]. Меры ответственности вторичны, они применяются в том случае, когда первичные средства защиты не дали возможности восстановить права человека из-за негативной позиции обязанного лица [4, с. 221].

Весьма значительна и отраслевая специфика правового регулирования в рассматриваемой области общественных отношений. Правовой статус лиц с ОВЗ определяется многими отраслями права, но преобладающим является при этом публично-правовое регулирование, посредством которого лицам с ОВЗ предоставляются различного рода преференции. Возможности частноправового регулирования, основанного на юридическом равенстве субъектов правоотношения, в этой сфере ограничены, но они имеются, в частности предусмотрены действующим законодательством о наследовании. Статьей 1148 Гражданского кодекса РФ установлен особый порядок наследования нетрудоспособными иждивенцами наследодателя, в соответствии с которым наследники второй и последующих очередей, нетрудоспособные к моменту открытия наследства, но не входящие в круг наследников той очереди, которая призывается к наследованию, наследуют по закону вместе с наследниками этой очереди, если не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении, независимо от того, проживали они совместно с наследодателем или нет.

В соответствии с этой статьёй, к числу наследников относятся также граждане, которые не входят в круг наследников первой – седьмой очередей, но к моменту открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее одного года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. При отсутствии других наследников по закону такие нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют самостоятельно в качестве наследников восьмой очереди.

Важной мерой социальной поддержки лиц с ОВЗ является статья 1149 ГК РФ, предусматривающая право на обязательную долю в наследстве. Установленные ею нормативные положения закрепляют право указанных лиц на наследование независимо от содержания завещания. Нетрудоспособные иждивенцы, имеющие право на наследование на основании пунктов 1 и 2 статьи 1148 ГК РФ, наследуют, согласно ст. 1149 ГК РФ не менее половины той доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля). Право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся незавещанной части наследственного имущества, а при её недостаточности из той части имущества, которая завещана другим лицам.

Гражданский кодекс Российской Федерации содержит и другие важные положения, учитывающие специфику лиц с ОВЗ, порой проявляющуюся в отсутствии физической возможности осуществления ими своих прав и исполнения обязанностей, и предусматривает специальные механизмы, правовые конструкции, обеспечивающие решение этих задач. В их числе следует отметить патронаж, суть которого заключается в назначении органом опеки и попечительства помощника совершеннолетнему дееспособному лицу, которое по состоянию здоровья не способно осуществлять и защищать свои права и исполнять обязанности самостоятельно. Помощник совершеннолетнего дееспособного гражданина совершает действия в интересах гражданина, находящегося под патронажем, на основании заключаемых с этим лицом договора поручения, договора доверительного управления имуществом или иного договора. Орган опеки и попечительства обязан осуществлять контроль за исполнением помощником совершеннолетнего дееспособного гражданина своих обязанностей.

Патронаж, как способ гражданско-правовой защиты лиц с ОВЗ, имеет внешнее сходство с опекой и попечительством, но существенно отличается от них по своему содержанию. Опека и попечительство устанавливаются над недееспособными и ограниченно дееспособными лицами, а находящееся под патронажем лицо дееспособно, то есть все юридически значимые действия оно может совершать самостоятельно и никто не вправе без соответствующего полномочия заменить волю этого лица своей волей, тогда как опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных, не испрашивая на то их согласия. Но различия между опекой и попечительством тоже имеются. Опека устанавливается над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства здоровья, а попечительство – над ограниченно дееспособными. Особенности этих правовых статусов весьма значительны. Недееспособный гражданин не вправе заключать договоры, совершать другие юридически значимые действия. В частности, состояние недееспособности препятствует вступлению в брак и является основанием для расторжения брака в упрощённом порядке, исключает возможность усыновления детей. Особенности правового положения недееспособного проявляются и в том, что он не отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом, как это предусмотрено ст. 24 Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении дееспособных граждан: вред, причинённый недееспособным, возмещают его опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Лишь в случае смерти опекуна либо отсутствия у него достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, суд с учетом имущественного положения

потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств, вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда (п.3 ст. 1076 ГК РФ). Все юридически значимые действия от имени недееспособного лица осуществляет опекун. Опекуны являются представителями подопечных и в силу прямого указания в законе вправе совершать от их имени и в их интересах необходимые сделки, выступать в защиту их прав во всех государственных, частных и общественных органах и организациях, в том числе в судах. В данной связи представляется важным отметить то обстоятельство, что сделка, совершённая самим гражданином, признанным недееспособным, является ничтожной, и каждая из сторон такой сделки обязана в соответствии с п.1 ст.171 ГК РФ возвратить другой стороне всё полученное по сделке. В случае, если гражданин в момент совершения сделки не был признан недееспособным, а признан таковым впоследствии, после её совершения, такая сделка, в соответствии с п.2 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации, может быть признана судом недействительной по иску его опекуна, если будет доказано, что в момент совершения сделки гражданин не был способным понимать значение своих действий или руководить ими.

Отмеченные особенности правового положения недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, вызванные объективными предпосылками, связанными с состоянием их здоровья, обусловили различия в правовом статусе опекунов и попечителей:

опекуны являются представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки, а попечители дают согласие на совершение тех сделок, которые граждане, находящиеся под попечительством, не вправе совершать самостоятельно, то есть попечители оказывают подопечным юридическое содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей, охраняют их от противоправных действий других лиц.

Решение суда о признании гражданина недееспособным либо ограниченно дееспособным является основанием для назначения ему, соответственно, опекуна или попечителя. Опекуны и попечители назначаются органами опеки и попечительства по месту жительства лица, нуждающегося в опеке или попечительстве. Опекунами и попечителями могут быть только совершеннолетние дееспособные граждане, эти функции не могут исполнять лица, имеющие судимость за умышленное преступление против жизни или здоровья граждан.

Деятельность опекунов и попечителей в значительной мере связана с распоряжением имуществом подопечных. Как указывается в ст. 37 ГК РФ, опекун и попечитель распоряжаются доходами подопечного, в том числе полученными от управления его имуществом, исключительно в интересах подопечного и с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Суммы алиментов, пенсий, пособий, возмещения вреда здоровью и вреда, понесённого в случае смерти кормильца, а также иные выплачиваемые на содержание подопечного средства, за исключением доходов, которыми он вправе распоряжаться самостоятельно, подлежат зачислению на отдельный номинальный счёт, открываемый опекуном и попечителем в установленном Главой 45 ГК РФ порядке и расходуются опекуном и попечителем без предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Но опекун и попечитель обязаны представлять отчёт о расходовании денежных средств, зачисляемых на отдельный номинальный счёт, в установленном Федеральным законом «Об опекуне и попечительстве»

порядке. Без предварительного разрешения органа опеки и попечительства опекуны не вправе совершать, а попечитель - давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его в аренду, в безвозмездное пользование и иных действий, влекущих уменьшение имущества подопечного. Следует отметить также, что опекуны и попечители, их близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным, за исключением передачи имущества подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование.

Гражданским кодексом РФ установлен порядок освобождения и отстранения опекунов и попечителей от исполнения ими их функций, прекращения опеки и попечительства. В соответствии с ст. 39 ГК РФ орган опеки и попечительства освобождает указанных лиц от исполнения обязанностей при помещении подопечного под надзор в образовательную, медицинскую организацию либо организацию, оказывающую иные социальные услуги. Опекуны и попечители могут быть освобождены от исполнения обязанностей и по их просьбе, а также по инициативе органа опеки и попечительства в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и опекуна или попечителя. При ненадлежащем исполнении опекуном или попечителем их обязанностей, в частности при использовании ими своего положения в корыстных целях, орган опеки и попечительства должен принять меры для привлечения указанных лиц к установленной законом ответственности.

Правовое регулирование опеки и попечительства предполагает рассмотрение вопроса о применимом праве. Характерной особенностью нынешнего развития мирового сообщества является расширение культурных и социально – экономических связей между государствами, физическими и юридическими лицами различных стран. Распространённым явлением стало изменение места жительства и гражданства физических лиц, это оказывает влияние и на правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений, связанных с опекой и попечительством. Опека и попечительство над недееспособными или ограниченными в дееспособности лицами устанавливаются и отменяются по праву страны, гражданином которой вышеназванные лица являются. В российском законодательстве оно называется «личным законом физического лица» (ст.1195 ГК РФ). Если физическое лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство, его «личным законом» также является российское право. Российское право может быть и «личным законом» иностранного гражданина, если он имеет место жительства в Российской Федерации. «Личным законом» лица без гражданства считается право страны, в которой это лицо проживает.

Действующим законодательством регламентируются также отношения по установлению применимого права к опекуну и попечителю. Обязанность опекуна (попечителя) принять опеку (попечительство) определяется по «личному закону» лица, назначаемого опекуном или попечителем, т.е. по праву страны, гражданином которой это лицо является. Отношения между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), определяются по праву страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя). Однако когда лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, применяется российское право, если оно более благоприятно для этого лица.

Рассматривая особенности гражданско-правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья следует отметить его специфику, обусловленную конкретными причинами, порождающими ОВЗ, в частности те случаи, когда ими являются не физические нарушения здоровья, а расстройства психических функций организма, вследствие чего возникает вопрос о психической адекватности такого лица, его дееспособности, которую ГК РФ, конкретизируя предписания статьи 60 Конституции Российской Федерации применительно к осуществлению гражданских прав, определяет как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, и содержит положение о том, что гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Гражданского кодекса РФ над ним устанавливается опека. В качестве основания для признания гражданина недееспособным закон указывает наличие у него психического расстройства, вследствие которого гражданин лишён возможности понимать значение своих действий или руководить ими. Решение о признании гражданина недееспособным принимается судом по результатам рассмотрения соответствующего дела в порядке особого производства при обязательном исследовании и оценке в совокупности с другим доказательствами заключения судебно-психиатрической экспертизы, которой определяется психическое состояние гражданина. Признание гражданина недееспособным влечёт за собой серьёзные правовые последствия, существенно изменяет его правовой статус: с момента вынесения судебного решения об этом он на формально не определённый срок утрачивает возможность совершать гражданско-правовые сделки, а также исполнять обязанности и нести ответственность за свои действия. Указанные ограничения установлены в целях защиты прав и законных интересов самих недееспособных, так как они являются наиболее социально уязвимой категорией граждан, а также для защиты интересов третьих лиц, вступающих с ними в гражданско-правовые отношения. Необходимость этих мер объективно обусловлена и очевидна, но они имеют и негативные аспекты. Как отмечено выше, признанный недееспособным гражданин является юридически неполноценным, он не может заключать договоры, самостоятельно распоряжаться своим имуществом, денежными средствами, в том числе пенсией, даже для совершения мелких бытовых сделок. Недееспособный гражданин лишён возможности лично, помимо опекуна, обращаться в органы публичной власти за защитой своих прав, что делает его социально уязвимым и в значительной степени зависимым от других лиц. Такая ситуация оказывается возможной поскольку действующее законодательство, регулирующее отношения в данной сфере, не предусматривает учёта степени недееспособности гражданина, страдающего психическими расстройствами. Это создаёт предпосылки для нарушения прав указанных лиц и не только негуманно, но и противоправно, поскольку Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» признает за лицами, страдающими психическими расстройствами, все права и свободы граждан, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, и не допускает в отношении этих лиц ограничений прав и свобод, связанных с психическим расстройством,

на основании одного только психиатрического диагноза, факта нахождения под диспансерным наблюдением в психиатрическом стационаре либо в психоневрологическом учреждении. Обоснованность такого подхода очевидна: наличие у гражданина психического расстройства может по-разному отражаться на его интеллектуальном и волевом уровне и при наличии такого заболевания гражданин может сохранять способность принимать некоторые осознанные самостоятельные решения, направленные на удовлетворение личных потребностей, отвечающие его интересам и не нарушающие при этом чьих-либо прав. Это в полной мере должно учитываться в правотворческой и правоприменительной деятельности, т. е. предполагает необходимость определения степени имеющихся нарушений, в частности способности к адекватному восприятию окружающей среды и адекватному поведению в конкретных жизненных ситуациях, на основе комплексной оценки различных показателей, характеризующих психическое состояние организма. Однако в российском гражданском праве не реализуется в полной мере принцип гибкости правового регулирования, предусматривающий использование таких правовых инструментов, которые обеспечивали бы наиболее полный учет степени недееспособности лица в конкретной правовой ситуации для защиты его личных и имущественных интересов; максимальное сохранение дееспособности, признание, насколько это возможно, существования различных степеней недееспособности и возможности их изменения с течением времени.

Избранная федеральным законодателем в качестве меры защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, модель правового регулирования признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки, не предполагающая учета индивидуальных особенностей конкретной личности, степени ее потребности в защите, не соответствует современным стандартам прав человека. Европейский Суд по правам человека обращал внимание Российской Федерации на то обстоятельство, что в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, российское законодательство различает дееспособность и недееспособность без учета «пограничных» ситуаций и в отличие от общеевропейских стандартов в данной области не предусматривает «дифференцированных последствий», что приводит к нарушению статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Такая аргументация представляется обоснованной, международно-правовая защита человека есть результат реализации на практике международным сообществом государств одного из основных принципов международного права - принципа всеобщего уважения прав человека и основных свобод. [5, с. 148]. На этом должно основываться и принятие решений об ограничении дееспособности граждан, необходим учёт степени нарушения способности страдающих психическими расстройствами граждан понимать значение своих действий и руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности, не должны признаваться недееспособными граждане, чьё психическое расстройство не достигает той степени тяжести, при которой они не способны отдавать отчёт в своих действиях. Правовое регулирование должно строиться на основе принципа соразмерности меры защиты страдающего психическими расстройствами лица степени его дееспособности. Данный принцип предполагает учёт конкретных обстоятельств и нужд вышеуказанного лица и допускает вмешательство в его права и свободы в минимальной степени, необходимой для достижения цели такого вмешательства.

Меры защиты, согласно принципу соразмерности, должны быть пропорциональны степени дееспособности гражданина, обусловленной его психическим состоянием, и не должны быть автоматически связаны с полным лишением гражданской дееспособности, там, где это возможно, лицо с психическими расстройствами здоровья должно иметь право заключать юридически действительные сделки повседневного характера самостоятельно, а также совершать другие юридически значимые действия, соответствующие его способности понимать их значение и руководить ими. С учётом указанных обстоятельств, исходя из обусловленной Конституцией Российской Федерации необходимости закрепления на законодательном уровне гибкого подхода к определению объема дееспособности граждан и предусмотренной в числе основных начал гражданского законодательства возможности ограничения гражданских прав на основании федерального закона в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях и должно осуществляться правовое регулирование этих общественных отношений. Ограничивая то либо иное право в соответствии с конституционно одобряемыми целями, государство должно обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры. Указанные в части третьей статьи 55 Конституции Российской Федерации публичные интересы могут оправдывать ограничения прав и свобод граждан, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей и вместе с тем не посягают на само существо права и не приводят к утрате его основного содержания.

Такой подход согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности со статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Данные положения являются исходными началами и в части установления недееспособности граждан в следствие психического расстройства их здоровья (п.1 ст.29 ГК РФ). Обусловленная тем или иным психическим нарушением неспособность при осуществлении определенных прав и обязанностей в полной мере понимать значение своих действий или руководить ими далеко не всегда означает, что гражданин не в состоянии принимать осознанные самостоятельные решения и совершать юридически значимые действия, в частности мелкие бытовые сделки. В действующей системе правового регулирования должна быть предусмотрена возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным. Вопрос о дееспособности лица с психическими расстройствами здоровья должен решаться с учётом степени фактического снижения его способности понимать значение своих действий и руководить ими в тех или иных сферах социальной жизни. Ограничение прав и свобод граждан, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства должно иметь место лишь в тех случаях, когда иные меры защиты их прав и законных интересов оказываются недостаточными.

Список литературы

1. *Воеводина Е.В.* «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий. // Вестник МГГЭИ, 2014, №4(20). С.10.
2. *Галкина Л.Н.* Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации: состояние и тенденции. Монография. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2005. С. 139.
3. *Кожевников С.Н.* Меры защиты в советском праве: автореф. дисс. к. ю. н. Свердловск, 1968. С. 4-9.
4. *Стремоухов А.В.* Правовая защита человека - СПб.: Изд-во СПб ГУП, 2007. С. 221.
5. *Мовчан А.П.* Принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод. //Курс международного права - М., 1989. С. 148.

Е.В. Петрунина, О.Н. Савельева

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИТ-ДИСЦИПЛИН
У СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-
ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СРЕДСТВАМИ
ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

**SIMULATION MODELING IN IT-EDUCATION PROCESS
FOR DISABLED STUDENTS WITH VIOLATION
OF MUSCULOSKELETAL SYSTEM**

ПЕТРУНИНА Елена Валерьевна – кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной математики и информатики по областям МГТЭУ (e-mail: petrunina@mggeu.ru).

PETRUNINA Elena Valerievna – PhD, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics and Computer Science MGGEU (e-mail: petrunina@mggeu.ru).

САВЕЛЬЕВА Оксана Николаевна – преподаватель кафедры прикладной математики и информатики по областям МГТЭУ (e-mail: savelieva@mggeu.ru).

SAVELIEVA Oksana Nikolaevna - lecturer of the Department of Applied Mathematics and Computer Science MGGEU (e-mail: savelieva@mggeu.ru).

Аннотация: целью данного исследования является изучение особенности преподавания информационных технологий в образовательном процессе студентов с нарушением опорно-двигательной системы. Рассматривается возможность и эффективность применения методов имитационного моделирования при формировании профессиональных компетенций в процессе обучения информационным технологиям студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: информационные технологии, имитационное моделирование, образовательный процесс, имитационная модель, студенты с нарушением опорно-двигательной системы.

Summary: the focus of this study is to analyze issues of the education process of information technologies for disabled students with violation of musculoskeletal system. A survey of the existing simulation modeling methods is presented. In this paper, we propose simulation modeling approach to promote education process development and competence formation advance .

Keywords: information technology, simulation modeling, education process, simulation model, disabled students with violation of musculoskeletal system.

В настоящее время существует большой арсенал разнообразных информационных технологий, используемых в учебном процессе при подготовке ИТ специ-

алистов. Применение современных информационных технологий в образовательном процессе высшего образования является одним из наиболее актуальных и эффективных способов формирования компетентностей студентов [1]. Современные высшие учебные заведения используют различные технические средства и методические разработки для обеспечения оптимального проведения учебного процесса. Имитационное моделирование успешно применяется в подготовке специалистов в области информационных технологий в процессе учебной и проектной деятельности [2].

Целью данного исследования является анализ использования технологий имитационного моделирования при формировании общепрофессиональных компетенций в образовательном процессе у студентов с нарушениями опорно-двигательной системы (ОДС).

Учебный процесс студентов с нарушениями опорно-двигательной системы характеризуется своими особенностями. Специфика поражений опорно-двигательного аппарата у студентов может проявиться в трудностях при выполнении заданий, а также в замедленных действиях, связанных с ограничениями моторики рук.

В ходе учебного процесса были проанализированы временные характеристики основных этапов разработки программного продукта студентами второго курса. Анализ проводился на группе студентов, состоящей из 9 человек, причем 5 студентов имели нарушения опорно-двигательной системы, а у остальных студентов нарушения отсутствовали. Рассматривались следующие основные этапы разработки программного продукта:

1. Анализ требований и определение спецификаций.
2. Разработка алгоритма программы.
3. Написание программы на языке программирования.
4. Ввод программы.
5. Отладка.
6. Тестирование.

Полученные усредненные результаты анализа времени, затраченного на разработку программного обеспечения студентами без нарушений, представлены на *рис. 1*, а студентами с нарушениями ОДС представлены на *рис. 2*.

Рис. 1. Усредненное время, затраченное студентами без нарушений на этапы создания программ

Рис. 2. Усредненное время, затраченное студентами с нарушениями ОДС на этапы создания программ

Проведенный анализ времени, затраченного на разработку программного продукта студентами с нарушениями и без них показал, что для студентов с нарушениями характерно увеличение временных затрат на этапах написания программы и ввода программы, а также на этапе отладки программ по сравнению со студентами без ограничений. Таким образом, в учебном процессе предусматриваются дополнительные занятия для студентов с нарушениями ОДС, а также предлагается использовать имитационные модели для лучшего освоения учебного материала.

Современный уровень развития информационных технологий расширяет стандартные рамки учебного процесса, ограниченные лекционными и практическими занятиями. Существует большой спектр практических задач, решение которых возможно методами имитационного моделирования. Имитационное моделирование является одним из наиболее эффективных методов анализа сложных систем [3]. Оно широко применяется высшими учебными заведениями, как в учебном процессе, так и в научно-исследовательской деятельности.

Во многих практических задачах интерес представляет не столько количественная оценка эффективности структуры системы, сколько ее поведение в той или иной критической ситуации. Когда поведение структуры зависит от воздействия случайных факторов, наиболее мощным и универсальным методом исследования протекающих процессов становится имитационное моделирование, использующее статистический эксперимент [4].

Имитационная модель должна отвечать двум основным требованиям:

- отражать во времени логику функционирования исследуемой структуры;
- обеспечивать возможность проведения статистического эксперимента.

Имитационная модель (ИМ) – это формальное (выполненное на некотором формальном языке) описание логики функционирования исследуемой системы и взаимодействия, отдельных ее элементов во времени, учитывающее наиболее существенные причинно-следственные связи, присущие системе, и обеспечивающее проведение статистических экспериментов.

Для ИМ практически отсутствуют ограничения на область их применения (по типу моделируемой системы), и речь может идти только о целесообразности использования ИМ в данной предметной области и объемах трудозатрат на ее разработку.

Применение имитационного моделирования целесообразно в следующих случаях:

- при отсутствии законченной постановки задачи на исследование и идет процесс познания объекта моделирования;
- если характер протекающих в системе процессов не позволяет описать их в аналитической форме;
- если необходимо наблюдать за поведением структуры или отдельных ее элементов в течение определенного периода, в том числе с изменением условий протекания процессов;
- при подготовке специалистов и освоении новой техники (в качестве тренажеров).

К недостаткам имитационных моделей можно отнести следующее:

- имитационное моделирование, как правило, требует больших затрат времени и средств;
- любая имитационная модель сложной структуры значительно менее «объективна», чем аналитическая модель, поскольку она прежде всего отражает субъективные представления разработчика о моделируемом объекте;
- результаты имитационного моделирования, как при любом численном методе, всегда носят частный характер и для получения обоснованных выводов необходимо проведение серии модельных экспериментов, а обработка результатов требует применения специальных статистических процедур.

Разработка имитационных моделей сопряжена с двумя основными сложностями:

- подготовка специфических процедур обеспечения статистического эксперимента (генерация случайных воздействий, планирование эксперимента, обработка результатов) может потребовать затрат времени не меньше, чем разработка собственно модели структуры;
- от разработчиков потребуются знания не только той предметной области, к которой относится исследуемая структура, но и языков программирования, причем на достаточно высоком уровне.

В настоящее время компьютерные технологии позволяют преодолевать указанные сложности и осуществлять все этапы процесса имитационного моделирования [5].

Современный рынок систем имитационного моделирования характеризуется большим разнообразием средств. Наиболее распространенные системы имитационного моделирования: SIMULA, GPSS, Simulink, Powersim (Норвегия, «Modell Data»), Ithink (США, компания «High Performance Systems»), ReThink (США, фирма «Gensym»), Pilgrim (Россия), СИМПИАС (МГТУ им. Баумана), AnyLogic (компания XJ Technologies).

В учебном процессе применяются два основных пакета: учебная версия GPSS World Student Version и учебная версия AnyLogic Personal Learning Edition.

Пакет AnyLogic – отечественный профессиональный инструмент нового поколения, предназначенный для разработки и исследования имитационных моделей [5]. Это объектно-ориентированная система, которая позволяет реализовать три основных подхода в имитационном моделировании: системная динамика, дискретно-событийный подход и агентное моделирование.

При обучении студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата используются различные программные средства имитационного моделирования, так как они положительно зарекомендовали себя в процессе познавательной деятель-

ности. Имитационное моделирование позволяет эффективно описывать структурные элементы и процессы, происходящие в системах с различной степенью сложности, строить модели, адекватно описывающие поведение, как отдельных элементов, так и всей системы в целом [6]. Процесс имитационного моделирования характеризуется наглядностью и интерактивностью, что делает его одним из наиболее оптимальных средств в учебном процессе студентов с нарушениями ОДС.

В рамках исследования предполагается провести анализ эффективности использования методов имитационного моделирования в образовательном процессе у студентов с нарушением ОДС, а также оценить качество формирования профессиональных компетенций [1] при изучении информационных технологий: способностью осуществлять тестирование компонентов информационных систем по заданным сценариям; способностью принимать участие во внедрении, адаптации и настройке информационных систем, способностью решать стандартные задачи профессиональной деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности. Исследование будет проводиться на двух группах с равным количеством студентов с нарушением ОДС, с идентичными возрастными, гендерными характеристиками, а также одинаковым уровнем первоначальных знаний.

Предполагается провести входное тестирование по блокам дисциплины, в ходе изучения у одной группы будет использоваться стандартный метод обучения, а в контрольной группе будут использоваться имитационные модели при изучении практической части модуля. В процессе обучения студентов будут применяться как лицензионные средства имитационного моделирования, так и компьютерные программы, представляющие собой авторское программное обеспечение, применяемое в учебном процессе.

По результатам изучения модуля предполагается провести итоговое тестирование студентов для оценки эффективности применений предложенных моделей в образовательном процессе.

Проведенное исследование позволит определить качество формирования общепрофессиональных компетенций у студентов с нарушением ОДС средствами имитационного моделирования.

Список литературы

1. ФГОС ВО по направлению подготовки 09.03.03. Прикладная информатика (уровень бакалавриат), утв. Приказом МО и науки РФ от 12 марта 2015г. № 207. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/2/1074> (дата обращения: 15.12.2016).
2. Карпов Ю.Г. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic 5/ Ю.Г. Карпов - СПб.: БХВ – Петербург, 2006.
3. Гулятьев А.К. MATLAB 5.3. Имитационное моделирование в среде Windows: Практическое пособие./А.К. Гулятьев – СПб.: Корона принт, 2001.
4. Xiabolo Li, Yonglin Lei, Weiping Wang, Wenguang Wang, Yifan Yiu. A DSM-based multy-paradigm simulation modeling approach for complex systems, In Proceedings of the 2013 Winter Simulation Conference pp.1179-1190, 2013.
5. AnyLogic Tutorial XJ Technologies. Режим доступа: <http://www.xjtek.com> (дата обращения: 14.12.2016г.)
6. Кельтон В., Лоу А. Имитационное моделирование. 3-е изд. – СПб.: Питер. 2004.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО- ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

ORGANIZATION OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF SENIOR PUPILS WITH VIOLATION LOCOMOTOR SYSTEM

ГОРОДИЛОВА Светлана Александровна, кандидат психологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение выс-
шего образования «Вятский государственный университет» (ВятГУ), г. Ку-
ров доцент кафедры общей и специальной психологии (e-mail: sa_gorodilova@
vyatsu.ru).

GORODILOVA Svetlana Alexandrovna candidate of psychological sciences
FGBOU VO «Vyatka State University», Kirov assistant professor of general and
special psychology (e-mail: sa_gorodilova@vyatsu.ru).

Аннотация. В статье описываются основные направления профессиональ-
ной ориентации старшеклассников с нарушением опорно-двигательного ап-
парата. Раскрыты аспекты и условия профориентационной работы в школе.
Представлено содержание профессионального информирования, комплексной
профессионально-личностной диагностики, профессионального консультиро-
вания и социально-профессиональной адаптации старшеклассников с наруше-
нием опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: лица с нарушением опорно-двигательного аппарата; про-
фессиональное самоопределение, профессиональная ориентация, профессио-
нальное информирование, профессиональная диагностика, профессиональное
консультирование.

Summary. The article describes the main areas of professional orientation of se-
nior pupils with infringement of the musculoskeletal system. Disclosure aspects and
conditions of career guidance in schools. Submitted content of professional informa-
tion, comprehensive professional and personal diagnostics, professional counseling,
and social and professional adaptation of senior pupils with infringement of the mus-
culoskeletal system.

Keywords: persons with infringement of the musculoskeletal system; professional
self-determination, professional orientation, professional information, professional
diagnosis, professional counseling.

Вопрос профессионального самоопределения начинает осознаваться челове-
ком в 14-15 лет. Главная цель профессионального самоопределения личности –
сформировать внутреннюю готовность самостоятельно и осознанно планиро-
вать, корректировать и реализовать перспективы своего профессионального,
жизненного и личностного развития. Успешное профессиональное самоопре-
деление для молодого человека с нарушением опорно-двигательного аппара-
та (далее по тексту ОПДА) имеет большое значение, поскольку неправильные

установки в профессиональном самоопределении для молодых людей с инвалидностью могут оказать отрицательное воздействие: привести к депривации; социальной дезадаптации; усилению влияния физических нарушений на состояние здоровья.

При организации профориентационной работы с учащимися с нарушением ОПДА необходимо руководствоваться нормативно-правовыми актами: Федеральный закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273; Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24.11.1995 N 181-ФЗ; Федеральный закон от 03.05.2012 №46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»; Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р «Об утверждении «Государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013-2020 годы»; Приказ Минобрнауки от 21.09.2009 №341 «Требования к оснащению рабочих мест для детей-инвалидов и педагогических работников, а также центров дистанционного образования детей-инвалидов компьютерным, телекоммуникационным и специализированным оборудованием и программным обеспечением для организации дистанционного образования детей-инвалидов, а также к подключению и обеспечению технического обслуживания указанных оборудования и программного обеспечения»; Приказ Минобрнауки от 16.04.2014 №05-785 «О направлении методических рекомендаций по организации образовательного процесса для обучения инвалидов»; Требования Департамента государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и ДПО Минобрнауки от 26.12.2013 №06-2412вн «К организации образовательной деятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях, в том числе требования к средствам обучения и воспитания»; Приложение к постановлению Министерства труда РФ от 27.09.1996 №1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

В Приказе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 августа 2014 года N 515 «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности» указывается перечень рекомендуемых инвалидам профессий и должностей с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности. В документе особо указывается, что перечень носит рекомендательный характер, не ограничивая при этом рациональное трудоустройство инвалидов в других профессиях и должностях.

На основании данного документа для инвалидов с нарушением функций верхних конечностей могут быть рекомендованы следующие виды труда:

- а) по характеру рабочей нагрузки на инвалида и его усилий по реализации трудовых задач - умственный и легкий физический труд;
- б) по характеристикам цели трудовой и профессиональной деятельности, рабочей нагрузки, организации трудового процесса - оперативный (управляющий), операторский (информационное взаимодействие с техникой), творческий (стандартный - преподавание, лечебная работа и др., нестандартный - научная работа, сочинение музыкальных, литературных

- произведений и др.), эвристический (изобретательство); динамический и статический; однообразный (монотонный) и разнообразный (по содержанию, темпу и т.п.); труд по подготовке информации, оформлению документации, учету;
- в) по форме организации трудовой и профессиональной деятельности - регламентированный (с определенным распорядком работы), нерегламентированный (со свободным распорядком работы);
 - г) по предмету труда – «Человек – природа», «Человек – техника», «Человек – человек», «Человек – знаковые системы», «Человек – художественный образ»;
 - д) по признаку основных орудий (средств) труда - труд, связанный с применением автоматических и автоматизированных систем, труд, связанный с преобладанием функциональных средств;
 - е) по уровню квалификации - труд любого уровня квалификации, неквалифицированный труд;
 - ж) по сфере производства - преимущественно на мелких промышленных предприятиях, в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства на транспорте, в связи [2].

Для инвалидов с умеренными нарушениями функций нижних конечностей могут быть рекомендованы следующие виды труда:

- а) по характеру рабочей нагрузки на инвалида и его усилий по реализации трудовых задач - умственный и легкий физический труд;
- б) по характеристикам цели трудовой и профессиональной деятельности, рабочей нагрузки, организации трудового процесса - оперативный (управляющий), операторский (информационное взаимодействие с техникой), творческий (стандартный - преподавание, лечебная работа и др., нестандартный - научная работа, сочинение музыкальных, литературных произведений и др.), эвристический (изобретательство); статический; однообразный (монотонный) и разнообразный (по содержанию, темпу и т.п.); труд по подготовке информации, оформлению документации, учету; операторский труд (операторы, аппаратчики);
- в) по форме организации трудовой и профессиональной деятельности - регламентированный (с определенным распорядком работы), нерегламентированный (со свободным распорядком работы);
- г) по предмету труда: «Человек – природа», «Человек – техника», «Человек – человек», «Человек – знаковые системы», «Человек – художественный образ»;
- д) по признаку основных орудий (средств) труда - ручной труд, машинно-ручной труд, труд, связанный с применением автоматических и автоматизированных систем, труд, связанный с применением функциональных средств;
- е) по уровню квалификации - труд любого уровня квалификации, неквалифицированный труд;
- ж) по сфере производства - труд на крупных и мелких промышленных предприятиях, труд в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности, в художественных промыслах, в связи [2].

Для инвалидов, передвигающихся на креслах-колясках, могут быть рекомендованы следующие виды труда:

- а) по характеру рабочей нагрузки на инвалида и его усилий по реализации трудовых задач - умственный и легкий физический труд;
- б) по характеристикам цели трудовой и профессиональной деятельности, рабочей нагрузки, организации трудового процесса - оперативный (управляющий), операторский (информационное взаимодействие с техникой), творческий (нестандартный - научная работа, сочинение музыкальных, литературных произведений и др.), эвристический (изобретательство), труд по подготовке информации, оформлению документации, учету;
- в) по форме организации трудовой и профессиональной деятельности - нерегламентированный (со свободным распорядком работы);
- г) по предмету труда - «Человек – техника», «Человек – человек», «Человек – знаковые системы», «Человек – художественный образ»;
- д) по признаку основных орудий (средств) труда - профессии ручного труда, профессии, связанные с преобладанием функциональных средств труда;
- е) по уровню квалификации - труд любого уровня квалификации, неквалифицированный труд;
- ж) по сфере производства - труд преимущественно на мелких промышленных предприятиях, в сфере обслуживания, в художественных промыслах, в связи.

В заключении указывается, что рациональное трудоустройство инвалида должно обеспечивать исключение тех производственных операций, физических и сенсорных нагрузок, режимов и условий труда, которые могут ухудшить состояние его здоровья.

При трудоустройстве инвалида необходимо учитывать вредные и (или) опасные производственные факторы и работы, влияющие на здоровье инвалида, нарушение функций организма, характер патологии, и имеющиеся профессиональные навыки инвалидов. Также необходимо учитывать индивидуальную потребность инвалида в специальной адаптации рабочего места, организации специальных условий среды, создании специального рабочего места, в оснащении рабочего места вспомогательными техническими средствами, в обеспечении специализированным основным и вспомогательным оборудованием, в дополнительном обеспечении мерами сигнализации и техники безопасности. Для инвалидов с третьей степенью ограничения способности к трудовой деятельности при яркой мотивации для продолжения трудовой деятельности при благоприятном трудовом прогнозе подбор профессий и должностей производится индивидуально с учетом нуждаемости инвалида в значительной помощи других лиц при осуществлении трудовой деятельности [2].

При выборе профессии лицам с нарушением ОПДА необходимо учитывать и наличие особых условий допуска к работе – прохождение обязательных медосмотров, что указано в профессиональных стандартах.

Исходя из вышесказанного, старшеклассники с нарушением ОПДА имеют достаточно большой спектр профессий доступных для получения образования.

К критериям готовности школьника-инвалида с нарушением ОПДА к профессиональному самоопределению относятся 1) определение личностных возможностей; выбор предмета, цели, орудий труда; 2) определение профессиональных интересов, склонностей, специальных способностей, состояния здоровья и медицинской пригодности к профессии; необходимых знаний, умений и навыков; устойчивых индивидуальных особенностей; 3) знание потребностей

рынка труда: наличие и устойчивость спроса на данную профессию на предприятиях различных форм собственности; уровень конкуренции специалистов данного профиля на рынке труда; возможность трудоустройства по данной профессии лиц с нарушением ОПДА; возможности обучения и повышения квалификации в различных учебных заведениях (в вузах, техникумах, , на курсах и т. д.); особенности выбранной профессии: условия труда и оплаты, положительные и отрицательные стороны данной профессиональной деятельности.

К условиям успешности профориентационной работы с обучающимися образовательных организаций общего образования с нарушением ОПДА можно отнести:

- осуществление системной и комплексной профессиональной ориентации, содержащей комплекс мероприятий медицинских, социально-педагогических, психолого-педагогических и управленческих, направленных на оптимизацию процесса профессионального выбора; проб в профессии;
- организация ранней включенности в трудовую деятельность посредством реализации в программе общего образования дисциплины «технология», а специальная работа по подготовке к профессиональной ориентированности обучающихся организуется в старших классах школы;
- специально организованная помощь по оптимизации процессов профессионального самоопределения обучающихся, всестороннее развитие личности и самостоятельная активизация в процессах определения себя, своего места в мире профессий;
- определение маршрута профессиональной подготовки молодых людей с нарушением ОПДА в соответствии с формированием профессиональных интересов и склонностей, а также с личностными способностями и в соответствии с пригодностью к той или иной профессии и потребностью работодателей предприятий и организаций [3].

Обязательным условием успешной организации профориентационной деятельности со старшеклассниками с нарушением ОПДА является непрерывность процесса профориентации в ходе воспитания и обучения и учет характера протекания основного заболевания.

В профориентационной работе с лицами с ОПДА следует выделять следующие аспекты:

- 1) медико-биологический; разработка критериев профессионального отбора в соответствии с состоянием здоровья, а также требований, которые предъявляет профессия к личности кандидата; проведение медицинского и психофизиологического обследования личности с целью выявления противопоказаний к намеченной профессии и выдаче заключения о профпригодности;
- 2) социально-экономический: управление выбором профессии в соответствии с личностными возможностями инвалидов и потребностями общества через изучение рынка труда; формирование у лиц с нарушением ОПДА ценностной ориентации в профессиональном самоопределении и профессиональном образовании; активное изучение требований к квалификации работника той или иной профессиональной сферы;
- 3) психолого-педагогический: воспитание положительного отношения и готовности к трудовой деятельности, социально значимых мотивов выбора профессии; формирование профессиональных интересов и склонностей,

изучение и оценка индивидуальных и профессиональных качеств личности; оказание практической помощи лицам с нарушением ОПДА при выборе профессии.

Профориентационная работа должна осуществляться под общим руководством директора школы следующими специалистами:

- заместитель директора школы по воспитательной работе – координирует и руководит деятельностью по внедрению профориентационной работы с обучающимися;
- медицинский персонал: школьный врач – осуществляет систематическое обследование состояния здоровья обучающихся, в том числе лиц с нарушением ОПДА; специалисты медико-социальной экспертизы, которые осуществляют всесторонний анализ профессиональных возможностей инвалида, дают квалифицированное заключение о профпригодности к конкретным профессиям, разрабатывают меры профессиональной реабилитации;
- школьный психолог – реализует основные направления профориентационной работы со старшеклассниками с нарушением ОПДА;
- учителя-предметники – знакомят обучающихся с профессиями; изучают и развивают интересы, склонности и способности средствами учебного предмета. Ведущая роль в осуществлении профориентационной работы принадлежит учителю трудового обучения;
- классный руководитель – проводит совместно с психологом глубокое и всестороннее изучение формирующейся личности, его склонностей, интересов, способностей; проводит целенаправленную профориентационную работу по определенной программе, используя классные часы, факультативные занятия и экскурсии. Работа по профориентации должна проводиться в тесном контакте с родителями обучающихся;
- социальный педагог, тьютор - организуют персональное сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве, в том числе и во время организации профориентационных мероприятий;
- специалисты по техническим и программным средствам обучения – осуществляют техническое сопровождение профориентационных мероприятий [1].

Профориентационная работа планируется при активном сотрудничестве с вузами и техникумами: сотрудниками приемной комиссии и отделов профориентации, преподавателями профильных кафедр.

Профессиональная ориентация обучающихся образовательных организаций общего образования осуществляется по следующим направлениям:

1. Профориентационное информирование организуется с целью ознакомления старшеклассников с нарушением ОПДА с различными профессиями, современными тенденциями на рынке труда. К задачам данного направления относятся: знакомство с миром профессии; информирование о перспективах рынка профессий на основе данных центров занятости населения; знакомство со спецификой трудовой деятельности; создание базы данных о конъюнктуре рынка образовательных и профориентационных услуг.

Для старшеклассников рекомендуется проведение занятий, как психологом, так и учителями-предметниками, классным руководителем, социальным педагогом на тему «Мир профессионального труда», «Содержание и характер труда. Особенности профессиональной деятельности», «Классификация профессий»,

«Профессиональные качества личности», «Критерии оплаты труда», «Рынок современных профессий», «Основные принципы формирования рынка труда (экскурсия в центр занятости), «Формы и методы поиска работы», «Самопрезентация». Проведение экскурсий / виртуальных экскурсий на предприятия города, использующих труд инвалидов «В гостях у будущего работодателя». Организация и проведение деловых детско-родительских игр «Куда пойти учиться?» «Что вы знаете о профессиях?», «Карьера!!!», семинара-тренинга «Ошибки при выборе профессии».

Профинформирование старшеклассников с нарушением ОПДА может быть организовано и с применением дистанционных форм: издание профориентационных буклетов на электронных носителях по различной тематике (например, информация о профессиях, направлениях подготовки доступных лицам с нарушением ОПДА; о судьбах инвалидов, успешно работающих по избранной специальности); рассылка информационных профориентационных материалов (по электронной почте); проведение вебинаров (по различной тематике); создание видеороликов-интервью с успешными выпускниками школы с ограниченными возможностями здоровья, имеющими положительный опыт обучения и трудоустройства.

Организация участия старшеклассников в различных профинформационных мероприятиях, организуемых и проводимых в вузах и техникумах «Дни старшеклассников», акции «Твой выбор», «День карьеры», выставка «Образование и карьера»; профориентационные встречи на базе вуза (экскурсии в музеи, в специализированные кабинеты и лаборатории); проведение Дней открытых дверей с виртуальной экскурсией по вузу, факультету.

2. Комплексная профессионально-личностная диагностика нацелена на выявление индивидуальных способностей, интересов, склонности учащихся с нарушением ОПДА к определенным профессиям, определение возможного спектра будущих профессий. Задачи: исследование особенностей личности обучающихся с нарушением ОПДА; исследование способностей, интересов, склонностей; исследование мотивационной сферы. Комплексная профессионально-личностная диагностика со старшеклассниками с нарушением ОПДА проводится индивидуально.

Комплексная профессионально-личностная диагностика включает:

1) медико-биологическое обследование: оценка состояния здоровья, степени нарушения функций, в том числе профессионально значимых; характеристика требований профессиональной деятельности в выбранной профессии, а также характеристика особенностей труда в других профессиях, возможных для обучения и трудоустройства конкретных лиц с нарушением ОПДА; определение медицинских противопоказаний к профессиональной деятельности личности на основе оценки соответствия состояния её здоровья требованиям избранной и рекомендуемой профессиональной деятельности; определение трудового прогноза и возможности работы в очерченном круге профессии в обычных или специально созданных условиях или вообще выполнения какой-либо профессиональной деятельности на ближайший (1-2 года) и отдаленный период; подбор примерных профессий и видов труда для трудоустройства и профессионального обучения лиц с нарушением ОПДА;

2) комплексное психологическое диагностическое обследование: – выявление у лиц с нарушением ОПДА ближайших и перспективных жизненных планов и профессиональных намерений; изучение уровня сформированности

представлений о профессии; определение уровня развития самооценки, способностей, склонностей и интересов, ценностных ориентаций и установок; уровня развития профессиональной мотивации; личностных особенностей (профессиональных важных качеств, необходимых для получения конкретных профессий); рассмотрение реальных жизненных условий (семейные отношения, состояние здоровья, материальное обеспечение и пр.).

Психологическое профдиагностическое обследование позволяет оценить адекватность профессионального выбора старшеклассника с нарушением ОПДА в соответствии с его реальными психическими возможностями и выявить специфику психологических детерминант этого выбора.

С целью профпсиходиагностики педагогом-психологом могут быть использованы различные методики, например: методика изучения коммуникативных и организаторских склонностей, которая опосредованно определяет коммуникативные и организаторские способности через выявление и оценку соответствующих склонностей; дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, который позволяет выявить склонность к типам профессиональной деятельности в зависимости от предмета труда; карта интересов, позволяющая изучить глубину интересов и склонностей в разных сферах деятельности; опросник профессиональной готовности, позволяющий выявить способности и желание заниматься определенным типом профессиональной деятельности; опросник профессиональной направленности, предоставляющий возможность определить модель желаемой и доступной профессии на основании обобщения ее существенных характеристик, а также выявить предпочитаемый тип деятельности (предмет труда) и оценить информированность о содержательной стороне различных профессий; методика Голланда, позволяющая выяснить соотношения предпочитаемого типа деятельности, с характерологическими особенностями личности; диагностический комплекс по профориентации «Скорая помощь в выборе профессии» Г.В. Резапкиной [4, 5].

Для уточнения личного профессионального плана учащемуся рекомендуется углубленное психологическое обследование, которое дает ценную профдиагностическую информацию, заключающуюся в сведениях о состоянии интеллектуально-мнестических функции, особенностях структуры интеллекта и об уровне интеллектуального развития в целом; о состоянии психических функций, о свойствах личности и темперамента; об особенностях личности и характера, определяющих направленность на ту или иную содержательную сторону профдеятельности, о наличии специальных склонностей и способностей.

Итоговое профориентационное заключение формируется педагогом-психологом на основании обобщения клинико-функциональных, психологических и педагогических исследований.

В рамках данного направления для старшеклассников рекомендуется проведение педагогом-психологом занятий/вебинаров на тему «Секреты выбора профессии. Профессиональные намерения и профплан», «Интересы и склонности в профессиональном выборе» «Профессиональная карьера и здоровье», «Свойства нервной системы и темперамент в профессиональном становлении личности», «Профессиональный тип личности», «Профессионально-важные качества личности», «Образ «Я» и профессиональный выбор», «Общие и специальные способности», «Как достичь успеха. Человеческие ресурсы», а также деловых игр, например, «Профессиограмма», «Формула профессии».

3. Профессиональное консультирование осуществляется с целью сужения спектра направлений профессиональной деятельности, профессий до нескольких наиболее подходящих конкретному обучающемуся с нарушением ОПДА, предоставления информации об интересующих профессиях и возможностях их получения в конкретной образовательной организации. К задачам, реализуемым педагогом-психологом в данном направлении профориентационной работы, относятся развитие необходимых личностных и профессионально важных качеств, развитие адекватной самооценки, уверенности в себе, развитие профессионально-личностной мотивации; предоставление информации обучающимся с особыми возможностями здоровья о соответствии диагностических данных с выбранной профессией; информирование о результатах диагностики родителей / законных представителей обучающихся с целью дальнейшего формирования необходимых профессионально и личностно значимых качеств у старшеклассников.

Психологическое консультирование в первую очередь опирается на результаты комплексной психодиагностики, стимулирует развитие личности, очерчивает зону возможных действий для разрешения проблем, высвечивает сильные и слабые стороны индивидуальности, намечает реальные шаги к успеху. Профконсультационная работа проводится психологом в форме индивидуальных и групповых консультаций по результатам индивидуального психологического тестирования; по вопросу состояния и перспектив развития рынка труда; составление профессиограммы будущей профессии; проведение мастер-классов («Современный рынок труда», «Специфика работы людей с разной группой инвалидности», «Варианты выбора профессии для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата», «Мои цели», «Мои способности», «Мои ценности» и др.); детско-родительских деловых игр (например, «Кадровый вопрос», «А я могу???») [4, 5]. Возможно и применение дистанционных форм консультационной работы, проведение он-лайн семинаров и телефонных консультаций по различным вопросам профессионального самоопределения старшеклассников.

4. Социально-профессиональная адаптация и профессиональное воспитание. Цель: подготовка обучающихся к овладению конкретной профессией. На данном направлении наиболее значимыми задачами являются: проведение профессиональных проб; выявление и определение пригодности учащихся к конкретному виду деятельности; формирование личной профессиональной перспективы обучающегося с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Реализация данного направления подразумевает вовлечение школьников в разнообразную творческую и научную деятельность (летние научные и интенсивные школы; конкурс проектов по вопросам профессионального самоопределения, конференции «Шаг в будущее» и др.); предметные олимпиады; конкурсы «Моя карьера», «Мой выбор – университет», «Встреча с профессией» и пр. (в том числе с применением дистанционных образовательных технологий). Проведение педагогом-психологом занятий и тренингов по планированию карьеры, составлению / корректировке личного профессионального плана; видеоконференции и тематические web-семинары (например, «Высшее инженерное образование лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата: за и против»); авторские элективные курсы учителей-предметников и преподавателей вуза для старшеклассников (в электронном виде) «Технология успешной карьеры», «Азбука самопрезентации», «Технология поиска работы», «Введение в профессию...» [4, 5].

При организации и проведении профориентационной работы с лицами с нарушением ОПДА существует необходимость создания условий безбарьерной среды; для проведения индивидуальных профориентационных диагностических обследований и консультаций необходимо иметь специальное помещение и оборудование. Профориентационный диагностический материал предоставляется индивидуально и отвечает специальным требованиям. Диагностическая процедура осуществляется в диалоговом режиме («самостоятельное прочтение текста, вопроса и письменного ответа в бланке» заменяется на прочтение специалистом-психологом вопросов вслух и записи ответа со слов обследуемого (лица с нарушением ОПДА). При использовании компьютера необходимы: виртуальная экранная клавиатура и специальная клавиатура с увеличенными клавишами; прозрачная моющаяся накладка; специальная компьютерная мышь (например, ножная или головная); выносные компьютерные кнопки, компьютерные джойстики или компьютерные роллеры; альтернативные устройства ввода информации [1].

Таким образом, целенаправленная профессиональная ориентация помогает старшеклассникам с нарушением ОПДА получить информацию о профессии и путях ее получения, сформировать потребность в обоснованном выборе профессии, изучить свои профессионально важные качества, принять решение о выборе наиболее целесообразной сферы профессионального развития, составить план профессиональной карьеры в соответствии с индивидуальными особенностями. Правильно сделанный старшеклассником с нарушением опорно-двигательного аппарата выбор – это начало пути к успеху, к самореализации, к психологическому и материальному благополучию в будущем.

Список литературы

1. «Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ОВЗ (с ограниченными возможностями здоровья) в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса» (утв. Минобрнауки России 08.04.2014 N АК-44/05вн). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 13.03.2017).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 августа 2014 года N 515 «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420212941> (дата обращения: 13.03.2017).
3. Приложение к постановлению Министерства труда РФ от 27 сентября 1996 г. N 1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» (п. 6.4, 6.5, 6.6, 9.1 Положения)
4. *Резапкина Г.В.* Скорая помощь в выборе профессии: Практическое руководство - М.: Генезис, 2004.
5. *Савченко М.Ю.* Профориентация. Личностное развитие. Тренинг готовности к экзаменам (9 – 11 класс): Практическое руководство для классных руководителей и школьных психологов – М.: Вако, 2005.

Н.В. Труб

**ЯВЛЕНИЕ синхронизации
в однородных системах со слабой связью**

**THE SYNCHRONIZATION PHENOMENON
IN HOMOGENEOUS LOOSELY COUPLED SYSTEMS**

*ТРУБ Наталья Васильевна – старший преподаватель кафедры математики
МГГЭУ (e-mail: ntrub73@mail.ru).*

*TRUB Nataliya Vasilyevna – Senior lecturer of Mathematics Department at
MGGEU (e-mail: ntrub73@mail.ru).*

Аннотация: В работе средствами имитационного моделирования исследуется явление синхронизации в сети маршрутизаторов, а также применение этих методов моделирования при обучении инвалидов (инклюзия). Описана имитационная модель, учитывающая быстроедействие каждого маршрутизатора и топологию сети и позволяющая оценить размер кластера. С помощью разработанной модели исследованы три топологии — полносвязная, кольцо и звезда. Показано, что синхронизация выражена тем сильнее и устанавливается тем быстрее, чем выше связность сети. Исследованы и представлены в наглядном графическом виде зависимости размера кластеров от других параметров сети.

Ключевые слова: инклюзивное образование, маршрутизатор, сетевой протокол, синхронизация, марковская модель, имитационная модель, размер кластера, топология сети.

Summary: In the paper by means of simulation examines the phenomenon of synchronization in a network of routers, and the application of these modeling techniques with learning disabilities. Describes a simulation model that takes into account the performance of each router and the network topology and allows to estimate the cluster size. Using the developed model is analyzed three topologies — mesh, ring and star. It is shown that synchronization is expressed, the stronger and installs faster network connectivity. Researched and presented in a visual graphical form the dependence of the cluster size from the other network settings.

Keywords: Inclusive education, router, network Protocol, synchronization, Markov model, simulation model, the cluster size, network topology.

Предварительные сведения

Тенденция динамических систем к синхронизации при наличии слабой связи между ними выявлена очень давно. Еще в середине XVII в. знаменитый механик и астроном Х. Гюйгенс заметил, что двое маятниковых часов синхронизируют свои колебания, если висят на одной стене, видимо, под влиянием ее едва

уловимой вибрации. Явление синхронизации отмечено в электронных схемах, многих механических объектах и биологических системах, таких как клеточные популяции и сообщества светлячков [1]. Эти факты наводят на мысль о том, что сложносвязанные системы, такие как современные компьютерные сети, могут сами по себе приходить к состоянию упорядоченности и синхронизации. Там, где синхронизация вредна, например, при сильно коррелированном всплескообразном сетевом трафике, усилия сетевых инженеров и разработчиков протоколов направлены на ее недопущение, то есть «ломку» естественного механизма ее возникновения.

Значительная доля трафика в компьютерных сетях поступает из периодических источников, и наиболее характерным их примером, который мы далее и будем рассматривать, является обмен сообщениями между маршрутизаторами. Излишне говорить о важности работы сети в инклюзивном образовании. На примере МГГЭУ ясно, что всякий студент-инвалид должен иметь доступ к сети из любой компьютерной аудитории. О надежности данной сети и пойдет речь далее. Можно предположить, что независимость источников периодического трафика вызывает независимость и некоррелированность суммарного трафика. Даже если каждый маршрутизатор будет генерировать пакеты с интервалом, к примеру, ровно в 30 с, итоговый трафик, измеренный в любой точке сети, должен быть гладким и равномерным, так как источники находятся на разных узлах сети и стартовали в случайные моменты времени. Однако на самом деле общий трафик является не равномерно распределенным, а наоборот, сильно синхронизированным. Интуитивное предположение о некоррелированности суммарного трафика от независимых источников оказывается неверным.

Наиболее известным и давно применяемым сетевым протоколом, использующим периодический обмен сообщениями, является RIP, который до сих пор является основным в сетях небольших размеров с простой топологией. Полная документация по протоколу содержится в [7], разумеется, описан он и в книгах отечественных авторов [2], [3]. RIP был разработан для универсального протокола PARC Xerox и использовался в комплекте протоколов XNS. Этот протокол начали связывать как с Unix, так и с TCP/IP в 1982 г., когда версию Unix, называемую Berkeley Standard Distribution (BSD), начали использовать с одной из реализаций RIP, названной *routed*. RIP был повсеместно принят производителями персональных компьютеров для использования в системах передачи данных по сети. Например, протокол маршрутизации AppleTalk является модернизированной версией RIP. Протокол RIP также явился базисом для протоколов Novell, 3Com, Ungermann-Bass и Banyan.

Протокол RIP является дистанционно-векторным протоколом внутренней маршрутизации. В протоколах этого типа каждый маршрутизатор периодически и широковещательно рассылает по сети вектор, компонентами которого являются расстояния от данного маршрутизатора до всех известных ему сетей. Под расстоянием здесь понимается целое число, равное количеству непосредственных передач между маршрутизаторами-соседями (еще говорят «число *хопов*»). Иными словами, это количество ребер графа, расположенных на пути от одной вершины к другой. Возможна и другая метрика, учитывающая не только число промежуточных маршрутизаторов, но и время прохождения пакетов по сети между соседними маршрутизаторами. При получении вектора от соседа маршрутизатор наращивает расстояния до указанных в векторе сетей на рас-

стояние до данного соседа. Получив вектор, каждый маршрутизатор добавляет к нему информацию об известных ему других сетях, о которых он узнал непосредственно (если они подключены к его портам) или из аналогичных объявлений других маршрутизаторов, а затем рассылает новое значение вектора по сети. Результатом работы протокола на конкретном маршрутизаторе является таблица, где указаны расстояние до каждой сети данной RIP-системы (в хопх) и адрес следующего маршрутизатора.

Протокол RIP очень прост, но имеет недостатки, которые не позволяют применять его в обширных и сложных сетях. Перечислим основные из них:

- эффект «счета до бесконечности» ограничивает размер RIP-системы четырнадцатью промежуточными маршрутизаторами [2] в любом направлении. Если расстояние доходит до шестнадцати (т.е. 14 промежуточных маршрутизаторов), дальнейшие попытки переслать пакет прекращаются, и адресуемая сеть считается недостижимой. Это значение было выбрано разработчиками протокола и входит в его спецификацию. По этой же причине весьма затруднительно использовать сложные метрики;
- периодическая широковещательная рассылка векторов расстояний ухудшает пропускную способность сети;
- длительность последовательного формирования таблиц маршрутизации довольно велика, а сам результат не всегда оптимален с точки зрения равномерного распределения нагрузки (подробнее это вопрос рассмотрен в [4]);
- несмотря на то что каждый маршрутизатор начинает периодическую рассылку своих векторов, вообще говоря, в случайный момент времени, через некоторое время в системе наблюдается уже известный нам эффект синхронизации маршрутизаторов, сходный с эффектом синхронизации аплодисментов. Все или большая часть маршрутизаторов рассылают свои вектора в один и тот же момент времени, что вызывает большие пики трафика и отказы в маршрутизации дейтаграмм во время обработки большого количества одновременно полученных векторов.

Модель периодической рассылки

Дадим формальное описание модели периодической рассылки сообщений, которой с теми или иными вариациями следуют протоколы EGP (Exterior Gateway Protocol), Hello, IGRP и RIP. В этих протоколах каждый маршрутизатор периодически рассылает свою таблицу маршрутов в сети. Это гарантирует, что маршрутные таблицы всегда будут содержать актуальную информацию, обеспечивающую прохождение пакета от источника к адресату по кратчайшему пути.

1. Маршрутизатор готовит и рассылает сообщения. При отсутствии входящих сообщений переустанавливает таймер спустя T_c секунд после начала шага 1. Остальные маршрутизаторы получают первый пакет сообщения спустя T_d секунд после завершения подготовки сообщения.
2. Если маршрутизатор получает входящее сообщение во время подготовки собственного исходящего, то он обрабатывает это сообщение, для чего ему требуется время T_{c2} .
3. После завершения шагов 1 и 2, маршрутизатор устанавливает значение своего таймера. Время, по окончании которого маршрутизатор вновь

перейдет к шагу 1 (период рассылки), равномерно распределено на интервале $[T_p - T_r, T_p + T_r]$ секунд, где T_p — средняя величина периода, T_r — случайная модификация для моделирования возможной задержки операционной системы. По истечении этого интервала маршрутизатор переходит к выполнению шага 1.

4. Если маршрутизатор получает входящее сообщение после установки таймера, он немедленно приступает к его обработке. Если в ее результате изменилось содержание маршрутной таблицы (например, в сообщении содержалась информация о разрыве какой-то связи), маршрутизатор немедленно приступает к выполнению шага 1. Подобная ситуация носит название *triggered update*.

Таким образом, T_p — это постоянная составляющая периода рассылки сообщений, T_r — максимальное значение случайной составляющей. Каждый маршрутизатор затрачивает T_c секунд на подготовку исходящего сообщения и T_{c2} — на обработку входящего. Далее всюду предполагается, что эти две величины имеют одинаковые значения. Через T_d секунд после завершения подготовки исходящего сообщения маршрутизаторы, непосредственно связанные с данным, получают первый пакет.

Единственной известной автору работой, в которой синхронизация периодических рассылок исследуется аналитическими методами, является [6]. В ней построена марковская модель, с помощью которой можно вычислить ожидаемое время перехода системы из несинхронного состояния в синхронное и наоборот. Эта модель отражает наиболее характерные особенности поведения системы, но использует ряд упрощающих предположений, которые в реальности могут не иметь места. Основным понятием работы (мы также будем им пользоваться) является термин *кластер* — так называется количество синхронизированных маршрутизаторов. В процессе функционирования сеть, состоящая из N маршрутизаторов, может оказаться разделенной на несколько кластеров разных размеров. Предельные случаи: 1 кластер размером N — соответствует полной синхронизации; N кластеров размером 1 — соответствует полностью несинхронизированной сети. В дальнейшем, говоря о кластере, мы будем подразумевать кластер максимального размера, так как именно он характеризует, в какой степени система синхронизирована в данный момент. Размер максимального кластера принят в [6] в качестве состояния марковского случайного процесса.

Упрощающие предположения, на которых базируется марковская модель, таковы:

- дальнейшее поведение системы полностью определяется ее текущим состоянием и не зависит от предыстории. Это предположение, без которого невозможно построение цепи Маркова, все же не вполне справедливо для модели периодической рассылки, так как ее будущее поведение зависит не только от размера кластера, но и от времени пересылки других маршрутных сообщений;
- марковский процесс является процессом размножения и гибели, то есть размер кластера может измениться только на единицу при переходе в следующий раунд (под раундом понимается интервал между двумя последовательными установками таймера). На самом деле это не всегда так, особенно при больших N (что подтверждается дальнейшими результатами имитационного моделирования). Два кластера размерами i и 2, где i значи-

тельно больше двух, могут объединиться (точнее, второй будет поглощен первым), сформировав таким образом кластер размером $i + 2$;

- при вычислении вероятностей переходов сделано предположение о том, что все кластеры, кроме максимального, имеют размер 1, то есть являются обособленными маршрутизаторами.

И наконец, разработанная в [6] вероятностная модель годится только для полносвязных сетей, в которых каждый маршрутизатор связан с каждым. Сделать ее настраиваемой на конкретную топологию сети невозможно. Для имитационной модели, в отличие от аналитической, это не вызывает никаких затруднений.

Имитационная модель

Прежде чем перейти к описанию программной реализации, уточним, как мы будем интерпретировать шаг 4 алгоритма периодической рассылки сообщений, описанного в предыдущем пункте. Если входящее сообщение не несет в себе информацию об изменении топологии сети и не приводит к модификации локальной таблицы маршрутизатора, оно просто обрабатывается в течение времени $T_{c2} = T_c$, и больше ничего не происходит. Если же происходит событие triggered update, ситуация усложняется. Возникает вопрос: каким образом моделировать — повлекло входящее сообщение событие triggered update или нет? Примем простейшее решение — в числе параметров модели зададим еще одну константу Z — вероятность того, что входящее сообщение повлекло за собой событие triggered update и требует досрочной переустановки таймера.

Так как сеть — это граф, то ее удобно представлять с помощью матрицы смежности. i -я строка этой матрицы является набором нулей и единиц, в котором единицы соответствуют маршрутизатором, непосредственно связанным с i -м.

В программе описаны два класса — `Observer`, представленный одним объектом, и `Router`, представленный N объектами. Всю непосредственную работу по моделированию выполняют объекты класса `Router`. Класс `Observer` служит для управления процессом моделирования сети в целом и выполняет следующие функции:

- организация взаимодействия между функцией `main()` и классом `Router`. Все параметры маршрутизаторов передаются сначала единственному объекту `Observer`, который и создает объекты класса `Router`, передавая эти параметры его конструктору. Функция `main()` с классом `Router` не работает;
- хранение информации, относящейся ко всей сети в целом, — о количестве маршрутизаторов и топологии (матрице смежности);
- сбор статистики по размеру кластера.

Так как `Observer` напрямую работает с объектами класса `Router`, он объявляется дружественным этому классу. Так как общее количество маршрутизаторов фиксировано, их совокупность моделируется массивом указателей. Начальный адрес этого массива входит в качестве поля данных как в класс `Router`, так и в `Observer`. Обратная связь не требуется, так как `Router` не посылает никаких сообщений классу `Observer`.

Собираемая программой статистика включает следующие данные:

- файл, в который с заданной периодичностью записывается текущий размер кластера;
- N файлов, в каждый из которых с заданной периодичностью записывается текущее значение таймера для соответствующего маршрутизатора;
- средний размер кластера за весь период моделирования

Топология сети вводится из матрицы смежности, хранящейся в обычном текстовом файле. Имя этого файла передается конструктору класса `Observer` в качестве одного из аргументов.

Анализ результатов

Для моделирования в качестве базовых взяты следующие значения параметров [5]: $N = 20$; $T_p = 121$; $T_r = 0,1$; $T_c = T_{c2} = 0,11$; $T_d = 0$; $Z = 0,5$. Модельное время промасштабировано с коэффициентом 100. Общее количество тактов модельного времени — 10 млн.

Исследовались три топологии: полносвязная (каждый маршрутизатор непосредственно связан с каждым), «кольцо» (рис. 1) и «звезда» (рис. 2).

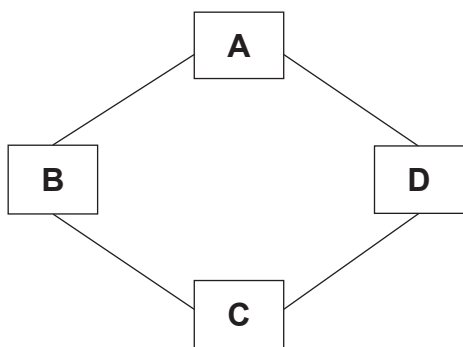

Рис. 1. Сетевая топология «кольцо»

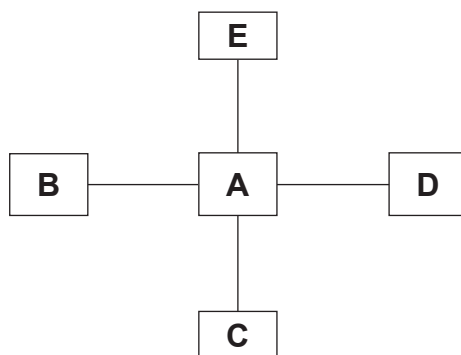

Рис. 2. Сетевая топология «звезда»

На рис. 3 показана зависимость среднего размера кластера от размера сети N . Из графиков видно, что наибольшую тенденцию к синхронизации (линейный рост) имеет полносвязная топология, для остальных данное явление нехарактерно. При увеличении значения T_c (рис. 4) размер кластера для всех трех топологий стремится к двум, то есть синхронизация исчезает. Весьма интересны всплески синхронизации для топологий «кольцо» и «звезда». Особенно загадочен резкий пик синхронизации для топологии «звезда» при $T_c = 6$. Он не случаен — при многочисленных экспериментах с различным шагом изменения T_c обнаруживает устойчивую тенденцию к повторению, достигая значений от 12 до 13. Объяснения этого явления у автора (так же, видимо, как и у других исследователей) пока нет.

Для всех трех топологий характерны довольно резкие изменения размера кластера при небольших увеличениях T_c . Зависимости среднего объема кластера от вероятности Z (рис. 5) обнаруживают те же особенности, что и зависимости от N . Мы видим, что при $Z = 100$ (вероятность — единица) в среднем синхронизируются 15 маршрутизаторов из 20.

Таким образом, можно сделать интуитивно понятный вывод о том, что явление синхронизации выражено тем сильнее, чем больше степень связности сети, то есть чем больше непосредственно связанных соседей имеет в среднем

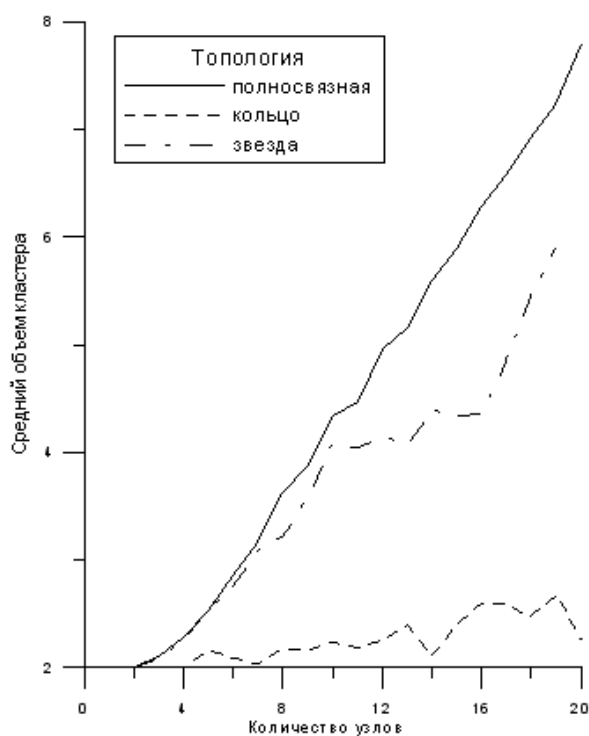

Рис. 3. Зависимость среднего размера кластера от количества маршрутизаторов

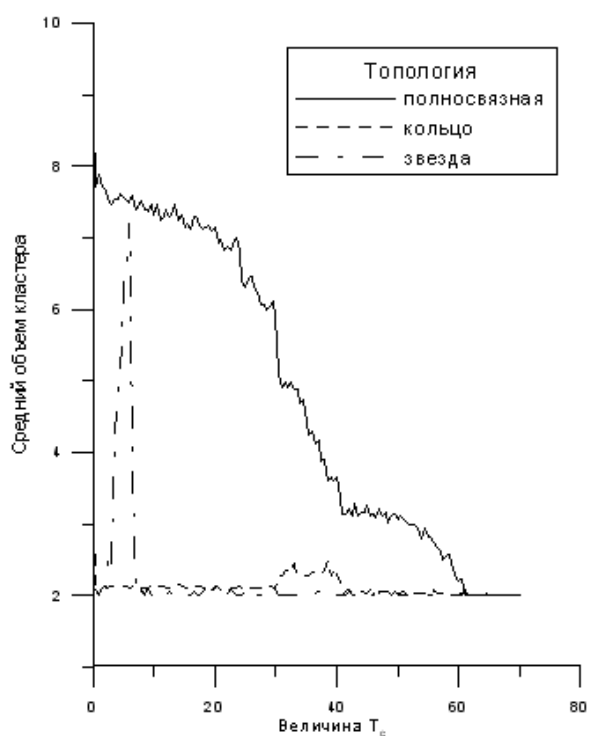

Рис. 4. Зависимость среднего размера кластера от длительности подготовки исходящего и обработки входящего сообщений

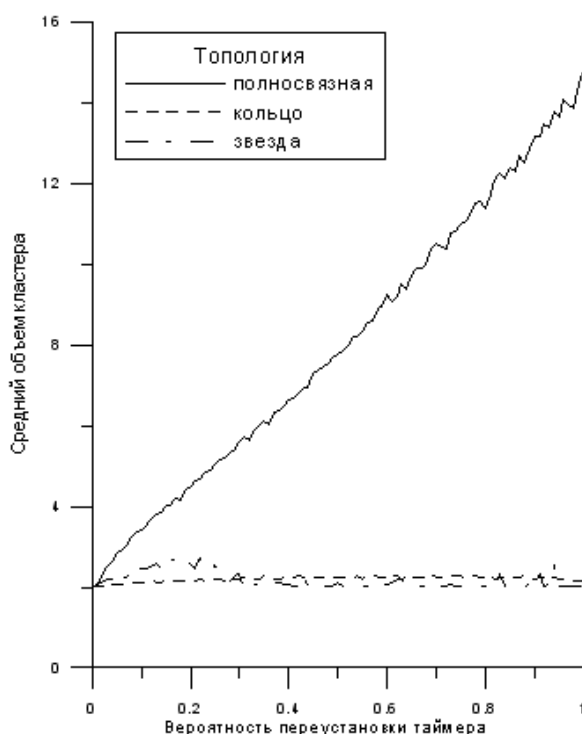

Рис. 5. Зависимость среднего размера кластера от вероятности события triggered update

каждый маршрутизатор. При $N = 20$ это значение составляет: для полносвязной топологии — 19, для топологии «кольцо» — 2, для топологии «звезда» — 1.9.

Список литературы

1. Блехман И.И. Синхронизация в природе и технике — Москва, Наука, 1981.
2. Кульгин М. Технологии корпоративных сетей — СПб.: Питер, 2000.
3. Олифер В.Г., Олифер Н.А. Компьютерные сети: принципы, технологии, протоколы — СПб.: Питер, 2000.
4. Труб И.И., Белова С.А. Об оптимальной последовательности включения интерфейсов в сетях, управляемых дистанционно-векторным протоколом маршрутизации // Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та. — Вып. № 11. — Сургут: Изд-во Сургут. гос. ун-та, 2002. — С. 172–180.
5. Dennis J. B. Data Flow Supercomputer // IEEE Computer. — 1980. — № 11. — P. 48–56.
6. Floyd S., Jacobson V. The Synchronization of Periodic Routing Messages // IEEE/ACM Transactions on Networking. — 1994. — Vol. 2, № 2. — P. 122–136.
7. Hedrick C. Routing Information Protocol // Request for Comments (RFC). — 1988. — № 1058.
8. Труб Н.В. О парадоксе нарушения стационарного режима при моделировании web-кластера с дисциплиной обслуживания sita-E // Человек. Общество. Инклюзия. 2014. № 2 (18). С. 97–101.

ВИДЫ ФОРМАЛЬНОГО КОНЦЕПТА ДЛЯ ОБЪЕКТА С АТТРИБУТАМИ

SORTS OF FORMAL CONCEPTS OF AN OBJECT WITH ATTRIBUTES

ФОМИН Валерий Григорьевич - кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры математики, Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: fmnvlr@gmail.com).

FOMIN Valery Grygoryvich - PhD in physics and mathematics sciences, Associate Professor, Professor in mathematics cathedra, Moscow State University of Humanities and Economics (e-mail: fmnvlr@gmail.com).

Аннотация. Определены логические операции с атрибутами. Понятие объекта есть не просто множество атрибутов, а есть конъюнкция или дизъюнкция атрибутов. Мы рассматриваем простые и сложные объекты в стационарном и нестационарном случае, их использование в предложении. Объект имеет не просто множество соответствующих признаков, а конъюнкцию (конгрегатецию) и дизъюнкцию (опционцию) признаков, причем учитывается совместность и несовместность признаков. В этом случае предлагается структура формального концепта (пространства объектов с признаками), структура множеств объектов и признаков с операциями, аналогичными тем, которые совершаются при мышлении. Предлагаемая формальная теория состыковывается с анализом формальных понятий (АФП).

Ключевые слова: Анализ формальных понятий, Атрибуты, Конгрегатеция, Опционция, Решетка Галуа.

Summary. Logical operations with the attributes are defined. The object is not just a set of corresponding attributes, but it has a conjunction and disjunction form of attributes. Moreover, it should take into account the compatibility and incompatibility of attributes. In this case, we propose the structure of a formal concept, the structure of the sets of objects and attributes with operations similar to those that occur in thinking. We consider objects in stationary and non-stationary cases and their using in a sentence. The formal theory offered docked with formal concept analyses (FCA).

Keywords: Formal concept analyses, Attributes, Congregatetion, Optsiontion, Galois lattice.

1. Введение

Рассматриваются множества объектов S и простых атрибутов Φ . Очевидно, что с атрибутами мы делаем логические операции, которые используют слова "и" и "или". Эти операции могут отличаться от логической конъюнкции и дизъюнкции, так как они не имеют смысловое значение без объекта. Как определить эти операции для атрибутов?

Рассмотрим множество S , состоящее из трех яблок. Яблоко s_1 является красным (атрибут $г$), яблоко s_2 - желтым (атрибут $у$), и яблоко s_3 - красно-желтый ($г \cup у$). Мы делаем выбор яблок по цвету. Мы получаем следующие

наборы яблок: красные яблоки $S_r = \{s_1, s_2\}$; желтые яблоки $S_y = \{s_2, s_3\}$; красные и желтые яблоки $S_{ry} = \{s_3\}$, а красные или желтые яблоки: $S = \{s_1, s_2, s_3\}$. Очевидно, что здесь есть разные наборы, и $S_{ry} = S_r \cup S_y$, $S = S_r \cup S_y$. Полученный набор является классовым объектом. При определении наборов S_{ry} и S мы используем один и тот же набор атрибутов $(r \cup y)$, но результаты выборов различны. Это произошло потому, что в одном случае мы используем слово "и", а в другом случае - "или". Если мы предположим, что выражение «красный и желтый» является объединением атрибутов $(r \cup y)$, то мы имеем решетки Галла с соответствующими операциями [1, 2]. Здесь у нас есть некоторые недоразумения. Что это значит?

Автор предлагает ответы на эти вопросы. Автором рассматривалась теория понятий классовых объектов [3-14]. Эта теория является основой содержания этой статьи. Данная статья была отослана на конференцию CLA2016, но она не опубликована.

2. Алгебра совместных признаков

Пусть мы имеем множество элементарных атрибутов Φ и множество индивидуальных объектов S , которые не изменяются со временем.

Пусть множество элементарных признаков Φ имеет разбиение на подмножества, называемые «блоки несовместных признаков» $\Phi_i, i = 1, 2, \dots, n$:

$$\bigcup_{i=1}^n \Phi_i = \Phi; \quad \Phi_i \cap \Phi_j = \emptyset \text{ при } i \neq j.$$

Признаки, расположенные в одном блоке несовместных признаков Φ_i , называются «несовместные между собой признаки», а любые несколько признаков из разных блоков несовместности признаков называются «совместными между собой признаками».

Обозначим множество всех совместных признаков объекта s в момент времени t символом $\text{atr}(t; s)$. Это множество для каждого объекта $s \in S$ имеет разбиение на подмножество постоянных признаков $\pi(s)$ и подмножество изменяющихся возможных признаков $\nu(t; s)$ в данный момент времени t : $\text{atr}(t, s) = \pi(s) \cup \nu(t; s)$, $\pi(s) \cap \nu(t; s) = \emptyset$, $\pi(s) = \bigcap_t \text{atr}(t, s)$. Введем множество всех изменяющихся признаков $\chi(s) = \bigcup_t \nu(t; s)$. При описании объекта s мы ставим признаки из множества постоянных признаков $\pi(s)$ в конъюнктивную операцию, а признаки из множества изменяющихся возможных признаков, например, $\chi(s)$ в дизъюнктивную операцию. Это должно учитываться при установлении соответствия между объектами и признаками.

Объекты в предложении имеют как постоянные и часто встречающиеся признаки, так и редкие признаки. При этом, соответствие между объектом и признаками может изменяться с течением времени. К тому же, человек может не знать некоторые признаки объекта в рассматриваемый момент времени. Поэтому, он говорит предположительно. Во всех этих случаях используется союз «или».

Полагаем, что существует пустой признак предмета, который называется словом «никакой», обозначается $\emptyset_{\text{atr}}$. Полагаем, что не существует индивидуального непустого предмета, имеющего только пустой признак $\emptyset_{\text{atr}}$. Индиви-

дуальный, элементарный объект, имеющий только пустой признак $\emptyset_{\text{atr}}$, называется пустым объектом «ничто» $\emptyset_{\text{obj}}$, то есть $\text{atr}(t; \emptyset_{\text{obj}}) = \emptyset_{\text{atr}}$.

Для совместных признаков одного объекта и только для них определим операцию конгрегатецию признаков $\&$ типа конъюнкции, и для любых признаков операцию опционцию признаков ∇ типа исключительной дизъюнкции.

Операция конгрегатеция в схематичном изображении есть горизонтальное расположение элементарных слов-признаков. Тогда, операция опционция есть замена в этом горизонтальном расположении некоторых выделенных слов на другие слова, которые могут быть изображены параллельно и рядом с теми словами, которые меняются.

Эта схема есть понимание применения союза «или» в предложении, как замены композиции слов на другую композицию слов, которая может стоять на месте первой композиции. По этой схеме люди понимают использование союзов «и» и «или» внутри предложения между словами, которые описывают признаки.

Заметим, что замена производится нескольких слов на конгрегатецию слов. Поэтому, дистрибутивный закон распределения операции опционции ∇ по операции конгрегатеции $\&$ не должен выполняться. Он позволяет заменить только одно слово на одно слово. Можно привести много словесных примеров, которые подтверждают, что этот закон плохо выполняется по смыслу.

Допустим, что у операций с признаками конгрегатеции $\&$ и опционции ∇ на множестве совместных элементарных признаков есть следующие основные свойства:

$$\alpha \& \alpha = \alpha; \quad (1)$$

$$\alpha \nabla \alpha = \alpha; \quad (2)$$

$$\alpha \& \beta = \beta \& \alpha; \quad (3)$$

$$\beta \nabla \alpha = \alpha \nabla \beta; \quad (4)$$

$$\beta \& (\alpha \nabla \gamma) = (\beta \& \alpha) \nabla (\beta \& \gamma); \quad (5)$$

$$(\alpha \& \beta) \& \gamma = \alpha \& (\beta \& \gamma); \quad (6)$$

$$(\alpha \nabla \beta) \nabla \gamma = \alpha \nabla (\beta \nabla \gamma); \quad (7)$$

$$\alpha \& \emptyset_{\text{atr}} = \emptyset_{\text{atr}}; \quad (8)$$

$$\alpha \nabla \emptyset_{\text{atr}} = \alpha. \quad (9)$$

Не выполняются законы абсорбции. Назовем данную алгебраическую систему «алгебра совместных элементарных признаков для одного объекта $(\Phi; \& \nabla)$ ». Она не гомоморфна булевой алгебре.

Иногда существуют идентификаторы для результатов операций конгрегатеции и опционции. Эти результаты есть некоторые обобщения составляющих признаков.

Обобщающим и объединяющим вместе признаком для двух совместных признаков β и μ называется признак λ , полученный в результате операции конгрегатеции $\&$: $\lambda = \beta \& \mu$, имеющий идентификатор. Например, «спелый» = «вкусный» и «съедобный» и «мягкий» и «сочный» и «полезный». В предложении для операции конгрегатеция используется союз «и» между признаками и подобные символы.

Обобщающим разделительным признаком двух признаков β и μ называется признак λ , полученный в результате операции опционции ∇ : $\lambda = \beta \nabla \mu$,

имеющий идентификатор. Например, «экстремальный» = или «максимальный», или «минимальный». В предложении для операции опционция ∇ используется союз «или» между признаками.

Для удобства к-множеством назовем произвольное множество признаков X , элементы которого подвергнуты операции конгрегации, и обозначим к-множество верхним индексом $\&$, например, $X^\&$. Назовем о-множеством множество признаков, элементы которого подвергнуты операции опционции, и обозначим о-множество верхним индексом ∇ , например X^∇ .

Обозначим множество всех подмножеств для к-множества $X^\&$ и о-множества X^∇ , соответственно, $\Theta(X^\&)$ и $\Theta(X^\nabla)$.

Утверждение 1. Справедливы следующие равенства:

$$\begin{aligned}\beta \& (\beta \nabla \gamma) &= \beta \nabla (\beta \& \gamma); \\ \Theta^\&(X^\nabla) &= X^\&; \quad \Theta^\&(X^\&) = X^\&; \quad \Theta^\nabla(X^\nabla) = X^\nabla; \\ \alpha^\& \& \Phi^\& &= \Phi^\&; \quad \alpha^\nabla \nabla \Phi^\nabla = \Phi^\nabla; \quad \Phi^\& \& \Phi^\nabla = \Phi^\&.\end{aligned}$$

Дистрибутивный закон распределения операции конгрегации $\&$ по операции опционции ∇ (5) позволяет любую формулу алгебры совместных признаков $(\Phi; \& \nabla)$ свести к опционной нормальной форме (ОНФ) с конгрегативными одночленами. Конгрегативная нормальная форма, эквивалентная какой-либо заданной формуле из этой алгебры совместных признаков $(\Phi; \& \nabla)$, не всегда существует. Это следует из примера $\varphi_1 \nabla (\varphi_2 \& \varphi_3)$.

Элементарный признак есть тот признак, который не есть результат конгрегации или опционции признаков. Полагаем, что во множество элементарных признаков Φ включены только элементарные признаки.

Полной общей ОНФ алгебры совместных признаков $(\Phi; \& \nabla)$, построенной на конечном множестве совместных элементарных признаков Φ , называется ОНФ вида

$$\begin{aligned}\varphi_1 \& \varphi_2 \& \dots \& \varphi_n \nabla \varphi_2 \& \varphi_3 \& \dots \& \varphi_n \nabla \varphi_1 \& \varphi_3 \& \dots \& \varphi_n \nabla \dots \nabla \varphi_1 \& \varphi_2 \nabla \varphi_2 \& \varphi_3 \nabla \dots \\ \dots \nabla \varphi_{n-1} \& \varphi_n \nabla \varphi_1 \nabla \varphi_2 \nabla \dots \nabla \varphi_n.\end{aligned}\tag{10}$$

Здесь $n = |\Phi_s|$ есть количество совместных элементарных признаков.

Формулу (10) можно определить как опцион для всех возможных конгрегативных одночленов из множества Φ . Полная общая ОНФ (10) есть наибольшая ОНФ алгебры совместных признаков $(\Phi; \& \nabla)$, $(\Phi; \& \nabla)$. Любая ОНФ из этой алгебры есть часть полной общей ОНФ (10), взятая в виде опциона некоторых указанных конгрегативных одночленов.

Алгебра совместных элементарных признаков для одного объекта $(\Phi; \& \nabla)$ с операциями конгрегация $\&$ и опционция ∇ не является решеткой, так как не выполняются законы поглощения. Наибольшая схема есть $\Theta^\nabla(\Phi^\&)$.

3. Нестационарное отношение

Полное нестационарное отношение множеств индивидуальных объектов S и элементарных признаков Φ назовем пространством индивидуальных предметов с элементарными признаками $\rho(t; S; \Phi)$, в котором образ объекта s есть в данный момент времени t множество признаков $\rho(t; s) = \text{atr}(t; s) \subseteq \Phi$.

Пусть в стационарном отношении $\pi(S; \Phi) \subseteq S \times \Phi$ образ объекта s есть множество всех совместных элементарных признаков $\pi(s) \subseteq \Phi$, которыми постоянно обладает объект s .

Пусть в нестационарном отношении $\nu(t; S; \Phi) \subseteq S \times \Phi$ образ объекта s есть множество непостоянных возможных признаков $\nu(t; s) \subseteq \Phi$ в данный момент времени t .

Соответственно, обозначим стационарное бинарное отношение множеств $\chi(S; \Phi) \subseteq S \times \Phi$, в котором образ объекта s есть множество всех изменяющихся, непостоянных признаков $\chi(s) \subseteq \Phi$, которыми может обладать объект s . Тогда, общее отношение представим в виде $\rho(t; S; \Phi) = \pi(S; \Phi) \cup \nu(t; S; \Phi)$ в фиксированный момент времени, если все элементарные признаки известны.

4. Индивидуальные объекты

Элементарный объект есть тот объект, который не состоит из других объектов в смысле множественного включения. Неэлементарный объект называется составным объектом. Элементарные объекты, имеющие только один непустой элементарный признак, называются тривиальными объектами.

Индивидуальный объект есть тот объект, который имеет свои собственные признаки, которые отличают его от других объектов. Составной объект может быть индивидуальным тогда и только тогда, когда существуют признаки у объединенного объекта.

Принцип Лейбница: все различные индивидуальные объекты имеют разные множества совместных постоянных элементарных признаков $\pi(s)$ и разные множества непостоянных элементарных признаков $\nu(s)$, а равные объекты имеют равные множества совместных элементарных признаков $\pi(s)$ и равные множества непостоянных элементарных признаков $\nu(s)$.

Очевидно, что можно сформулировать принцип Лейбница иначе.

Введем логические операции для создания новых индивидуальных объектов.

Допустим, для индивидуальных объектов выполняются следующие правила задания новых индивидуальных объектов при конъюнктивном «слиянии вместе» объектов (обобщающая объединительная кумуляция):

$$\text{atr}^{\&}(s_i \wedge s_j) = (\pi(s_i) \cup \pi(s_j))^{\&} \& ((\nu(s_i) - \pi(s_j)) \cup (\nu(s_j) - \pi(s_i)))^{\vee} \& \varepsilon(s_i \& s_j). \quad (11)$$

Например, дом-особняк, летчик-космонавт, ребенок-вундеркинд.

Допустим, для индивидуальных объектов выполняются следующие правила задания новых индивидуальных объектов при дизъюнктивном обобщении разделения объектов (обобщающая разделительная кумуляция)

$$\text{atr}^{\&}(s_i \vee s_j) = (\pi(s_i) \cap \pi(s_j))^{\&} \& ((\pi(s_i) \oplus \pi(s_j)) \cup \nu(s_i) \cup \pi(s_j))^{\vee} \& \mu(s_i \nabla s_j). \quad (12)$$

Например, экстремум = или максимум, или минимум.

Знакосочетания $\varepsilon(s_i \wedge s_j)$ и $\mu(s_i \vee s_j)$ обозначают добавочные признаки, которые не рассматриваются здесь, но они могут быть. Операция объединения признаков в формуле (11) позволяет создавать индивидуальные объекты с достаточно сложными признаками.

Пусть во множество всех индивидуальных объектов S включены индивидуальные объекты, которые получены с помощью обобщающей объединительной и разъединительной кумуляции индивидуальных объектов (11) и (12).

5. Классовые объекты

Не пустое множество объектов из нескольких объектов называется «раздельно-составной объект», если он не имеет своего признака как единый объект. Он есть множество, перечень объектов, созданный для использования, например, в предложении. Классовый объект есть такой раздельно-составной объект, каждый элемент-объект которого имеет заданные признаки. Выбор объекта производится с помощью операции сравнение признаков, которая имеет два результата «равно» и «не равно».

Таким образом, операция опционция есть следующая последовательность операций: берем признак объекта, сравниваем его с заданным признаком, если признаки равны, то включаем объект в класс, если признаки не равны, не включаем объект в класс, и так далее. Можно сказать, что операция опционция есть производная операция от операций сравнения, сложения и вычитания множеств.

Определение. Классом индивидуальных объектов на множестве индивидуальных объектов $X \subseteq S$, образованным по элементарному признаку φ в пространстве индивидуальных объектов с элементарными признаками $\rho(t; S; \Phi)$ называется такой раздельно-составной объект $\text{Class}(X; \rho^{-1}(t; \Phi; S); \varphi)$, который является подмножеством множества объектов X , и в нем собраны все такие предметы, что каждый элемент из класса имеет данный признак $\varphi \in \text{atr}(t; s)$. К тому же, не существует ни одного объекта в разности множеств $X - \text{Class}(X; \rho^{-1}(t; \Phi; S); \varphi)$, имеющего признак φ .

Иначе говоря, классом объектов на множестве $X \subseteq S$, образованным по элементарному признаку φ в пространстве индивидуальных объектов с элементарными признаками $\rho(t; S; \Phi)$ называется срез псевдообращения $\rho^{-1}(t; \Phi; X)$ бинарного отношения $\rho(t; X; \Phi)$, которое есть сужение бинарного отношения $\rho(t; S; \Phi)$ при $S \rightarrow X: \text{Class}(X; \rho^{-1}(t; \Phi; S); \varphi) = \rho^{-1}(t; \varphi; X)$.

Аналогично определяется классовый объект, собранный по элементарному признаку, в бинарных отношениях $\pi(S; \Phi)$, $\nu(t; S; \Phi)$ и $\chi(S; \Phi)$.

Если рассматривать класс предметов по двум элементарным признакам α и β , то получим разные результаты в зависимости от того, как понимать слова «объект обладает обоими этими признаками», в следующих смысловых вариантах:

1. Выбранный предмет обладает и первым и вторым признаком, то есть конгрегация признаков $(\alpha \cup \beta)^{\&}$;
2. Выбранный предмет обладает или отдельно первым, или отдельно вторым признаком, то есть опционция $(\alpha \cup \beta)^{\vee}$;
3. Выбранный предмет обладает или отдельно первым, или отдельно вторым признаком, или и первым и вторым вместе, то есть объединительная опционция $(\alpha \cup \beta)^{\vee}$.

В известной литературе бинарное отношение множеств объектов и признаков $\rho(\Phi; S)$ определяется на основе конгрегации признаков [1,2].

Понятно, что в отношениях $\rho(t; \Phi; S)$ и $\pi(S; \Phi)$ используется первый вариант - конгрегация признаков, а в отношениях $\nu(t; S; \Phi)$ и $\chi(S; \Phi)$ используются второй или третий варианты - опционция признаков. К тому же, реальный интерес представляет использование смешанного варианта – опционция совместно с конгрегацией, который возникает в речи, в предложениях.

Утверждение 2. Для любого подмножества $X \subseteq S$ и для любого элементарного признака φ , при $\varphi \neq \emptyset_{\text{atr}}$, в любом пространстве индивидуальных предметов с элементарными признаками $\rho(t; S; \Phi)$ или $\pi(S; \Phi)$, в формальном контексте, в фиксированный момент времени t справедливы свойства:

$$\begin{aligned}\rho^{-1}(t; \varphi; X - \rho^{-1}(t; \varphi; X)) &= \emptyset; \\ \rho^{-1}(t; \varphi; \rho^{-1}(t; \varphi; X)) &= \rho^{-1}(t; \varphi; X).\end{aligned}$$

Утверждение 3. Для любого k -множества элементарных признаков $(\cup_i \varphi_i)^{\&}$, в любом формальном контексте с отношениями $\rho(t; S; \Phi)$ и $\pi(S; \Phi)$ справедливы свойства:

$$\begin{aligned}\rho^{-1}(t; (\varphi_1 \cup \varphi_2)^{\&}; X) &= \rho^{-1}(t; \varphi_2; \rho^{-1}(t; \varphi_1; X)); \\ \rho^{-1}(t; (\cup_i \varphi_i)^{\&}; X) &= \bigcap_i \rho^{-1}(t; \varphi_i; X); \\ \rho(\rho^{-1}(t; (\cup_i \varphi_i)^{\&}; X)) &= \cup_i \varphi_i;\end{aligned}\tag{13}$$

Известно также, что по этим операциям алгебраическая система образует решетку. В данном случае прямое и обратное отношения множеств имеют связь Галуа [1,2].

Рассмотрим бинарные отношения между множеством индивидуальных объектов и множеством непостоянных возможных признаков объектов $\nu(t; S; \Phi)$ и $\chi(S; \Phi)$. Как уже говорилось, для создания классового объекта здесь используются o -множества признаков, в которых признаки стоят в дизъюнкциях.

Утверждение 4. Для любого множества индивидуальных объектов $X \subseteq S$ и для любого элементарного признака φ , при $\varphi \neq \emptyset_{\text{atr}}$, в формальном контексте с возможными признаками объектов $\nu(t; S; \Phi)$ или $\chi(S; \Phi)$ в фиксированный момент времени t справедливы свойства:

$$\begin{aligned} v^{-1}(t; \varphi; X - v^{-1}(t; \varphi; X)) &= \emptyset; \\ v^{-1}(t; \varphi; v^{-1}(t; \varphi; X)) &= v^{-1}(t; \varphi; X). \end{aligned}$$

Утверждение 5. Для любого о-множества элементарных признаков $(\bigcup_i \varphi_i)^\nabla$, в любом формальном контексте с отношениями $v(t; S; \Phi)$ и $\chi(S; \Phi)$ справедливы свойства:

$$\begin{aligned} v^{-1}(t; (\bigcup_i \varphi_i)^\nabla; X) &= \bigoplus_i v^{-1}(t; \varphi_i; X); \\ v(v^{-1}(t; (\bigcup_i \varphi_i)^\nabla; X)) &= \bigcup_i \varphi_i. \end{aligned}$$

Утверждение 6. Если задано множество элементарных признаков с постоянными признаками $\bigcup_i \varphi_{1i}$ и непостоянными, возможными признаками $\bigcup_j \varphi_{2j}$, и требуется найти класс объектов по отношению $\rho(t; \Phi; S)$ множества индивидуальных объектов S к множеству элементарных признаков Φ , то это можно сделать двумя способами:

$$\begin{aligned} \rho^{-1}(t; (\bigcup_i \varphi_{1i})^\& \& (\bigcup_j \varphi_{2j})^\nabla; S) &= v^{-1}(t; (\bigcup_j \varphi_{2j})^\nabla; \pi^{-1}(\bigcup_i \varphi_{1i})^\&); \\ \rho^{-1}(t; (\bigcup_i \varphi_{1i})^\& \& (\bigcup_j \varphi_{2j})^\nabla; S) &= \bigoplus_j (\bigcap_i \pi^{-1}(\varphi_{1i}) \cap v^{-1}(\varphi_{2j})). \end{aligned}$$

Для объединяющей опционции $\vee$ получим формулу

$$\rho^{-1}(t; (\bigcup_i \varphi_{1i})^\& \& (\bigcup_j \varphi_{2j})^\vee; S) = \bigcup_j (\bigcap_i \pi^{-1}(\varphi_{1i}) \cap v^{-1}(\varphi_{2j})).$$

Первая формула следует из того, что класс индивидуальных объектов с постоянными и возможными признаками находится в два этапа. Составляем класс объектов по к-множеству постоянных признаков $\pi^{-1}(\bigcup_i \varphi_{1i})^\&$. Затем, используя отношение $v(t; S; \Phi)$, на найденном классе индивидуальных объектов $\pi^{-1}(\bigcup_i \varphi_{1i})^\&$ собирается класс индивидуальных объектов по о-множеству возможных признаков $(\bigcup_j \varphi_{2j})^\nabla$. Это делается, следуя первому свойству (13) утверждения 3.

Вторая формула выводится из того, что формула $(\bigcup_i \varphi_{1i})^\& \& (\bigcup_j \varphi_{2j})^\vee$ преобразуется в эквивалентное ОНФ. Последняя формула выводится аналогично.

Естественно, существует класс признаков $\text{Class}(F; \rho(t; S; \Phi); s)$, $F \subseteq \Phi$, собранный по индивидуальным объектам. Он имеет аналогичные свойства, что и класс объектов, собранный по признаку. Для объектов введены операции конгрегация и опционция также. Разница только в том, что множество признаков необходимо рассматривать отдельно в трех случаях: только постоянные признаки объектов; только непостоянные, возможные признаки объектов или объединение множеств постоянных и возможных вместе.

6. Заключение

Данное исследование показывает, что понятия объектов, которые определяются по своим свойствам, зависят от того, как используются эти свойства при определении. Конгрегация и опционция одних и тех же признаков задают различные понятия объектов, хотя, между ними существует связь. Внутри предложения признаки объектов носят изменчивый характер, поэтому в понятии предметов необходимо рассматривать нестационарные множества собственных признаков предметов. Нестационарность в понятии объекта вносит свои отличительные особенности в формальную теорию рассуждения человека.

Список литературы

1. Wille R. Restructuring Lattice Theory: an Approach Based on Hierarchies of Concepts // Ordered Sets / Ed. by I. Rival. — Dordrecht; Boston::Reidel, pages 445–470, 1982.
2. Ganter B., Wille R. Formal Concept Analysis: Mathematical Foundations. — Springer, 1999.
3. Фомин В.Г. Концепция теоретико-множественной модели формальной интенциональной логики / Ульяновск: Симбирская книга, с.128, 2002.
4. Fomin Valery. Algebra of compatible predicates / Journal of Scientific and Educational Research, 2014, No.2. (12), Volume III. - “Paris University Press”. Paris, pages 569-576, 2014.
5. Фомин В.Г. Теоретико-множественная семантическая модель логики /Деп. в ВИНТИ 13.01.88, № 176-B88, с.29, 1988.
6. Фомин В.Г. Логический вывод на основе правил в интеллектуальных системах /Труды 27 –й НТК УГТУ - Ульяновск: изд. УГТУ, 1993.
7. Фомин В.Г. Метод импликативных метапредложений /Труды 29 УГТУ, Ульяновск: изд. УГТУ, 1995.
8. Фомин В.Г. Формализм экстенционального и интенционального понятий субъекта предложения /Труды 30 –й НТК УГТУ, Ульяновск: изд. УГТУ, 1996.
9. Фомин В.Г. Формальная система интенциональных атрибутов /Труды 2 международной конференции «Математическое моделирование физических, экономических, социальных систем и процессов», Ульяновск, УлГУ, 1999. – Ульяновск: изд. УлГУ, 1999.
10. Фомин В.Г. Об одном подходе к логике /Труды международной конференции «Континуальные алгебраические логики, исчисления и нейроинформатика», Ульяновск, 2003, том 2, «Алгебраические логики, импликативная и предикатная алгебры выбора в задачах науки и техники». - Ульяновск: изд. УГТУ, сс.112-114, 2003.
11. Фомин В.Г. Представление объектов со свойствами /Труды первой международной конференции «Интеллектуальные технологии и средства реабилитации людей с ограниченными возможностями» /First International Conference «Intelligent technologies and means of rehabilitation of people with disabilities» (ITSR-2010), 23-24 December, 2010, Москва, МГСГИ – М: изд. МГСГИ, сс.233-241, 2010.
12. Фомин В.Г. К формальной теории предикатов для одного субъекта, Человек, общество, инклюзия (Вестник МГСГИ), 2014, №4(20), - Москва, изд. МГГЭУ, сс.138-145, 2014.

13. *Фомин В.Г.* Закон обратного отношения между содержанием и объёмом понятия в математической теории «представление объектов со свойствами», Апробация, 2016, №1(40), сс.10-15, 2016.

14. *Fomin Valery Gr.* Towards the Notion of Formal Concept of Objects with Attributes in a Sentence/ Proceedings of the 2nd International Workshop on Soft Computing Applications and Knowledge Discovery (SCAKD 2016) – Moscow, 22 jule 2016 - p108. (CEUR-WS.org, vol. 1687).

Н.В. Вязовова, В.М. Толстошеина, С.В. Котовская

**ЧУВСТВО УВЕРЕННОСТИ КАК УСЛОВИЕ
ПРЕОДОЛЕНИЯ ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ
ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
ЗДОРОВЬЯ**

**A SENSE OF CONFIDENCE AS THE CONDITION
OF OVERCOMING LEARNED HELPLESSNESS
OF PERSONS WITH DISABILITIES**

ВЯЗОВОВА Наталия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент МГТЭУ (e-mail: natali-lapulia@yandex.ru).

VYAZOVOVA Nataliya Vladimirovna, candidate of psychological Sciences, associate Professor of MGGEU (e-mail: natali-lapulia@yandex.ru).

ТОЛСТОШЕИНА Виола Михайловна, кандидат психологических наук, доцент МГТЭУ (e-mail: Cassandra1@yandex.ru).

TOLSTOSHEINA Viola Mihailovna, candidate of psychological Sciences, associate Professor of MGGEU (e-mail: e-mail: Cassandra1@yandex.ru).

КОТОВСКАЯ Светлана Владимировна – кандидат биологических наук, доцент МГТЭУ (e-mail: katovskaya@mggeu.ru).

KOTOVSKAYA Svetlana Vladimirovna - candidate of biological sciences, associate professor of the MGGEU (e-mail: katovskaya@mggeu.ru).

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного высшего образования. Авторами рассматривается специфика проявления чувства уверенности у студентов различных категорий и его роль в преодолении выученной беспомощности. Рассмотрен феномен выученной беспомощности как устойчивая личностная характеристика, влияющая на когнитивные процессы и поведение личности, и его дезадаптирующий характер. Вводятся понятия средовая инвалидизация и личностно инвалидизирующая социализация.

Ключевые слова: инклюзивное высшее образование, феномен выученной беспомощности, жизнеспособность личности, средовая инвалидизация.

Summary. The article is devoted to the problem of life of persons with disabilities in an inclusive higher education. The paper deals with the specific manifestation of feelings of confidence in students of different categories and its role in overcoming learned helplessness. Examines the phenomenon of learned helplessness as a stable personal characteristic that influence cognitive processes and behaviour of the individual, and his desadaptive character. Introduces the concepts of environmental disability, and a crippling personal socialization.

Keywords: *inclusive higher education, learned helplessness, the vitality of the individual, environmental disability.*

Социокультурные изменения в мире и в нашей стране, отличающиеся как широтой, так и динамикой, открывают перед личностью огромные возможности для раскрытия своих талантов, реализации потенциалов, готовя к самостоятельному креативному решению возникающих задач за счет расширения личностной компетентности и ответственности. В тоже время, они не гарантируют социальной защищенности тем лицам, чьи возможности в самореализации ограничены состоянием здоровья и усугублены особенностями социализации и воспитания, препятствующими эффективной реализации себя в возможном.

В связи с этим отмечается все возрастающий интерес к феномену выученной беспомощности, как устойчивой личностной характеристике, проявляющейся в различных формах дезадаптивного поведения, как реакция на рост неконтролируемых жизненных событий, атрибутивный прогноз исхода которых, относится личностью к неблагоприятным. Поэтому беспомощность затрагивает многие сферы жизнедеятельности современного человека и имеет очень широкое распространение в учебной и профессиональной деятельности, семейных и межличностных отношениях. Имея разнообразные проявления, феномен беспомощности тем не менее обладает чертами иных невротических состояний (депрессия, апатия, зависимости), затрагивает глубинные пласты личности, подрывая её соматическое, психическое и психологическое здоровье.

Открытие феномена выученной беспомощности в начале 70-х годов прошлого столетия стало как бы побочным продуктом проводимых М. Селигманом [1] исследований на животных, а выявленные особенности их поведения в лабораторной ситуации были успешно «перенесены» на поведенческие реакции человека в подобных условиях (ситуациях учебной и производственной деятельности) и экспериментально проверены (С. Майер, Дж. Гиргус, Д. Хирото, Д. Шульц и др.). В отличие от животного, дезадаптивные реакции которого являются результатом научения и условно рефлекторно закрепляются и воспроизводятся, выученная беспомощность человека является продуктом социализирующего воздействия, социального заражения, порождающего особый тип пассивной реакции на раздражитель, когда субъективно личность не ощущает себя контролирующей ситуацию, а потому и реакции на эти неподконтрольные ей события носят разнообразный характер - от пассивности и равнодушия до возбудимости, чувства отчаяния и вины.

Наиболее широкий диапазон проявлений личностной беспомощности рассматривает в своем диссертационном исследовании Д.А. Циринг (2005): замкнутость, эмоциональная неустойчивость, возбудимость, робость, пессимистичность мировосприятия, склонность к чувству вины, более низкой самооценке и низком уровне притязаний, равнодушие, пассивность, отсутствие креативности - и все это, по мнению автора, есть результат интеракций, демонстрирующих подобное отношение к жизненно важным для субъекта ситуациям, несущее в себе эффект психологического заражения.

В отличие от *ситуативной беспомощности* как временной реакции на не подконтрольные человеку события, и естественно, на время лишаящей его возможности проявить волю и усилие для их разрешения, но не деморализующей его в целом, *личностная беспомощность* выступает уже как устойчивая моти-

вационная характеристика человека, формирующаяся в процессе его развития и сохраняющаяся даже в ситуациях, не представляющих опасности и затруднений.

Не можем не отметить, что в классическом понимании психологический феномен выученной беспомощности (learned helplessness) трактуется М. Селигманом как пассивное, неадаптивное поведение человека, закрепляемое в результате пережитой им неподконтрольной ситуации, когда результат, по субъективному представлению, не зависит от прилагаемых усилий и тогда, согласно русской поговорке, «опускаются руки», причем данная реакция носит тотальный характер, практически навсегда фиксируясь в мотивационной сфере, по сути как отказ от действия, активности, что интенционально препятствует достижению.

Последователями Селигмана было доказано, что выученная беспомощность на личностном уровне проявляет себя в трех сферах - мотивационной, когнитивной и эмоциональной - как неспособность действовать, активно вмешиваясь в ситуацию, неспособность в последующем обучаться эффективным способам разрешения подобных ситуаций, и как эмоционально подавленное, депрессивное состояние, возникающее из-за бесплодности собственных действий [2].

И М. Селингман, и Ф. Финхам, и М. Бёрнс считали, что рано формирующаяся (в основном до 8 лет), а потому закрепляющаяся на бессознательном уровне, выученная беспомощность обладает выраженными признаками устойчивости, не поддается коррекции и остается на всю жизнь.

И причин тому три:

- 1) опыт переживания неблагоприятных событий, когда отсутствие возможности контролировать события собственной жизни приводит в состояние отчаяния и приобретенный в данной ситуации отрицательный опыт переносится на другие ситуации, подвластные контролю субъекта. Селигман относил к данным событиям все те переживания детства, когда невольно наносимые родителями или иными воспитывающими взрослыми обиды, безвозвратная утрата любимого человека и животного, серьезная, чаще неизлечимая болезнь, развод родителей или скандалы навсегда лишали ощущения возможного изменения жизни (эффект действия рока, судьбы, фатума);
- 2) опыт наблюдения беспомощности других людей, как в ближайшем окружении, так и в сообщениях средств массовой информации;
- 3) отсутствие самостоятельности в детстве, благодаря готовности родителей все делать вместо ребенка, либо посредством подавления его активности через систему запретов.

Затем многочисленные исследования обнаружили существование этого феномена и у людей. Хирото (1974) повторил эксперимент с воздействием на испытуемых неприятного громкого звука, который можно было прервать, подобрав комбинацию клавиш на пульте управления. По данным Хирото, выявились две крайние группы людей. Одна группа (в которую вошел каждый третий) вообще не впадала в состояние выученной беспомощности. Другая группа (в нее вошел каждый десятый испытуемый) не пыталась ничего противопоставить нарастающему шуму, испытуемые сидели возле пульта неподвижно, несмотря на то, что были обучены тому, как можно прекратить действие звука [3].

Изначально, рассматривая данный феномен с позиций бихевиорального подхода, позднее Селигман перешёл к когнитивно-бихевиоральному, что стало следствием вновь открытых в процессе исследований Б. Вайнером фактов,

а именно отношения субъекта активности к переживаемой неудаче, как следствию недостатка своих усилий или как к результату не зависящих от него обстоятельств, приводящих к утрате контроля.

Таким образом, начинает формироваться атрибутивный взгляд на исследуемую проблему и появляется возможность интерпретировать феномен через стиль объяснения неудачи. Оптимистичный стиль, наряду с оптимистичным прогнозом приложения усилий к желаемому результату, порождает активную жизненную позицию субъекта. Пессимистичный стиль, наоборот, препятствует построению прогноза на успех и блокирует активность.

Как показали исследования, беспомощное состояние наступает при одновременно присутствующих в жизненной ситуации трех составляющих:

- наличия субъективной оценки невозможности самому справиться с задачей и, как следствие, нарастающим ощущением, что эта ситуация никак не связана с собственными действиями;
- ощущения невозможности контролировать ситуацию, порождающего уверенность, что ситуация не решаема в принципе и её нельзя изменить посредством прилагаемых усилий;
- приписывания причин неуспеха себе и своим личным качествам, что препятствует появлению даже робких попыток решать проблему; субъект утрачивает интереса к решению проблемы, так как, по его мнению, не обладает к тому достаточными ресурсами [4].

По сути, не принимая на себя ответственности за свою судьбу, субъект стремится избежать малейших неудач, провала, а как следствие, обрекает себя на них. Данная поведенческая тактика отмечена исследователями как на детских выборках (школьники и процесс учебной деятельности, общения), так и во взрослых выборках (менеджеры и стиль руководства) (Н.А. Батурин, Н. Боровской, И.О. Девятковская, Д.А. Цыринг и др.).

В исследованиях психиатра М.М. Решетникова отмечается, что любая психологическая травма приводит к снижению активности человека, ощущению беспомощности, граничащей с фрустрацией, иногда реально переживаемой, как депрессия на фоне утраты Эго. Автором подчеркивается связь между беспомощностью и травмой прошлого опыта, препятствующая адаптации к новому опыту, приводящая к использованию в критических ситуациях непродуктивных стратегий совладания (И.А. Джидарьян, Р.М. Грановская), чаще избегающего поведения.

Снижение активности затрудняет не только жизнедеятельность, но и приводит к искажению смысла жизни в целом (Г.А. Вайзер, В.Э. Чудновский), препятствует поиску новых стратегий жизнедеятельности («отказ от поиска» (В.В. Аршавский, В.С. Ротенберг)), блокирует способность к научению в новых, не психотравмирующих ситуациях. Как следствие отмечается ухудшение не только психологического состояния, но и соматического (Е.В. Веденеева, И.В. Девятковская, Е.В. Забелина и др.), которое наряду с неадекватными поведенческими реакциями служит внешне наблюдаемым индикатором наличия психологической травмы, о которой субъект может «не подразумевать», так как используемые им поведенческие паттерны давно закрепились и не контролируются сознанием.

Используя поведенческие паттерны, человек избавляет себя от необходимости нарушать психологическое равновесие. Он совершает привычные дей-

ствия и поступки, заботясь о некоем комфорте, который может быть утрачен при ином приложении усилий. По аналогии с открытой К. Бернардом и позднее У. Кэнноном законом гомеостаза - «мудрость тела», согласно которому организм в травмирующих ситуациях стремиться к равновесию, избегая таких ситуаций психика тоже стремиться к равновесию. Любые ситуации двойного толкования или с неопределенным исходом, который прогнозируется субъектом, как отрицательный, сигнализируют об опасности, а потому блокируются на уровне возможного разрешения. Если же блок убрать, то сама возможность двойного толкования или «двойной связи» (doublebind) - буквальной и метафорической по Г. Бейтсону приведет к тяжелой психологической травме. Поэтому индивидуума, находящегося в ситуации doublebind, Бейтсон прямо определяет как «жертву» [5, с. 132]. Причем на психологическом уровне жертва часто делает жертвой сама себя, посредством бесконечно повторяющихся негативных мыслей, переживаний. Стремясь от неудовольствия к удовольствию, она устраняет саму возможность неудовольствия, но постоянно думает о нем, помнит его, аффективно переживает его вновь и вновь, тем самым отказывая себе в удовольствии Жить и Быть.

В бездействии, отказе от усилия, направленного на достижение успеха прослеживается мотивация, направленная на избегание неудачи (И.О. Девятковская) и психика достигает равновесного состояния - нет успеха, но нет и неудачи. Поэтому М. Селигман утверждает, что лица с выученной беспомощностью - это пессимисты, рассматривающие свои успехи как результат воздействия внешних по отношению к ним как субъекту активности сил или стечения обстоятельств, а свои неудачи целиком и полностью приписывают собственной несостоятельности, что интерпретируется им как *стратегия преодоления*.

Несмотря на тот факт, что в настоящее время в отечественной психологии накоплен значительный эмпирический материал, всесторонне раскрывающий содержание феномена выученной беспомощности и его проявлений во многих сферах жизнедеятельности человека: выявлены особенности его формирования как у взрослеющей личности, так и сформированной личности (Н.А. Батулин, Д.А. Циринг); рассмотрены различные контексты проявления феномена выученной беспомощности в условиях жизненных кризисов и сложных жизненных ситуациях (инвалидность, безработица, материнская депривация, эмиграция, катастрофы и стихийные бедствия) (Л.Ф. Бурлачук, Ф.Е. Василюк, Б.Д. Карвасарский, В.А. Лабунская Л.М. Шипицина); установлены причины формирования выученной беспомощности у детей в результате влияния стилей семейного воспитания, поощряющих несамостоятельность и индифферентность (Д.А. Циринг и С.А. Сальева), тем не менее, мало изучены особенности проявления феномена у лиц с ОВЗ в условиях инклюзивного образования вуза.

Изучение феномена выученной беспомощности в группе лиц с ограниченными возможностями здоровья (детский церебральный паралич), для которых осуществление самостоятельно ряда действий сильно затруднено и с детства требует длительной тренировки любого навыка действия, представляет для нас особый интерес. Как показывает практика взаимодействия с лицами данной категории при адекватном стиле воспитания в семье у них формируются многие жизненно важные навыки, но, тем не менее, гиперопека, потворствование и неустойчивый стиль воспитания в совокупности со сверх бдительностью со

стороны членов семьи, обусловленные в том числе чувством вины, часто затормаживают активность детей с ДЦП.

Говоря о чувстве вины и повышенной тревожности родителей ребенка с ДЦП, мы не можем не сослаться на выдающегося англо-американского философа, этнографа и а Г. Бейтсона и его книгу «Экология разума», в которой автором подробно рассматриваются так называемые «двойные связи». Они возникают, когда один из партнеров взаимодействия посылает другому противоположные сигналы разного логического типа. Например, мать говорит ребенку, что он очень красивый, и при этом избегает смотреть на него; она говорит ребенку, испытывающему затруднения, что он многое может делать сам, но при этом все делает за него; она говорит, что многое можно познать и многому можно научиться, но ничему не учит и т.д. [6]

Всякое слово или жест, по мнению Бейтсона имеют два значения - буквальное и метафорическое и то контекст, который мы вкладываем в них принимается и «читается» реципиентом, выступая в качестве команды к действию. Поэтому у детей с ДЦП в раннем возрасте, благодаря упреждающей его активность деятельности родителя, блокируется, прежде всего, столь нуждающаяся в развитии, двигательная активность, приводящая к беспомощности и лени.

Данный аспект проблемы нашел свое отражение в концепции поисковой активности В.С. Ротенберга и В.В. Аршавского, которыми выделены и описаны четыре сферы подавления поисковой активности у ребенка: *сфера удовлетворения базовых потребностей в еде и движении, сфера двигательной активности, сфера управления временем и социальная сфера*. Все они с раннего детства могут подавляться родителями, позднее учителями, и как следствие вызывать все виды беспомощности, особенно в тех случаях, когда сами родители напрямую транслируют ребенку модель беспомощного поведения, усваиваемую им бессознательно. Данная модель делает личность стрессологичной, зависимой, эгоцентричной, постепенно утрачивающей жизнеспособность [7].

В условиях домашнего воспитания, а позднее и обучения, активность ребенка подавляется уже на уровне когнитивной деятельности, то же касается и ограничивающих социальную сферу жизнедеятельности ребенка с ДЦП условиях развития. Как следствие, выученная беспомощность студента вуза может проявляться в трех областях - *мотивационной*, как неспособность активно вмешиваться в ситуацию (диагностируется как экстернальный локус контроля), *эмоциональной* - состояния угнетения эмоций вплоть до равнодушия, тревожности и фрустрированности и *когнитивной*, в виде сниженной познавательной активности, отсутствия креативности, самостоятельности мышления и его гибкости.

Неуверенность в себе, чувство вины за свою не успешность, и попытки перенести тяжесть ответственности за происходящее на плечи других (экстернальность) определяют специфику взаимодействия студента с ДЦП с миром, взаимоотношения с окружающими, приводят его к отказу от каких-либо активных действий для разрешения жизненных коллизий.

Мы наблюдаем личностные особенности, которые в сочетании с пессимистическим жизненным стилем, провоцируемым родителями, невротическими симптомами и определёнными поведенческими особенностями, приводят к развитию беспомощности как специфического образования личностного уровня, проявляющемуся в постоянном поиске опеки и поддержки, даже в тех ситуациях, которые не представляют опасности. По сути, мы имеем особый случай

социализирующего воздействия, который можно назвать *средовой инвалидизацией*, или *личностно инвалидизирующей социализацией*.

Как правило, в исследованиях рассматриваются две известные модели инвалидности - медицинская и социальная. Медицинская - определяет инвалидность как нарушение здоровья, нуждающееся в медицинском вмешательстве, социальная - рассматривает инвалидов как членов сообщества, в отношении которого социумом воздвигнуты барьеры организационного типа, барьеры в форме социальных стереотипов и стигм [8]. А потому, для устранения социальных барьеров должны измениться социальные условия, их породившие, что позволит обеспечить равные права и возможности для развития и самореализации лицам с инвалидностью.

Все негативные явления, средовые дефекты социализации могут быть, по нашему мнению, компенсированы за счет создания особых условий для развития личности инвалида в условиях инклюзивного высшего образования, а также если будут своевременно выявлены личностные особенности лиц с ДЦП и учтены в процессе профессионализирующей подготовки, что позволит лицам указанной категории не только получить высшее профессиональное образование, но и составить конкуренцию на рынке труда.

Особо внимание следует обратить на чувство неуверенности в себе, скованности в социальных контактах, стеснительности, которые свойственны практически всем людям, но у лиц с ОВЗ могут стать устойчивыми личностными характеристиками. Сама по себе уверенность является социальным качеством человека, проявляется как совокупность социальных навыков, но, тем не менее, она же и предопределяет их. Уверенности следует учиться каждый раз в новой ситуации, так как будучи сформированной в одном социуме она не может быть экстраполирована на все социальные общности и ситуации и лишь *обобщенное позитивное отношение к собственным навыкам*, как указывает В. Ромек, делает человека более устойчивым в данном проявлении [9].

Как и выученная беспомощность, уверенность в себе имеет трехкомпонентную структуру, включая *когнитивный компонент* - знание и «веру в собственную эффективность» (А. Бандура); *эмоциональный компонент* - переживание застенчивости или социальной смелости; *поведенческий компонент* – социальная компетентность и инициатива в социальных контактах.

С целью изучения личностных особенностей лиц с ДЦП нами был использован тест на оценку уверенности в себе В.Г. Ромека. Группу респондентов составили студенты ФГБОУИ ВО МГГЭУ (Московский государственный гуманитарно-экономический университет). Выборку составили здоровые юноши и девушки, дети-сироты и лица с ДЦП в количестве 128 человек, соблюдена пропорциональность выборки: в каждой подгруппе юноши без ОВЗ, юноши с ОВЗ, девушки без ОВЗ, девушки с ОВЗ было представлено по 8 студентов социальных сирот (по 32 человека в подгруппе). Возраст респондентов 21-30 лет.

Так как в нашем исследовании принимали участие студенты с ДЦП, сироты и абсолютно здоровые респонденты, то целью исследования стало выявление степени уверенности в себе у лиц различных категорий.

В ходе исследования были получены и проанализированы данные всех подгрупп студентов, принимавших участие в опросе. На рисунке и в таблице представлены результаты исследования по группе в целом (см. *Рис. 1, Табл. 1*).

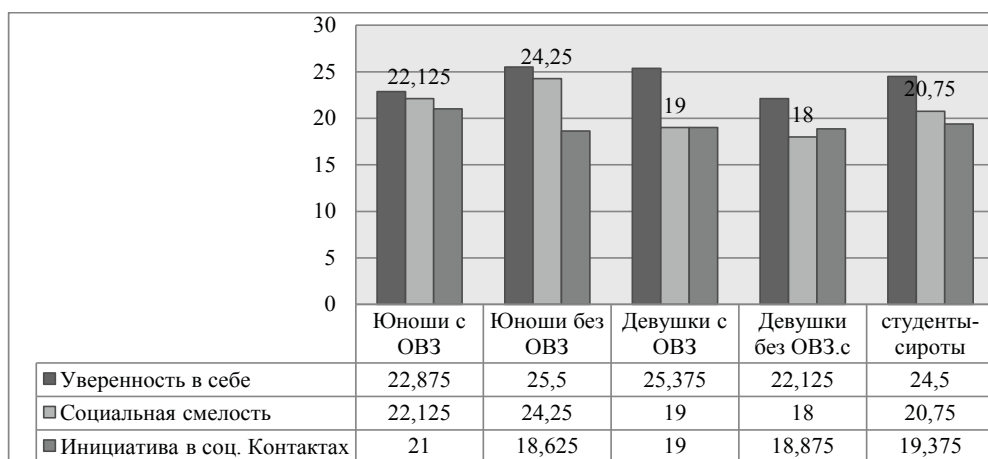

Рис. 1. Сводная таблица результатов исследования и график уровня уверенности в целом по выборке

Таблица 1. Степень выраженности (ранг) показателей уверенности в подгруппах

	юноши с ОВЗ	юноши без ОВЗ	девушки с ОВЗ	девушки без ОВЗ	студенты-сироты
Уверенность в себе	IV	I	II	V	III
Социальная смелость	II	I	IV	V	III
Инициатива в социальных контактах	I	V	II	IV	III

Анализируя полученные результаты, мы пришли к ряду промежуточных выводов:

- юноши с ДЦП могут быть отнесены к категории наименее уверенных в себе по сравнению с девушками с ДЦП (22,875 против 23,375). Но при этом они обладают социальной смелостью (22,125), уступая лишь юношам без ОВЗ по данному показателю (25,5) и высоко инициативны (21), стремятся расширить сферу взаимодействия с окружающими, что в условиях инклюзивного образования предоставляет значительные возможности в плане наращивания социального и когнитивного опыта;
- в свою очередь девушки с ДЦП по всем шкалам теста опережают девушек без ОВЗ; они наиболее адаптивны в условиях проживания в общежитии, сплочены внутри подгруппы, оказывают друг другу помощь, много и позитивно взаимодействуют, у них развита взаимовыручка и поддержка. Во многом именно они задают эмоциональный фон общения внутри студенческих групп, сохраняют за собой лидирующие позиции, охотно выполняя поручения. Не смотря на тот факт, что показатели по всем шкалам внутри группы девушек отличаются незначительно, тем не менее, большая уверенность в себе девушек-инвалидов вселяет оптимизм;
- в целом и юноши, и девушки с ДЦП в большей мере, чем остальные студенты, стремятся к налаживанию социальных контактов, что обусловлено

специфическими условиями инклюзии (соотношение студентов в вузе 75% с заболеваниями ОДА и 25% с сохранным здоровьем). Большинство лиц с ДЦП ранее находились в относительной социальной изоляции, так как были на домашнем обучении и не посещали массовой школы, а потому ограничение в контактах со сверстниками в настоящее время компенсируется за счет создания психолого-педагогических и средовых условий для лиц с ОВЗ, уверенно проявляющих себя в различных видах деятельности. Однако следует заметить, что приоритет в общении лица с ДЦП отдают собственной группе, таким образом, расширение социального опыта идет односторонне и нуждается в дополнительных психолого-педагогических условиях;

- студенты-сироты показывают средние результаты по сравнению с другими подгруппами по всем шкалам (ранг III), что говорит о затруднениях в адаптации к условиям среды инклюзивного вуза и неспособности данных респондентов занять свою нишу в системе социального взаимодействия. Демонстрируя достаточно высокий уровень уверенности в себе по сравнению с другими шкалами теста, они, тем не менее, не очень инициативны в расширении социальных контактов, держаться обособлено внутри своей подгруппы, что, по нашему предположению, обусловлено феноменом «мы», свойственным всем выпускникам специализированных детских учреждений, обеспечивающих социальную защиту сирот. Привычный уклад учреждений интернатного типа имеет мало общего с инклюзивным учреждением и, потому, необходимо время для усвоения новых навыков взаимодействия и принятия ответственности не только за себя, но и за тех, кто нуждается в поддержке;
- среди здоровых студентов наиболее уверены и социально смелы юноши, они в большей мере проявляют заботу о лицах с ДЦП, активно помогая как в бытовой сфере, так и, занимаясь волонтерством, обеспечивают мобильность инвалидов за пределами вуза, охотно делятся опытом жизнеобеспечения, заряжают оптимизмом;
- наименее комфортно в плане уверенности в себе, социальной ориентации на включенность в коммуникативный процесс ощущают себя здоровые девушки, все показатели теста выражены у них ниже, чем в иных подгруппах. Они мало инициативны в вузе, основной круг общения складывается вне его стен, возможно, там они и проявляют себя наиболее смело. Более того, как показывают наблюдения именно эта подгруппа в меньшей мере склонна повышать степень ответственности за кого-либо, кроме себя.

Итак, исходя из полученных результатов можно утверждать, что наименее уверенными в себе в новой социальной ситуации развития, а потому, и наиболее беспомощными в ней, являются юноши с ДЦП и девушки без ДЦП. В первом случае данное явление можно объяснить особенностями воспитания в юношей в семье, когда родители ограждают их от бытовых проблем, учителя не предъявляют к инвалидам в должной мере требовательности, не формируют у них самостоятельной интеллектуальной позиции. Во втором случае речь может идти вообще о родительской гиперопеке в отношении дочерей.

Итак, юноши с ДЦП в большей степени подвержены выученной беспомощности, чем девушки с ДЦП, так как в процессе семейного воспитания мальчикам уделяется чрезмерное внимание и забота, практически исключаящие от-

работку каких-либо жизненно важных навыков в быту. Родители не считают возможным возлагать на ребенка-инвалида какую-либо обязанность в быту, стремятся сделать так, чтобы он ни в чем не нуждался, выполняют за него все то, с чем он мог бы справиться и сам, тем самым лишая его самостоятельности. Всё это делается на подсознательном уровне, ведь по логике родителей, на их месте и другие так же будут заботиться о ребенке. В итоге сыну в определённый момент начинает нравиться роль «жертвы», он демонстрирует беспомощность («Я вообще ничего не могу, ко мне никаких претензий!»), привлекает внимание («Неужели не поможете такому беспомощному?»), мстят («Так как я инвалид – отомщу – стану совсем беспомощным»), борются за власть («Я отказываюсь жить по вашим правилам! Подстраивайтесь под меня.»).

И только в условиях инклюзивного образования высшей школы впервые появляются условия, в которых инвалид лишен на время родительской опеки, видит иные поведенческие образцы, осознает, что ему помогут, но он сам должен решиться на первый шаг в любом начинании. В результате, вступая в самостоятельную жизнь, инвалид учится прикладывать собственные усилия для решения жизненных задач, проявляя социальную инициативу в выборе необходимых контактов. Для того что бы свести проявления феномена выученной беспомощности к минимуму в вузе стимулируется самоуправление студентов, обязанности распределяются с учетом возможностей каждого, но обязательно для всех. Результаты воздействия данных условий особенно хорошо видны на группе девушек с ДЦП, которые, в отличие от юношей с ДЦП и своих здоровых сверстниц, пытаются доказать свою значимость, целеустремленны и самостоятельны, быстрее приспосабливаются к новым условиям и справляются со сложившимися трудностями сначала сообща, а затем каждая самостоятельно, тем самым доказывая на что они реально способны.

На данном этапе исследования мы не можем дать сравнительного анализа уровня уверенности в себе студентов инклюзивного вуза и обычного, но в перспективе наше исследование предполагает изучение данного аспекта проблемы и расширения выборки по всем категориям студентов. Второй задачей станет изучение жизнеспособности и жизнестойкости студентов, разработка профилактической программы преодоления уязвимости лиц с ОВЗ на основании проявлений феномена выученной беспомощности и формирования чувства уверенности у студентов различных групп, самооффективности, исходя из специфики раннего социализирующего и формирующего воздействия.

Список литературы

1. *Seligman M.E.P.* Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco, 1975.
2. *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения - М., 2006.
3. *Hiroto D.S.* Locus of control and lerned help lessness //Jornal of Experimental Psycholodgy. 1974. V.102.
4. *Циринг Д.А.* Психология выученной беспомощности: Учеб. пособие - М.: Академия, 2005.
5. *Руткевич А.М.* От Фрейда к Хайдеггеру - М., 1985. С. 132.
6. *Bateson G.* Steps to an Ecology of Mind University of Chicago Press, 1972. 533p.

7. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация М.: Наука, 1984.

8. Вязовова Н.В., Толстошеина В.М. Роль стигматизации в процессе идентификации лиц с ограниченными возможностями //Вестник МГГЭИ. 2013. №4(16). С. 63-71.

9. Ромек В.Г. Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана //Журнал практического психолога. № 3-4. 2000 С.218-235.

Д.В. Захаров

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛИ ОЛЬСОНА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ МАЛЫХ КОМПАНИЙ

FEATURES OF USING OHLSON'S MODEL FOR SMALL FIRMS VALUE ESTIMATION

ЗАХАРОВ Дмитрий Витальевич - аспирант кафедры финансового менеджмента ФГБОУ ВО «РЭУ им Г.В. Плеханова», г. Москва (e-mail: dvz1992@gmail.com).

ZAKHAROV Dmitrii - a Postgraduate student of the department «Financial management», Plekhanov REU, Moscow (e-mail: dvz1992@gmail.com).

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности оценки малых компаний. Исследована модель Эдвардса-Белла-Ольсона (ЕВО, модель Ольсона) и определены особенности использования модели Ольсона для определения внутренней стоимости малых компаний.

Ключевые слова: модель Ольсона, стоимость компании, малая компания.

Summary. In this article, the key features of small companies valuation were examined. Edwards-Bell-Ohlson model (EBO, Ohlson's model) was investigated. Key features of using Ohlson's model for small firms valuation were determined.

Keywords: Ohlson's model, value of a company, a small company.

Потребность в финансировании роста компании и отстаивании интересов инвесторов является причиной важности создания стоимости для малых компаний. Такие действия, как привлечение новых инвесторов или принятие решений по инвестированию, требуют оценки стоимости, которую данное действие создает. Создание стоимости влияет на востребованность акций фирмы среди внешних инвесторов.

Владельцы малых компаний должны понимать, что создание стоимости возможно только в том случае, если деятельность компании достаточно хорошо спланирована и хорошо контролируется, а ее ресурсы используются рационально и эффективно. Поскольку малые компании склонны предпочитать внешнее финансирование, таким компаниям особенно важно уметь определять создание стоимости.

Стоимость является относительным понятием, разные стейкхолдеры (заинтересованные лица, каким-либо образом связанные с компанией) видят ее по-разному. Создание рабочих мест и личная занятость добавляют заинтересованным сторонам оптимизма. Создание стоимости для акционеров согласуется с созданием стоимости для остальных стейкхолдеров компании [3]. Создание стоимости дает компании структурные преимущества, поскольку компании

с высокими показателями создания стоимости растут быстрее, пользуются улучшенным доступом на финансовые рынки и имеют больше возможностей для финансирования своих проектов. Клиенты также приветствуют создание стоимости, поскольку в таком случае компания имеет возможность привлечь капитал по более низкой стоимости. Капитал, привлеченный по более низкой стоимости, компания может направить на улучшение конечного продукта для потребителя.

Метод оценки EBO (Edwards-Bell-Ohlson) по нескольким причинам более привлекателен, чем традиционные методы, такие, как DDM (модель дисконтированных дивидендов) и DCF (модель дисконтированных денежных потоков) [4]. Малые компании, как правило, не платят дивидендов, а для тех, которые платят, зачастую трудно найти соответствующую информацию в силу небольших масштабов компании. Недостаток модели дисконтированных денежных потоков заключается в том, что в данной модели часть стоимости компании переносится в будущие предполагаемые денежные потоки. Это приводит к проблемам, связанным с оценкой терминальной стоимости, которую особенно трудно вычислить для растущих предприятий малого бизнеса.

Цель оценки стоимости компании – определить «цену, по которой бизнес может быть передан из рук в руки, когда покупателя никто не принуждает к покупке, а продавца никто не принуждает к продаже» [4]. Определение стоимости публичных корпораций сравнительно легко в зависимости от сделанных предположений. Если мы предположим, что рынок хотя бы наполовину эффективен (вся публичная информация полностью отражена в стоимости акции компании), то цена акции на момент закрытия торгов для большой публично торгуемой корпорации будет в точности соответствовать стоимости компании. Тем не менее, современная теория корпоративных финансов плохо справляется с оценкой малых компаний (даже публично торгуемых). Оценка стоимости малых компаний требует удержания в уме отличительных черт, которых нет у крупных корпораций. Эти отличительные черты могут создать широкий спектр проблем. Также следует отметить, что малые и крупные компании решают одни и те же проблемы по-разному. Из-за этих особенностей менеджеры малых компаний вырабатывают другие критерии принятия решений и принимают другие финансовые меры.

Акции большинства малых компаний торгуются не так часто, как акции крупных предприятий, поэтому инвесторам более трудно найти актуальную информацию. Малые компании испытывают больше затруднений, связанных с долговым финансированием [2]. В то время как собственники малого бизнеса могут диверсифицировать портфель своей компании (страховые полисы, банковские счета, пенсионные счета), компания поглощает их инвестиционный капитал. В дополнение к вышесказанному, ограниченная ответственность недоступна частным предпринимателям и партнерствам (хотя существуют исключения) [4]. Преобразование компании в корпорацию не избавляет владельцев малого бизнеса от ответственности полностью, поскольку зачастую кредиторы требуют личных гарантий.

Финансовые стратегии также зависят от размера компании, поскольку руководство малых компаний более склонно к принятию риска с целью получения большей прибыли. Малые предприятия часто основываются предпринимателями, которым не хватает финансового опыта по сравнению с владельцами

крупных компаний. Таким образом, в руководстве большинства малых компаний не хватает коллектива таких людей, которые дополняли бы друг друга при выработке бизнес-стратегии компании. Это приводит к отсутствию гибкости и неумению адаптироваться под изменяющиеся условия рынка по сравнению с крупными компаниями, в штате которых работают опытные менеджеры. Также малые предприятия по сравнению с крупными сталкиваются с более ощутимыми трудностями, связанными с транзакционными и судебными издержками и процедурой банкротства. Репутация владельца имеет для малой компании более существенное значение, чем для крупной корпорации, поскольку менеджеры малой компании находятся в более тесном контакте с внешними стейкхолдерами, чем менеджеры крупных корпораций.

Оценка акции – это присвоение денежного значения конкретной акции. Идеальная техника оценки акций могла бы присвоить каждой акции точное стоимостное значение. Если бы трейдер купил акции по заниженной цене, то цена этой акции постепенно выросла бы до своей «корректной» стоимости. Тем не менее, не существует идеальной методики оценки акций. Оценка стоимости акций является очень комплексной процедурой, и никакая модель оценки не сможет со стопроцентной достоверностью предсказать внутреннюю цену акции. Также не существует модели, которая бы с точностью предсказывала, как цена акции будет вести себя в будущем. Тем не менее, некоторые модели позволяют сравнить характерные черты различных акций и статистически объяснить случаи сверхдоходов.

В настоящее время существует множество моделей оценки стоимости акций. Модели варьируются от набора простых правил до комплексных теорий, связанных с экстраполированием оценки доходов за множество лет. Обычно комплексные модели оценки включают следующие компоненты:

- балансовая стоимость;
- будущие доходы;
- размер дивидендов;
- безрисковая ставка доходности;
- показатели рыночного риска;
- время.

Балансовая стоимость акции – самый консервативный подход. Текущая балансовая стоимость акции может быть дополнена прогнозом будущих доходов с целью получения «внутренней» цены акции за вычетом дивидендов. Тем не менее, в большинстве моделей признается тот факт, что будущие доходы не являются гарантированными и потому не могут быть полностью встроены в стоимость компании. В рамках этих моделей вычисляется, насколько доходность на акцию превышает доходность безрисковых ценных бумаг (обычно это казначейские векселя с тридцатилетним сроком погашения, дающие гарантированный доход). Таким образом, будущие доходы дисконтируются как по безрисковой ставке, так и по уровню риска, связанного с акцией.

Важно вычислить промежуток времени, за который данная акция превзойдет свою индустрию или рынок в целом. Недавно основанные компании роста будут в течение большего промежутка времени получать сверхдоходы, чем крупные и более стабильные корпорации.

В большинстве моделей оценки только несколько параметров являются переменными. Балансовая стоимость фиксирована, так же, как и прогнозируемые

доходы. Несмотря на то, что вычисления будущих доходов могут не отличаться точностью, обычно источник информации о них для данной компании всегда один и тот же. Безрисковая ставка также является фиксированной величиной. Несмотря на это, оценивающий может выбирать, какую именно ценную бумагу взять в качестве безрисковой ставки. Время и уровень риска являются переменными, которые вычисляются по-разному в зависимости от выбранной модели.

Модель Эдвардса-Белла-Ольсона обеспечивает несложный, но эффективный способ оценки стоимости публично торгуемых акций. Также данная модель позволяет инвесторам, не имеющим финансового образования, быстро оценить стоимость компании, акции которой они собираются приобрести. В отличие от модели экономической добавленной стоимости (EVA), которая ориентирована на долгосрочных инвесторов, включая акционеров и кредиторов, модель ЕВО фокусируется только на инвесторов, вкладывающих капитал в акции компании [1]. Модель ЕВО имеет ряд преимуществ по сравнению с классической моделью дисконтирования дивидендов (DDM) и моделью дисконтирования денежных потоков (DCM). Дивиденды отражают распределение богатства, но не его создание. Многие компании совсем не выплачивают дивидендов, особенно малые компании. Этот факт существенно ограничивает пользу от модели дисконтирования дивидендов. Модели дисконтирования денежных потоков также имеют существенный недостаток: они приписывают всю стоимость компании будущим денежным потокам. Таким образом, модели DCM игнорируют балансовую информацию, связанную со стоимостью фирмы. В результате, модели дисконтированного денежного потока «перемещают» часть стоимости фирмы из балансового листа компании в прогнозируемые денежные потоки (доходы). Это приводит к проблемам, связанным с оценкой терминальной стоимости, которую особенно трудно вычислить для растущих предприятий малого бизнеса. Метод ЕВО (модель Ольсона) не включает терминальную стоимость и имеет дело только с будущим остаточным доходом. Переменные, необходимые для определения стоимости компании с помощью модели Ольсона, легко можно взять из балансового листа компании. Ниже приведен наиболее часто встречающийся вариант формулы ЕВО:

$$\frac{P_t}{B_t} = 1 + \sum_{k=1}^{\infty} \frac{ROE_{t+k} - r_e}{(1 + r_e)^k} \cdot \frac{B_{t+k-1}}{B_t},$$

P_t – стоимость акции в момент t ;

B_t – балансовая стоимость в пересчете на акцию в момент t ;

ROE – доходность капитала;

r_e – стоимость капитала.

Базовая модель ЕВО представляет собой модификацию модели дисконтирования дивидендов и может быть выведена из нее с помощью фундаментальных понятий финансового анализа. Данная модель включает в себя такие комплексные понятия финансового анализа, как балансовая стоимость, будущие доходы, дивиденды, безрисковая ставка доходности, рыночные показатели риска, время. Обычно в качестве безрисковой ставки доходности используются казначейские векселя (T-bonds) с тридцатилетним сроком погашения. Риск акции в базовой модели ЕВО обозначается символом β . Временной промежуток составляет 10 лет.

ЕВО с левереджированной бета идентична базовой модели Ольсона за тем исключением, что бета скорректирована на уровень долгового финансирования. Большой уровень долга увеличивает риск.

Модель Ольсона лучше, чем метод дисконтированных дивидендов, DDM, подходит для оценки стоимости малых компаний, потому что большинство малых фирм совсем не выплачивают дивиденды, а информацию по тем из компаний, которые выплачивают, трудно получить. Модель дисконтированных денежных потоков также имеет существенный недостаток для оценки малых предприятий, поскольку рассчитываются на основе терминальной стоимости – финансовый показатель, который применительно к малой, быстрорастущей компании вычислить особенно сложно. Модель ЕВО не имеет вышеизложенных недостатков, поскольку прогнозирует только величину остаточного дохода.

Список литературы

1. *Ehrbar, A.* (1998), *EVA: The Real Key to Creating Wealth*, John Wiley and Sons.
2. *Heaton, H.B.* (1998). Valuing small business: the cost of capital. *Appraisal Journal*. (Jan, Vol. 66): 11-17.
3. *Olson, E.E. and J.A. Knight.* (1997). *Managing for value*, Handbook of modern finance, WG&L/RIA Group, Boston and New York.
4. Using the Edwards-Bell-Ohlson model to value small and entrepreneurial type businesses MF Spivey, JJ McMillan - Annual Meeting. AmericanAccountingAssociation, 1999
5. *Брейли Р., Майерс С., Аллен Ф.* Принципы корпоративных финансов. Базовый курс, 2-е изд.: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2015.
6. *Грызунова Н.В.* Управление акционерным капиталом: проблемы собственности и конфликт интересов// Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 5. С. 134-138.
7. *Грызунова Н.В., Киселёва И.А.* Управление денежными потоками предприятия и их оптимизация //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7 (340). С. 119-130.
8. *Грызунова Н.В., Киселева И.А.* Методика оценки эффективности уровня корпоративного управления на современных предприятиях// Аудит и финансовый анализ. 2016. № 2. С. 273-278.
9. *Ордов К.В.* Использование модели Ольсона для экспресс-оценки стоимости компании //Аудитор, №4 (254), 2016. С. 34-37.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

MANAGEMENT INFORMATION SYSTEM IN THE SPHERE OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

БАЙРАМОВ Эльмин Вагифович - студент 2 курса магистратуры ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: extent2@yandex.ru).

BAYRAMOV Elmin Vagifovich - second-year student of Magistracy, «Moscow State Humanities and Economics University» (e-mail: extent2@yandex.ru).

Аннотация. Современные организации, в том числе и бизнес-структуры малого и среднего предпринимательства, подразумевают трудоемкие управленческие модели, которые состоят из таких компонентов как основные и оборотные фонды, трудовые и материальные ресурсы и другие - непрерывно трансформируются и оказываются в сложном взаимодействии между собой. Рыночная экономика приводит к увеличению объема и затруднению задач, которые решаются в сфере организации производства, действий по составлению дальнейших планов и анализа, финансовой работы, взаимосвязей между продавцами и покупателями продукции, своевременное управление которыми осуществимо без создания современной автоматизации информационной системы.

Ключевые слова: информация, информационная система, информационные технологии, управление информационной системой, управление предприятием.

Summary. Modern enterprises and firms, including small and medium enterprises represent a complex organizational system, individual components of main and circulating funds, labor and material resources and others - are constantly changing and are in complex interaction with each other. The market economy leads to an increase in the volume and complexity of the tasks solved in the field of production organization, planning and analysis, financial relations with suppliers and consumers, operational management of which is impossible without the organization of a modern automated information system.

Keywords: information, information system, information technology, information system management, enterprise management.

В условиях увеличения количества и интенсивности информационных потоков во внешней и внутренней среде современной коммерческой организации, эффективность управления такой организацией на сегодняшний день все больше зависит от качества управления информацией. Под управлением информацией понимается деятельность по работе с информацией: накопление, обработка и релевантное рыночным запросам представление информации с целью разработки эффективных управленческих решений. Как следствие, проблематика автоматизации бизнес-процессов, связанных с управлением информацией, выходит в среде крупного, среднего и даже малого бизнеса на первый план. Информационные системы, как инструмент управления информацией, приковыва-

ют к себе пристальное внимание бизнес-сообщества и согласно возрастающим со стороны бизнеса требованиям становятся все разнообразнее.

В данном контексте необходимо отметить, что роль инновационных технологий в бизнесе значительно выросла за последние десятилетия, особенно в сфере использования информационных технологий. Стоимость технологий снижается с течением времени, что приводит к снижению затрат на их внедрение, что, в свою очередь, ускоряет темп применения технологий в рамках малых и средних предприятий (МСП) [7, с. 83].

Факторы принятия и внедрения новых технологий для малого и среднего бизнеса:

- поддержка правительства;
- поддержка поставщиком;
- стратегическое принятие;
- принятие пользователем.

Поскольку финансирование ограничено для большинства малых и средних предприятий, роль правительства и внешнего финансирования будет иметь решающее значение в обеспечении МСП в возможности получения опыта и понимания, необходимых для принятия более обоснованных решений в реализации инноваций. МСП могут также испытывать значительную нехватку квалифицированных кадров и могут быть загружены достижением уровня подготовки, требуемого государством для данных технологий. С другой стороны, малые и средние предприятия могут нанимать и обучать сотрудников, которые уже имеют понимание инноваций, чтобы сделать обучение более легким и ускорить внедрение [7, с. 88].

Перед тем как узнать, что такое информационная система, разберемся с понятием «информация».

«Информация (от лат. informatio - разъяснение, изложение) первоначальная - сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.) с середины XX в. - общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом» [4].

На данный момент имеется большое количество определений понятия «система». Считается, что К. Болдуинг одним из первых кто дал объяснил, что такое «система»: «Система - это совокупность из двух и более элементов, удовлетворяющих следующим условиям: поведение каждого элемента, влияет на поведение целого; поведение элементов и их взаимодействие на целое взаимозависимы; если существуют подгруппы элементов, то каждая из них влияет на поведение целого и ни одна из них не оказывает такого влияния независимо» [3].

Главным в понятии «система» - это то, что она представляется в виде единство, а не как простая совокупная величина, которая состоит из 66 элементов. Во время изучения «системы» мало иметь знания, о том, как она действует, также важно понимать, из-за чего она действует именно подобным образом.

Понятие «информационной системы» трактуется достаточно широко. Большинство определений термина «информационная система» интерпретируют его как комплекс данных, технического и программного обеспечения, а также персонала организации, ответственного за обеспечение информационных процессов.

За точку отсчета возьмем следующее определение:

Информационная система – система, предназначенная для хранения, поиска и обработки информации [ISO/IEC] и соответствующие организационные ресурсы (человеческие, технические, финансовые и т. д.), которые обеспечивают и распространяют информацию [6].

Информационные системы обладают широкой классификацией.

Классификация информационных систем управления находится в зависимости от типов процессов управления, степени управления, области деятельности экономического объекта и его организации, уровня автоматизирования управления. Главными классификационными особенностями автоматизационных систем являются:

- степень в системе государственного управления;
- сфера деятельности экономического объекта;
- типы процессов управления;
- уровень автоматизационных информационных процессов.

Согласно данным признакам информационные системы классифицируются:

- по архитектуре (локальные, файл-серверные, клиент-серверные и т.д.);
- по характеру обработки данных (информационно-справочные, поисковые, «решающие» и т.д.);
- по сфере применения (экономические, географические, медицинские и т.д.);
- по масштабу решаемых задач (персональные, групповые, корпоративные и т.д.).

Веб-сайт коммерческой организации в этом случае подпадает под тип «внешняя информационная система», поскольку информация с ее помощью передается из внутренней среды организации во внешнюю. К «внутренним информационным системам» относятся, например, CRM-системы (CRM - Customer Relationship Management, в пер. с англ. «управление взаимоотношениями с клиентами»), поскольку позволяют накапливать внутри организации информацию о потребителях [5, с. 69].

Информационная система управления обязана решать текущие задачи стратегического и тактического планирования, бухгалтерского учета и оперативного управления организацией. Применяя оперативные данные, которые были получены в процессе действия автоматизированной информационной системы, руководитель может запланировать и согласовать ресурсы организации (материальные, финансовые и кадровые), высчитать и дать оценку результатам управленческих решений, нормализовать оперативное управление себестоимостью продукции и т. д. В виде схемы информационную систему управления можно показать таким образом (*рис. 1*).

Информационные системы управления дают возможность:

- увеличивать уровень правильности принимаемых решений благодаря оперативному сбору, предоставлению и обработке информации;
- гарантировать оперативность принятия решений по управлению фирмой в условиях рыночной экономики;
- достигать роста результативности управления благодаря оперативной передаче важных данных руководителям всех уровней управления из объединенного информационного фонда;
- координировать решения, которые принимаются на разных уровнях управления и в различных структурных подразделениях;

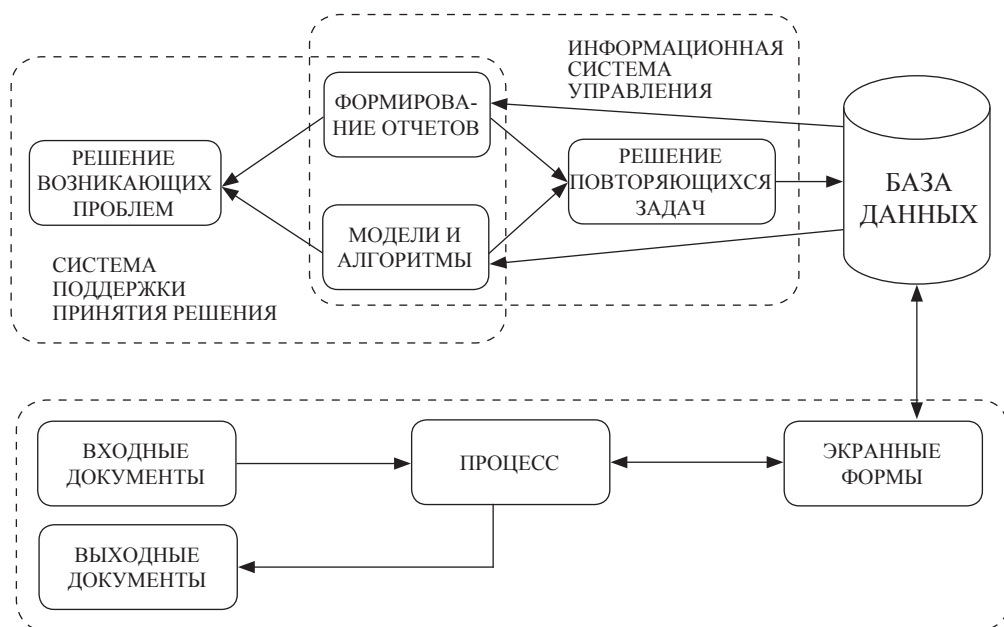

Рис. 1. Информационная система управления

Источник: Александрович Е.В. К вопросу об информационных системах и технологиях в управлении производством // Информационные системы и технологии. - 2008. - № 1-3. - С. 11.

- гарантировать увеличение производительности труда благодаря осведомленности управленческого персонала о нынешнем положении экономического объекта, уменьшение непроизводственных издержек и т. д.

Ключевым элементом автоматизированной информационной системы называют информационные технологии, формирование которых непосредственно взаимосвязано с модернизацией и деятельностью информационной системы.

Информационная технология — это процесс, который основывается на использовании различных методик и способов выполнения операций получения, учета, предоставления, накопления и обработки данных при помощи программно-аппаратного комплекса для решения управленческих задач экономического объекта [8].

Информационные технологии выполняют день ото дня немаловажное значение в функционировании современных организаций. Они трансформируют строение бизнеса, модернизируют совокупность инструментов управления организаций. Установление путей увеличения результативности управления организацией в зависимости от использования современных информационных технологий считается важной проблемой. Последнее время информация, сама по себе, не являлась необходимым активом организаций и предприятий. Управление воспринималось как индивидуальное умение межличностного общения, а не как всеобщий механизм регулирования функционирования участников экономических процессов. В настоящее время далеко не все руководители могут позволить себе нивелирование информационных технологий. На фоне роста значения информационного элемента внешней среды организации, полное их присутствие становится неосуществимым без надлежащих изменений во всех

важных направлениях их жизнедеятельности с точки зрения управляемости и результативности.

Функционирование любого современной организации нельзя представить без использования информационных технологий. На основании данных Госкомстата, количество предприятий, которые используют информационные и коммуникационные технологии по России в 2014 г., в процентах от общего количества исследованных предприятий можно представить следующим графиком (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес предприятий, которые использовали специальные программные средства, в процентах от общего числа обследованных организаций.

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Организации, использовавшие специальные программные средства - всего	68,7	74,8	79,1	84,9	86,6	88,5	88,7	89,1	89,8	86,0	85,3	86,3
из них:												
для решения организационных, управленческих и экономических задач	53,4	59,1	58,0	60,7	59,0	60,8	60,6	59,7	60,3	59,8	59,6	56,2
для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	30,0	32,7	45,7	48,3	53,4	57,3	60,3	59,7	60,9	61,2	61,3	57,0
электронные справочно-правовые системы	-	33,9	39,6	47,3	50,4	54,4	56,2	53,7	55,1	56,5	55,4	53,7
для управления закупками товаров (работ, услуг)	-	-	-	-	-	-	-	-	36,1	36,2	38,6	36,3
для управления продажами товаров (работ, услуг)	-	-	-	-	-	-	-	-	24,3	22,8	22,9	20,3
для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети	14,5	15,3	16,8	15,9	19,3	21,3	23,7	27,8	28,1	29,3	30,8	30,9
обучающие программы	9,9	12,1	11,9	14,0	16,2	16,7	17,3	19,1	19	21,8	18,2	14,8
для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	13,3	13,7	14,0	13,1	13,7	14,4	15,2	18,1	18,1	16,7	16,8	15,5
для проектирования	9,3	10,0	9,7	9,6	9,9	10,7	11,0	11,8	12,1	11,7	11,9	11,9
редакционно-издательские системы	4,4	5,2	5,6	4,7	4,9	5,3	5,4	9,2	7	6,2	5,7	7,1
CRN, ERP, SCM – системы	-	-	-	3,6	5,5	5,6	6,4	7,6	10,2	9,5	10,4	13,5
для научных исследований	3,4	3,5	3,1	3,1	3,1	3,1	3,0	3,3	3,4	3,1	3,1	4,2
прочие	28,6	29,4	30,0	35,9	38,1	40,7	41,2	42,2	43,2	37,7	37,4	32,4

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>. (Дата обращения: 05.02.2017).

Исходя из графика, можно сделать вывод о том, что самую большую популярность специализированные программные средства получили в области решения задач управления предприятием и экономики.

Собственно, в данном сегменте весьма целесообразно применение достаточно сложных информационных систем ввиду специфики и спорности решаемых задач, трудно поддающихся передачи данных при помощи простых математических моделей и, как результат, решению при помощи универсальных программных средств. Помимо этого, довольно большая доля узкоспециализированных программных средств оказываются в сегментах решения справочно-правовых задач и электронных расчетов, что совершенно возможно гарантировать при помощи дополнительных средств автоматизированной информационной системы.

В настоящее время информационные технологии пользуются большим спросом нормально прогрессирующими организациями, которые нуждаются в данном инструменте, кроме всего прочего и для того, чтобы содействовать комплексному развитию. Для руководителей эффективных организаций, которые знают толк в своем бизнесе и его внешнюю среду, информационные технологии не становятся необходимостью. Достаточно наглядно это выражается в орга-

низациях с особо высокой рентабельностью (некоторые крупные предприятия цветной металлургии, добывающих отраслей): информационные технологии не в состоянии незначительно оказать влияние на результативность основного производства и используются на таких предприятиях локально, только в той области, где необходима обработка большого объема информации. В связи с этим отношение к информационным технологиям в таких организациях - как к дополнительному средству, которое повышает практичность и время исполнения некоторых второстепенных функций.

Наивысший результат от ввода информационных технологий достигается только при комплексном подходе к использованию технологий. Бессистемные вложения в вычислительную технику заметного результата не дают и создают негативное отношение к информационным технологиям.

Контроль за выполнением программ и проектов в настоящее время - это ключевая проблема, которая определяет успешность использования информационных технологий. Важен также менеджерский опыт, опыт управления, который тяжело приобрести, посещая тренинги или читая литературу. Получение опыта считается более сложным процессом, нежели овладение технологиями. На сегодняшний день, как мне кажется, это основной барьер для использования информационных технологий в управлении.

Можно акцентировать внимание на следующих ключевых проблемах, которые препятствуют развитию и вводу информационных технологий:

- фактический недостаток элементов организационного процесса использования информационных технологий;
- недостаток людей, которые могут осуществить процесс ввода информационных технологий и довести данный процесс до результата;
- отсутствие отработанной ИТ-стратегии и квалифицированных экспертов,
- отсутствие в организации специалистов с достаточным опытом и квалификацией.

Со временем получится преодолеть эти трудности, информационные технологии конечно станут механизмом увеличения результативности.

Обобщая вышеизложенную информацию, можно сделать вывод о том, что ключевая цель автоматизированной информационной технологии - получение первичных данных с помощью обработки информации инновационного качества, на базе которой формируются оптимальные управленческие решения. Это достигается посредством интеграции данных, обеспечения ее своевременности и соответствия, применения передовых технических средств для ввода и деятельности качественно новых форм информационного содействия деятельности аппарата управления. Информационная технология справляется с значительным повышением объемов обрабатываемой информации и приводит к уменьшению сроков ее обработки. Информационная технология - самый важный элемент процесса применения информационных ресурсов в управлении.

Глобальное применение информационных технологий оказывает все более усиленное воздействие на жизнь каждого члена общества. Ввод информационных технологий связано с некоторыми проблемами: кардинальное увеличение производительности труда, избавление сотрудников от обыденных операций. Информационные системы обладают стремлением не просто повысить эффективность обработки данных, но и помочь управленцу. Соответствующие ин-

формационные технологии обязаны оказать помощь предприятию удержаться во время конкурентной борьбы и получить преимущество.

Список литературы

1. ISO/IEC 2382-1:1993. Information technology - Vocabulary - Part 1: Fundamental terms.
2. *Александрович Е.В.* К вопросу об информационных системах и технологиях в управлении производством // Информационные системы и технологии. 2008. № 1-3. С. 10-14.
3. *Болдуинг К.* Общая теория систем - скелет науки [Текст]: [пер. с англ.] К. Болдуинг / Исследования по общей теории систем - М.: Прогресс, 1968.
4. Большой Российский энциклопедический словарь [Текст]. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.
5. *Ведров Е.С.* Инфограция: новый подход к оценке качества информационных систем. // Транспортное дело России. - 2015. - № 6. - С. 69-71.
6. *Невдяев Л.М.* Телекоммуникационные технологии. Англо-русский толковый словарь-справочник. Под редакцией Ю.М. Горностаева - М, 2002.
7. *Петухов А.* Внедрение и управление инновационными технологиями в малом и среднем бизнесе (МСП): 3Б-Визуализация. // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2014. - № 12. - С. 83-90.
8. Российский статистический ежегодник. 2007 [Текст]: Стат.сб./Росстат. - Р76 - М., 2007.
9. *Шепталин Г.А.* Процессный подход к управлению информационной системой инновационно-активного предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. - 2009. - № 41 (174). - С. 52-57.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОГРАММНО- ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

SYSTEM SIMULATION OF PROGRAM-ORIENTED MANAGEMENT OF REGIONAL DEVELOPMENT OF THE ROSTOV REGION

ДЫННИК Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры «Экономика и инновационные рыночные исследования» ЧОУ ВО «Южный Университет (ИУБиП)» (e-mail: dynnik.dmitry@yandex.ru).

DYNNIK Dmitry Igorevich - graduate student of the department «Economics and innovative market research» «Southern University (IUBiP)» (e-mail: dynnik.dmitry@yandex.ru).

Аннотация. Проблемы развития регионов обусловлены не только общей социально-экономической ситуацией, но и неэффективностью региональной политики. Несовершенство методов оценки уровней развития в методиках является одной из причин необъективности оценок эффективности управления развитием региона. Современное развитие региональной экономики ставит перед властями задачи обеспечения не только правового регулирования, но и повышения уровня социально-экономического развития. Возрастание значения региональной экономики в развитии всей страны возникает необходимость внедрения имитационного моделирования процессов в социально-экономической сфере.

Ключевые слова: моделирование, программно-целевое управление, социально-экономическое развитие, государственная программа.

Summary. Regional Development Problems arise not only from the general socio-economic situation, but also the ineffectiveness of regional policy. Inadequate levels of assessment methods development techniques is one of the reasons for bias estimates of management of development effectiveness in the region. Modern development of the regional economy confronts the authorities to ensure the problem is not only the legal regulation, but also increase the level of socio-economic development. The increase in the value of the regional economy in the development of the whole country there is a need for the introduction of simulation processes in the socio-economic sphere.

Keywords: simulation software and target management, socio-economic development, the state program.

Реальное состояние региона и возможные варианты развития тесно связаны с экономическим потенциалом и эффективностью его использования, и качеством управления.

В российской практике существует 3 основных сценария социально-экономического развития территории:

1. Основывается на интенсивном использовании природных ресурсов при минимальной степени внедрения инноваций.

2. Основывается на инновациях и привлечением инвестиций.
3. Основывается на использовании внутренних материальных и нематериальных ресурсов.

При реализации любого сценария развития управленческие решения должны:

- основываться на объективных оценках;
- учитывать прогноз изменений;
- оценивать принимаемые решения по их влиянию на цели развития региона.

В целях объективной оценки для принятия управленческого решения применяют методы имитационного моделирования [2]. Эти модели относят к классу перспективных. Имитационное моделирование является способом наглядного представления замысла и сценария развития региона. Достоинством является то, что в модель закладывается ряд сценариев развития. Его используют в Венгрии при анализе социально-экономического состояния государства, и модель прилагается к бюджету в качестве общего плана развития. В России метод имитационного моделирования не столь актуален. Во многих научных работах предлагается ввести этот метод в качестве основных при разработке Целевых Программ.

Имитационное моделирование на основе программно-целевого подхода является, с точки зрения автора, одним из самых эффективных инструментов при реализации Программ, в том числе и при их составлении. На *рис. 1* представлена укрупненная имитационная модель развития Ростовской области. Данные послужившие для моделирования являются независимые оценки экспертов стран СНГ, изучающие проблемы социально-экономического развития [6].

Так, эксперты оценили социально-экономическое положение Ростовской области по 10-балльной шкале. Мы видим, что трансферты из федерального

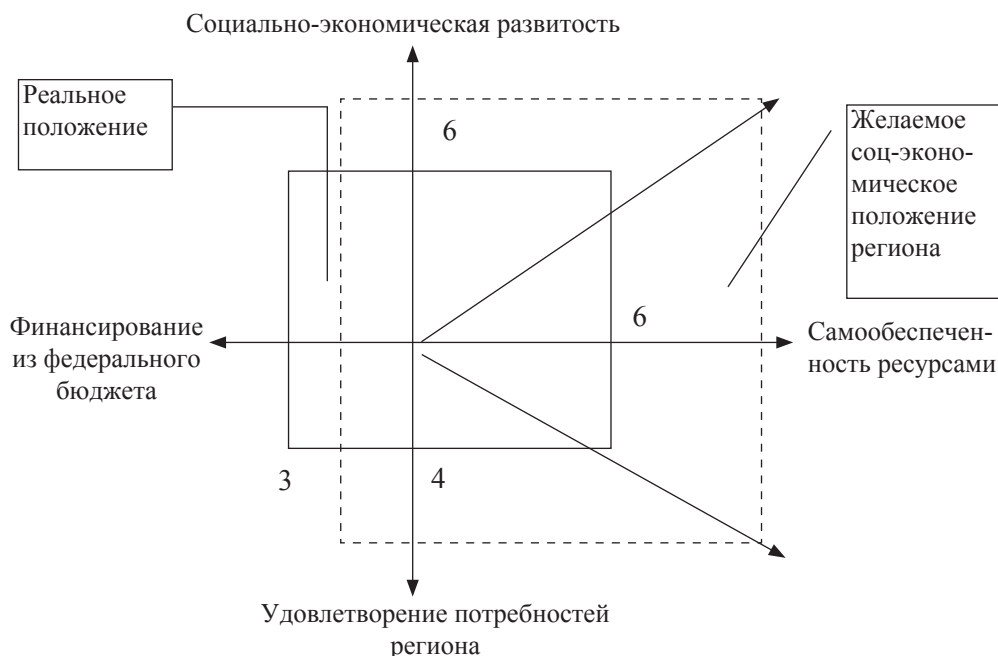

Рис. 1. Укрупненная имитационная модель сравнительного позиционирования Ростовской области

бюджета оценены в 3 балла по сравнению с прошлым годом – 5. Отслеживается динамика самодостаточности региона, т.е. область уже не так зависит от субсидий, субвенций и дотаций из центра. Она может уже сама себя обеспечивать финансовыми ресурсами на выполнение публичных обязательств и развития социально-экономической сферы.

Социально-экономическая развитость региона оценена в 6 баллов (по сравнению с прошлым годом – 5 баллов). По сравнению с ЮФО, Ростовская область в лидерах по этому показателю, опередив Краснодарский край. Причина роста этого показателя заключается в том, что с 2012 года Правительство Ростовской области заключает несколько договоров государственно-частном партнерстве, также привлекла инвестиции в регион, и самое главное реализовывала областные программы развития.

Самообеспеченность ресурсами, в том числе трудовыми [11] и природными, остались на тоже уровне, как и годом ранее. А вот с потребностями региона ситуация иначе. По сравнению с прошлым годом этот показатель оценивался в 5 баллов. Снижение на 1 пункт связан со стагнацией в экономике, не только в Ростовской области, но и по России в целом. Это циклическое явление, после которого пойдет рост в экономике [1, 4].

Для Ростовской области характерно равномерное распределение рисков не реализации мероприятий, предусмотренной Программой развития. Но, тем не менее, из модели видны приоритетные направления развития региона, конечно без усилий Администрации области не обойтись. К приоритетным направлениям можно отнести строительство жилья в сельской местности, заключение договоров ГЧП, увеличение объемов производства [10]. Все эти направления обеспечивают рост социально-экономического развития области [11], также поступления в региональный бюджет, что снижает уровень зависимости помощи из центра.

Имитационное моделирование социально-экономического развития региона является приоритетным инструментом для выявления проблемных сфер и выявление скрытого потенциала субъекта. Для проблемных сфер разрабатывается Программа на основе модели. Имитационную модель можно детализировать пошагово, что позволяет отслеживать ход исполнения программы и рассчитывать текущую эффективность (социальную и финансовую).

Далее произведем эконометрическое моделирование поступления денежных средств в бюджет и их расходование на примере Ростовской области. Бюджет области входит в 20-ку самых крупных бюджетов субъектов РФ [4]. При помощи этого централизованного денежного фонда область отвечает по своим публичным обязательствам перед гражданами области. Бюджет играет главную роль в экономическом и социальном развитии, применяя перераспределительную функцию, он стимулирует отрасли специализации региона, которые находятся в данный момент в упадке. Проблема состоит в том, что бюджет области дефицитен. Область не может полностью отвечать по своим обязательства, и поэтому ждет помощи из центра. Для решения этой сложной ситуации необходимо искать оптимальные пути решения.

Эконометрическое моделирование поможет спрогнозировать доходы и расходы бюджета Ростовской области. Для прогнозирования используем метод экстраполяции, который заключается в приложении определенной для базисного периода тенденции развития экономического процесса к прогнозируемому

периоду. Определим тенденцию поступления денежных средств в бюджет и их расходование, применив линейную функцию $y = a_0 + a_1 * t$. Для построения линии тренда составим систему уравнений регрессии (формула 1):

$$\begin{cases} \sum Y_i = A_0 * n + A_1 * \sum T_i \\ \sum Y_i * T_i = A_0 * \sum T_i + A_1 * \sum T^2 \end{cases} \quad (1)$$

где Y_i – результативный признак (доходы или расходы) i -го периода;

A_0, A_1 – коэффициенты уравнения регрессии;

n – количество периодов;

T_i – общая сумма периодов.

В табл. 1 приведены итоги расчетов системы уравнений регрессии по доходам и расходам.

Таблица 1. Итоги расчетов системы уравнений регрессии по доходам и расходам

Год	t	Доходы (y), млрд.руб	t^2	ty	Расходы (f), млрд.руб	tf
2012	1	107,2	1	107,2	106,2	106,2
2013	2	100,8	4	201,6	110,6	221,2
2014	3	99,1	9	297,3	103,3	309,9
2015	4	120,1	16	480,4	131,8	527,2
Сумма	10	427,2	30	1086,5	451,9	1164,5

Из табл. 1 выводим систему уравнений регрессии отдельно по доходам и расходам:

$$\begin{cases} A_0 * 4 + A_1 * 10 = 427,2 \\ A_0 * 10 + A_1 * 30 = 1086,5 - \text{для уравнения регрессии по доходам;} \\ B_0 * 4 + B_1 * 10 = 451,9 \\ B_0 * 10 + B_1 * 30 = 1164,5 - \text{для уравнения регрессии по расходам.} \end{cases}$$

Решив системы уравнений регрессии методом Крамера, мы получаем коэффициенты и уравнения тренда. Итоги представлены в табл. 2.

Таблица 2. Итоги расчетов системы уравнений регрессии

Коэффициент	Система уравнений по доходам	Система уравнений по расходам
A_0	97,5	-
A_1	3,7	-
B_0	-	95,6
B_1	-	6,95
Уравнение тренда	$Y=97,5+3,7*T$	$Y=95,6+6,95*T$

При помощи уравнивания линии тренда региональные власти могут спрогнозировать будущие доходы и расходы областного бюджета. И при необходимом случае подготовить мероприятия для покрытия дефицита на основе региональных программ развития.

Используя линию тренда, произведен расчет прогноза по доходам и расходам бюджета по Ростовской области. Данные представлены в *табл. 3*

Таблица 3. Прогноз поступления средств в областной бюджет и его расходование в миллиардах рублей

Год	Доходы областного бюджета	Расходы областного бюджета
2012	107,2	106,2
2013	100,8	110,6
2014	99,0	103,3
2015	120,1	131,8
2016	116,0	130,3
2017	119,7	137,3
2018	123,4	144,2

Как видно из прогноза до 2018 года ситуация с формированием доходной части бюджета плачевна. Увеличение суммы расходов заставляет искать новые источники покрытия дефицита бюджета уже сейчас [10]. Поэтому реализация государственных программ Ростовской области направлена не только на развитие социальной и экономической сфер, но и на формирование доходов бюджета и сокращение дефицита бюджета. Также это было озвучено в Инвестиционном послании Губернатора Ростовской области Голубева В.Ю. в декабре 2015 года.

По мониторингу социально-экономического развития Ростовская область находится на высоком уровне (по данным министерства экономического развития Ростовской области). В регионе есть потенциал для развития, которые раскрывают государственные Программы. Приоритетным направлением является экономическое развитие отраслей, поддержка и развитие малого и среднего бизнеса [11], и инновационная экономика [10]. Все эти сферы помогут сократить дефицит бюджета, при условии эффективного использования финансовых ресурсов, выделяемых на программы. По окончании реализации программ область должна выйти на новый уровень по социально-экономическим показателям (*рис. 1*).

Система оценки эффективности работы органов управления регионом по социально-экономическому развитию является важнейшей характеристикой качества планов и результатов их деятельности [10]. Она позволяет дать объективную оценку деятельности органов управления [3].

В настоящее время в теории государственного управления отсутствует единство мнений по концептуальным основам определения результатов управления. Традиционная концепция оценки результатов деятельности основывается на определении эффективности, т.е. на использовании категории, разработанной для оценки производства.

Методическое и инструментальное обеспечение системы оценки программно-целевого управления региональным развитием включает разработку:

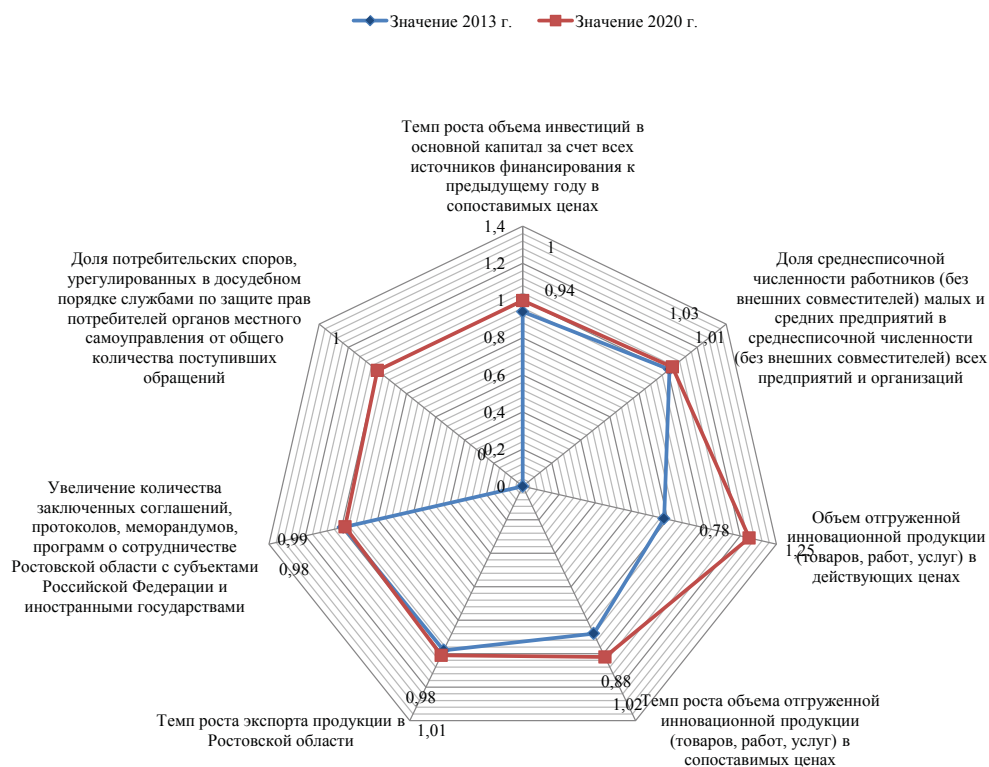

Рис. 1. Состояние Ростовской области в 2013 г. и прогноз состояния к 2020 году Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» [1, 2]

- методов объективной оценки уровня, потенциала и стабильности социально-экономического развития территории;
- способа объективной оценки значимости характеристик «точек роста» Ростовской области и развития для населения (выделение и оценка общественно-значимых результатов деятельности региональных органов управления).

Сведение характеристик результативности управления и удовлетворенности населения деятельностью органов управления не представляются в виде монопоказателя, а образуют матрицы.

Для ранжирования и агрегирования показателей социально-экономических условий естественно выразить их в форме, одинаковой по направленности. Иначе говоря, чем больше значение каждого фактора, тем лучше положение потребителей при прочих равных условиях (формула 2):

$$\Phi_c = \frac{(\phi_1 + \phi_2 \dots + \phi_n)}{n}, \quad (2)$$

где Φ_c – совокупное развитие эффективности всех социально-экономических программ;

ϕ_1, ϕ_2, ϕ_n – эффективность отдельно взятой целевой программы;

n – количество социально-экономических программ.

Оценка результатов выполнения социально-экономических программ развития Ростовской области позволяет судить об эффективности управления про-

цессом ее реализации [10]. Такая оценка дает возможность делать выводы о правильности выбранной стратегии развития, а также используется при разработке целей и приоритетов программы развития региона.

Оценку эффективности социально-экономического развития Ростовской области проведем, используя методику Смирнова В.В., которая основана на методологическом подходе в оценке функции полезности двух взаимодополняемых благ, а также аналитическую информацию, основанную на действующей государственной статистической отчетности [4].

Методика оценки эффективности с Ростовской области основана на анализе функциональных зависимостей наиболее значимых и в тоже время достаточных показателей по эмпирической формуле 3.:

$$P = F(X, Y, Z) = \frac{f(x, z)}{f(x, z) + f(y, z)} * \frac{f(y, z)}{f(x, z) + f(y, z)}$$

где $f(x, z)$ – функциональная подсистема зависимости объема платных услуг на душу населения от ВРП на душу населения (является донорской подсистемой);

$f(y, z)$ – функциональная зависимость среднедушевых денежных доходов населения в месяц от ВРП на душу населения (является акцепторной подсистемой).

В качестве примера, возьмем данные Ростовской области и произведем оценку эффективности социально-экономического развития области (табл. 4, 5).

Таблица 4. Анализ эффективности подсистем Ростовской области за 2015 год.

Подсистемы	Ех	Еу	ЕР
Производственная	0,341	0,702	0,270
Социальная	0,302	0,711	0,220
Инвестиционная	0,320	0,712	0,230
Инновационная	0,330	0.785	0,221

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 5.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа оценки эффективности регионального развития Ростовской области

Подсистемы	Функции
Производственная	$Z=5129,23+0,74X+1,75Y$
Социальная	$Z=4587,82+6,93X+8,81Y$
Инвестиционная	$Z=2675,82+2,09X+0,27Y$
Инновационная	$Z=19847+3,97X+28,69Y$

На основе регрессионного анализа и анализа эффективности управления подсистем Ростовской области можно сделать вывод о необходимости разработки динамической модели.

При разработке модели социально-экономического развития региона необходимо учитывать новые реалии и вызовы, произошедшие в мировой экономи-

ке [4]. Кроме того, важной проблемой при формировании системы показателей модели, требующей решения в данном случае, является обоснование выбора того или иного показателя. Для этого необходимо создать проектную площадку на региональном уровне, которая будет решать эти задачи.

Список литературы

1. Официальный сайт Правительства Ростовской области. Режим доступа: <http://www.donland.ru/> (дата обращения: 10.04.2016).
2. Официальный сайт министерства экономического развития Ростовской области. Режим доступа: <http://mineconomikigo.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Клочко Е.Н. Виртуальные взаимодействия социально-экономических систем в координатах региональной экономики. Режим доступа: монография /Клочко Е.Н., Новиков В.С. - Электрон. текстовые данные. - Краснодар: Южный институт менеджмента, 2013.: <http://www.iprbookshop.ru/25961>. - ЭБС «IPRbooks», по паролю. (дата обращения: 05.03.2016).
4. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Анализ эффективности реализации программно-целевого управления социально-экономическим развитием ростовской области //Новые технологии. – 2015. - №2.
5. Система государственного управления: учебное пособие/ С.Ю. Наумов [и др.]. - Электрон. текстовые данные. - М.: Форум, 2010. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/1212>. - ЭБС «IPRbooks» (дата обращения: 11.09.2016).
6. Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления. Институты и интересы. - М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2012. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/13093>. - ЭБС «IPRbooks» (дата обращения: 11.09.2016).
7. Брюханова Н.В., Сергиенко Л.С. Формирование системы кадрового обеспечения процессов социально-экономического развития региона /НОУ ВПО ИУБиП, 2013 – Режим доступа <http://elibrary.ru/item.asp?id=21020497>. (дата обращения: 11.09.2016).
8. Брюханова Н.В. Экономико-математические методы принятия решений в сфере малого бизнеса на основе когнитивного моделирования [Электронный ресурс] диссерт. – Режим доступа <http://elibrary.ru/item.asp?id=16102798>. (дата обращения: 11.09.2016)
9. Дынник Д.И. Методология оценки эффективности программно-целевого управления региональным развитием. [Электронный ресурс] / ЧОУ ВО ЮУ ИУБиП, 2015 – Режим доступа <http://elibrary.ru/item.asp?id=25588418>. (дата обращения: 11.09.2016).
10. Литвиненко И.Л. Государственная поддержка инноваций: российский и зарубежный опыт //Международный научно-исследовательский журнал. - 2013. - № 8-3 (15). - С. 40-41.
11. Руднев В.Н., Егоров П.А., Гаах Н.А. Этика и деловой этикет. Москва, 2006.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ, ИНКЛЮЗИИ И ЭКСКЛЮЗИИ В ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ИНВАЛИДОВ-КОЛЯСОЧНИКОВ

THE PROCESSES OF SOCIAL INTEGRATION, INCLUSION AND EXCLUSION ON EXAMPLE OF WHEELCHAIR USERS

ШИМОЛИНА Мария Викторовна – аспирант 3-го года обучения специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС) (e-mail: Mahanka-1408@mail.ru).

SHIMOLINA Mariya Victorovna – the 3rd year post-graduate student, specialty 22.00.04 «Social Structure, Social Institute and Social Process», The Department of Philosophy, Sociology and Law, Far Eastern State Transport University (FESTU) (e-mail: Mahanka-1408@mail.ru).

Аннотация. Современные социологи разнятся в определении и использовании таких терминов как инклюзия, эксклюзия и интеграция, интерпретируя данные термины по-своему. В статье автор делает попытку разграничить основные понятия, выявить схожие и различные черты, а также определить наиболее точный термин для процесса, затрагивающего активизацию жизнедеятельности инвалидов-колясочников в обществе. Тема данной статьи является актуальной, поскольку рассматривает важную на сегодняшний день проблему использования терминов наиболее точно характеризующих новейшие процессы в современном российском обществе. Цель работы - рассмотреть процесс самопозиционирования инвалидов-колясочников в обществе с точки зрения терминологии, поскольку конкретного и точного определения данному явлению не существует.

Ключевые слова: инклюзия, эксклюзия, интеграция, адаптация, инвалиды-колясочники, самопозиционирование.

Summary. Today in sociological society there are several definitions of such terms as inclusion, exclusion and integration. So the problem of correct usage of terms characterizing the main processes in modern Russian society is of current interest. In this paper author tries to identify similar and different features in these concepts to clarify them as well as to determine the most accurate term for the process describing the activation of the wheelchair users' life at the society. The main purpose of this work is to study the processes of self-positioning of wheelchair users in the society and to describe these processes by discussed terms.

Keywords: inclusion, exclusion, integration, adaptation, wheelchair users, self-positioning.

В 2012 году Российской Федерацией была ратифицирована Конвенция ООН «О правах инвалидов», принятая Генеральной Ассамблеей 13 декабря 2006 года. Согласно тексту вышеупомянутого документа, страны-участники данной

Конвенции признают тот факт, что инвалидность, как явление, является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. Цель же данной Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства [1]. Этот документ является своеобразным началом реализации в современном обществе масштабной кампании по адаптированию всех сфер жизнедеятельности общества к универсальным, доступным для всех, условиям. В свою очередь это должно привести к значительному улучшению качества жизни инвалидов, а также отразиться на уровне их активности в обществе.

На сегодняшний день специалистами наблюдаются первые признаки повышения активности такой социально-незащищённой группы как инвалиды-колясочники. На наш взгляд, этот процесс можно охарактеризовать как переход инвалидов из группы аутсайдеров общества в группу активных и самообеспеченных граждан. Однако точного научного термина, который отражал бы данный процесс, в социологии не используется. Разные социологи предпочитают разные термины и понятия, среди которых выделились несколько: инклюзия, эксклюзия и интеграция. Посредством нового самопозиционирования, которое характеризует их как активных граждан, инвалиды-колясочники привнесли определённые изменения в общество, которые носят последовательный характер. Новое самопозиционирование заключается в более активном образе жизни, попытках отказаться от позиции иждивенцев государства» и стать самообеспеченными гражданами, приносящими пользу обществу. Таким образом, всё это можно рассматривать как процесс внедрения инвалидов-колясочников в активную часть социума, который, однако, не носит точного названия. В данной статье мы рассмотрим такие термины как: интеграция, инклюзия и эксклюзия, и определим, какой из них наиболее точно отражает процесс включения инвалидов-колясочников в современное российское общество. Для изучения этой темы мы обратились к трудам таких учёных как В. Ярская, И. Россихина, Ф.М. Бородкин, а также А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др.

Как было сказано выше, при определении данного процесса нами были выбраны несколько терминов, которые с той или иной стороны могут охарактеризовать вышеупомянутый процесс.

Наиболее интересны для рассмотрения термины «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия», поскольку на наш взгляд именно эти термины подходят для использования в дальнейшем изучении процессов, связанных с взаимодействием колясочников и общества. Также имеет смысл упомянуть, что данные термины неразрывно связаны друг с другом. На сегодняшний день в социологии и лингвистике идут споры по окончательному использованию данных терминов, поэтому понятия социальной инклюзии и социальной эксклюзии не имеют однозначного и чёткого определения. Дословный перевод слова инклюзия (с англ. inclusion) — включение, добавление, прибавление, присоединение. В. Ярская, в своих работах под социальной инклюзией в широком смысле понимает «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу» [9]. На сегодняшний день ошибочно принято считать, что

термин инклюзия чаще всего следует использовать специалистам-практикам в сфере образования в отношении детей инвалидов, обозначая приобщение таких детей к образовательному процессу. Об этом также упоминает в своих работах И.Г. Россихина «...большинство общественных дискуссий по теме социальной инклюзии сосредоточено на проблемах людей с ограниченными возможностями (и, прежде всего, детей), что создает представление о применимости инклюзии лишь в качестве подхода к обучению детей с ограниченными возможностями в рамках учреждений системы общего образования»[2]. Однако, на наш взгляд, данный термин можно рассматривать и с точки зрения внедрения инвалидов-колясочников в активную жизнедеятельность общества. Стоит отметить, что это внедрение происходит посредством нового самопозиционирования инвалидов в обществе. Другими словами процесс «включения» в данном случае будет заключаться в том, что эта маломобильная группа населения, номинально являясь частью общества, присоединяется к активной жизнедеятельности остальной части общества.

На наш взгляд, процесс инклюзии это обратная сторона процесса эксклюзии. Термин *эксклюзия* в переводе с латинского *exclusio* означает исключение. Многие авторы, ссылаясь на работы Ч. Гора, предполагают, что впервые данный термин стал использоваться в 1974 г. во Франции для обозначения социально незащищённых категорий населения, к которым относились умственно и физиологически зависимые люди, склонные к суициду, пожилые, инвалиды, маргиналы, дети-сироты и другие «аутсайдеры» общества. Важно отметить, что социальную эксклюзию различают и как ситуацию и как понятие. В ситуативном восприятии термин *социальная эксклюзия* используется как синоним бедности и нищеты. Понятие же «социальной эксклюзии» будет шире, поскольку оно также может отражать различные культурно-этнические, религиозные, экономические и другие обстоятельства в обществе. Таким образом, процесс социальной эксклюзии в обществе выражается в исключении определённой социальной группы (или индивида) от основного социума (общества). На первый взгляд эксклюзия точно отражает позицию инвалидов-колясочников в обществе, поскольку факт отторжения колясочников обществом имеет место быть. Для них не приспособлены большинство зданий и улиц, нет рабочих мест, нет специального общественного транспорта и т.д.. Важно понимать, что социальная эксклюзия проявляется не только в отношении одной (большей) части общества к меньшинству, но и в моментах организации и обеспечении жизнедеятельности эксклудированной группы населения. Учитывая вышеперечисленные критерии доступности, обеспечения и приспособленности, можно сделать вывод, что инвалиды-колясочники являются эксклудированной группой в современном российском обществе.

Сложившуюся ситуацию инвалиды-колясочники, на наш взгляд, могут изменить новым самопозиционированием, признаки которого мы можем наблюдать в последнее время в виде всё более активной жизнедеятельности инвалидов. Если рассматривать процесс эксклюзии через призму нового самопозиционирования колясочников, то мы можем предположить, что социальная эксклюзия будет заключаться в «выходе» колясочников из группы так называемых аутсайдеров общества. Важно отметить, что характер данного процесса социальной эксклюзии носит добровольный характер. Также следует добавить, что существование такого добровольно исключения признавал английский социолог

Э.Гидденс. Среди отечественных учёных, которые затрагивали социальную эксклюзию в своих трудах, следует отметить профессора Бородкина Фридриха Марковича — доктора экономических наук, поскольку его работы внесли большой вклад в понимание современными авторами такого явления как социальная эксклюзия. В своей работе «Социальные эксклюзии» Ф.М. Бородкин подробно рассматривает социальную эксклюзию с разных сторон.

Как было сказано выше — эксклюзия это обратный процесс явлению инклюзия. Уход колясочников из группы аутсайдеров — это одновременно означает приход (включение) инвалидов в активную часть общества. Другими словами колясочники эксклюзируются от аутсайдеров и инклюзируются в другую — успешную часть населения, посредством нового самопозиционирования своей социальной группы. Таким образом, данный процесс можно одновременно охарактеризовать как постепенную инклюзию колясочников в активное общество и их эксклюзию из группы аутсайдеров общества. При этом весь этот процесс перехода (эксклюзия) из одной части — в другую (инклюзия) можно воспринимать как социальную интеграцию.

Существует несколько теорий социальной интеграции: в одном случае её противопоставляют социальной инклюзии, в другой используют как взаимозаменяемый инклюзии процесс. Однако термин интеграция значительно шире термина инклюзия. Социальная интеграция в переводе с латинского *integratio* - восстановление, восполнение; лат. (*integer* — целый). Немецкий ученый Гюнтер Эндрувайт даёт следующее определение социальной интеграции: «В самой общей системно-теоретической формулировке интеграция представляет собой процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы». Такая постановка определения полностью отражает теорию нового самопозиционирования инвалидов в обществе, идея которого выражается в утверждении «мы не хуже, мы такие же, как все». Этим заявлением они дают обществу понять, что они не хотят, чтобы их приравнивали к аутсайдерам, а приняли в обществе, и дали самореализоваться уже в составе «успешной» части населения.

Если обратиться к современным социологам, то, по мнению А.А. Грицанова и В.Л. Абушенко социальной интеграцией является процесс превращения относительно самостоятельных малосвязанных между собой объектов (индивидов, групп, классов, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью её частей на основе общих целей, интересов и т.д. [4]. Также частичное подтверждение выдвигаемой нами теории можно встретить в работе «Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия» И.Г. Россихиной и М.С. Астоянц. В своей работе они пишут: «... социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция — как результат этого процесса. Таким образом, инклюзия представляет собой активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции». Также в этой работе авторы подчёркивают, что «... инклюзия касается конкретно данной социальной группы, а интеграция — процесс, который происходит в самом обществе» [2].

Таким образом, в своей теории мы предлагаем считать интеграцией весь процесс движения какой-либо социальной группы в обществе, который будет состоять из двух других процессов — эксклюзии и инклюзии, где эксклюзия

это процесс «отсоединения» социальной группы от одной части общества, а инклюзия - «присоединение» этой группы к основной части общества. Если схематично изобразить данный процесс, то он будет выглядеть следующим образом:

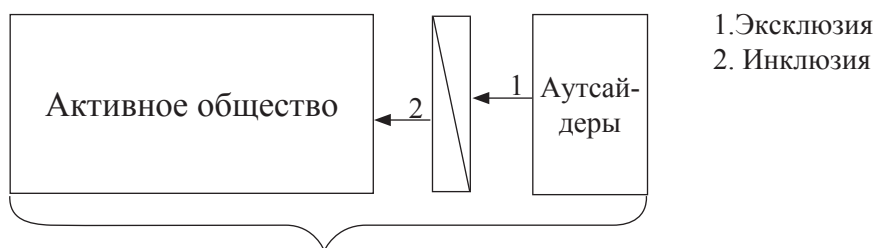

Рис. 1. Движение социальной группы инвалидов-колясочников в обществе

Выше были рассмотрены наиболее подходящие, на взгляд автора, термины, которые, так или иначе, характеризуют данный процесс. Однако следует учитывать, что все вышеупомянутые термины применяются лишь в теоретической части. Анализ терминологии был бы не полным без рассмотрения терминов использующихся в практике, поскольку с данной социально-незащищённой группой населения взаимодействуют именно социальные работники и сотрудники различных медицинских и других служб, которые оказывают необходимую поддержку данной социальной группе. Основными терминами, которые могут охарактеризовать процессы, связанные с инвалидами и используются в практической сфере, являются «*социальная адаптация*» и «*социальная реабилитация*». Необходимо определить, что представляют собой данные термины, и какое место они занимают в глобальном процессе включения инвалидов в активную жизнедеятельность общества.

Л.А. Карпенко даёт следующее определение «социальной адаптации» - (от лат. *adapto* — приспособляю и *socialis* — общественный) – это постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды [6]. Следует учитывать, что практическая особенность социальной адаптации заключается в поддержке инвалида в приобретении новых навыков, знаний и умений, а также нового места в обществе, ранее им не занимаемого. В свою очередь, согласно Ф.А. Брокгаузу, под социологической средой следует понимать это все то, что окружает человека в его социальной жизни: это конкретное проявление, своеобразие общественных отношений на определенном этапе их развития [3]. При этом не следует путать этот термин с термином «*социальная реабилитация*», несмотря на то, что эти термины часто применяются вместе и по значению довольно близки.

Определение данному термину содержится в Российской энциклопедии по охране труда, авторы которой М.Ю. Зурабов и А.Л. Сафонов, в которой социальная реабилитация определяется как программа преодоления чувства неполноценности, возникшего в связи с возрастом или потерей трудоспособности. Осуществляется посредством вовлечения человека в коллективный труд и отдых, привлечения к информировано-культурным источникам – библиотекам, музеям, театрам и т.д. [4]. Также следует отметить, что социальную реабилитацию можно рассматривать с нескольких аспектов – медицинского, профессионального, бытового и других.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что термин социальная реабилитация основывается на преодолении чувства неполноценности, посредством различных методик, применяемых специалистами в различных реабилитационных центрах. Также можно предположить две теории взаимодействия этих процессов. С одной стороны процессы социальной адаптации и социальной реабилитации тесно связаны, как один процесс, следующий за другим. Другими словами после реабилитации инвалида, посредством определённых методик, инвалид адаптируется в общество, с помощью мероприятий направленных на приспособление инвалида в общества. С другой стороны адаптация может являться одним из методов реабилитации инвалида. Поскольку социальная адаптация заключается в вовлечении инвалидов в общественную жизнь, посредством социокультурной деятельности, в которую входят их участие в различных мероприятиях, общение, посещение общественных мест, общение в группах, активный досуг и т.д., то все эти действия косвенно способствуют процессу реабилитации. Подтверждение этому звучит и в самом определении термина «социальная реабилитация» в Российской энциклопедии по охране труда (см. выше).

Однако следует учитывать, что существуют другие подходы к определению взаимосвязи данных процессов. Иногда процесс социальной реабилитации рассматривают как совокупность мероприятий, осуществляемых государственными, частными, общественными организациями, направленных на защиту социальных прав граждан. При этом процесс социальной реабилитации представляет собой процесс действия личности и общества, которое включает в себя, с одной стороны, способ передачи индивиду социального опыта, способ включения его в систему общественных отношений, с другой стороны, процесс личностных изменений [7, 8].

Помимо всего немаловажной особенностью, разграничивающей данные понятия, является тот факт, что реабилитация направлена на преодоление моральных и духовных проблем (а именно чувства неполноценности), а адаптация непосредственно на вовлечение инвалида в активную жизнедеятельность. Также следует учитывать, что социальная адаптация и реабилитация – процессы, которые, в первую очередь применяются в практической деятельности социальных работников.

Немаловажно упомянуть то, что кроме цели адаптации, заключающейся в приспособлении инвалида к социуму, существует более глобальная цель – сделать инвалида самостоятельным и самообеспеченным. Эту цель ставят перед собой не только сами колясочники и работники социальной сферы, но и государство. О заинтересованности государство мы можем судить по документации, принимаемой и утверждаемой правительством, к которым относятся Законы, нормативные акты, ГОСТы и т.п.. Так, в ГОСТ Р 52495-2005 «Национальный стандарт РФ. Социальное обслуживание населения. Термины и определения» даётся определение термину «самообеспечение»: это самостоятельные действия клиента, заключающиеся в поддержании и улучшении личного жизненного уровня и жизненного уровня семьи. Таким образом, можно предположить, что у государства, которое реализует различные программы по реабилитации и адаптации инвалидов стоит цель сделать таких людей самообеспеченными и самостоятельными. Нынешняя позиция иждивенцев государства невыгодна ни обществу, которое претерпевает изменения в восприятии такой группы населения, ни государству, которое содержит и обеспечивает таких граждан. Та-

ким образом, процессы социальной адаптации и реабилитации – можно считать ответом общества и государства инвалидам на их желание инклюзиваться в активную часть общества.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что изучение процессов инклюзии, эксклюзии и интеграции на сегодняшний день является недостаточно изученным в российской социологии. Следует учитывать, что все эти процессы в некотором роде были позаимствованы из зарубежной культуры, которая не только фиксирует, регулирует и изучает процессы социальной интеграции, инклюзии и интеграции на протяжении длительного времени, но и разрабатывает и реализует программы социальной реабилитации и адаптации. Также необходимо упомянуть, что эти программы признаны различными международными организациями эффективными и подобный успешный опыт в реализации таких программ перенимают многие страны. Тот факт, что на сегодняшний день в России государство и общество признали существование самой проблемы невозможности инвалидам-колясочникам вести полноценную жизнь – является большим шагом вперёд, поскольку раньше в любой исторический период таких мер по поддержке такой социально-незащищённой части населения как инвалиды практически не существовало. Также во времена СССР отношение самого общества к инвалидам было другим, более негативным и избегающим». Под влиянием западной культуры и западного менталитета отношение к различным меньшинствам в российском обществе претерпело значительные изменения, в том числе и к инвалидам. Таким образом, все описанные постепенные процессы инклюзии колясочников в общество, их эксклюзии из группы аутсайдеров, новое самопозиционирование колясочников в обществе, а также реализуемые государством программы адаптации и реабилитации инвалидов в совокупности могут привести к изменениям в самой системе общества.

Список литературы

1. Конвенция о правах инвалидов, официальный сайт ООН: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability, (дата обращения: 10.02.2017).
2. Астоянц М.С. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия //М.С. Астоянц, И.Г. Россихина //Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. - №12.
3. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: современная версия //Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон – М.: Эксмо, 2002.
4. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Социология: Энциклопедия //сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003.
5. Зурабов М.Ю., Сафонов А.Л., Российская энциклопедия по охране труда //под.ред. В.К. Варова, И.А. Воробьёва, А.Ф. Зубкова, Н.Ф. Измерова. 2007.
6. Карпенко Л.А. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах //ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского — М.: ПЕР СЭ, 2006.
7. Кузнецова Л.П. Основы технологии социальной работы: Учебное пособие – Владивосток, Изд-во ДВГТУ, 2002.

8. *Холостов Е.И.* Социальная работа: теория и практика: Учеб.пособ //отв. ред. д.и.н., проф. Е.И.Холостова, д.и.н., проф. А.С. Сорвина - М.:ИНФРА-М, 2001.

9. *Ярская В.Н.* Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сборник научных статей и научно-методических материалов – Саратов: Научная книга, 2008.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION: REGIONAL ASPECT

ЛАВРОВА Елена Левонтьевна - аспирант кафедры «Экономика, управление персоналом и маркетинг» ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» (e-mail: elena.lavrova.l@ya.ru).

LAVROVA Elena Levont'evna – Aspirant of the Department «Economics, Personnel Management and Marketing», «Moscow State Humanities and Economics University» (e-mail: elena.lavrova.l@ya.ru).

Аннотация. Охватившая мировое сообщество тенденция к формированию нового экономического пространства на территории Российской Федерации, ввиду присущих ей особенностей, выстраивает специфическую систему экономических отношений, когда на фоне постоянно растущего социально-экономического неравенства территориальных экономик стираются традиционные границы в условиях жизни граждан. Существующая система социального обеспечения, основанная на минимальных стандартах, нуждается в глубокой перестройке, ключевым моментом которой должны стать региональный компонент, ориентированность на качество жизни населения и рост человеческого капитала.

Ключевые слова: социальное обеспечение, региональная социально-экономическая асимметрия, социальный стандарт, качество жизни, человеческий капитал.

Summary. Swept the global community, the tendency to the formation of a new economic space on the territory of the Russian Federation, due to its inherent characteristics, builds a specific system of economic relations, when against the background of growing socio-economic inequality, regional economies erased the traditional boundaries in the lives of the citizens. The current system of social security based on minimum standards, is in need of profound restructuring, the key of which should be a regional component, focus on the quality of life of the population and human capital growth.

Keywords: social security, regional socio-economic asymmetries, social standard, quality of life, human capital.

В последние годы набирает силу и интенсивность, влияющая на трансформацию всех аспектов жизни общества, всепоглощающая глобализация, затронувшая в первую очередь российские регионы и одновременно с ними существующие основы права социального обеспечения, значительной частью которого являются минимальные социальные стандарты.

Современное законодательство Российской Федерации не просто закрепляет, но и гарантирует каждому гражданину право на социальное обеспечение

[16]. В соответствии с этим Конституция РФ прямо указывает на чрезвычайное значение данной сферы в общественной жизни, при этом социальное обеспечение можно рассматривать как важнейший элемент современной системы социальной защиты. Возможности, открывающиеся перед государством, способным эффективно выстраивать и реализовывать социальную политику, в действительности не имеют границ. Сложность структуры, глубина взаимосвязей элементов системы социального обеспечения и ее детерминированность множеством аспектов различных научных областей заключают в себе актуальную проблему для отечественных экономистов в условиях проведения антикризисных социально-экономических реформ.

В научных кругах существует мнение, что социальное обеспечение следует рассматривать, как эффективный инструмент для перераспределения некоторой части валового внутреннего продукта. Суть его состоит в направленности на выравнивание доходов граждан при наступлении страхового случая путем предоставления материальных благ, финансируемых из средств специально созданных фондов в объеме и на условиях, предусмотренных действующим законодательством, для обеспечения определенного социального статуса [6, с. 20-23].

Некоторые исследователи при этом определяют понятие «социальное обеспечение» как распределение средств специализированных внебюджетных фондов посредством выплат пособий и пенсий, а также предоставление социальных услуг конкретным категориям граждан по постоянно действующим основаниям, нормам и правилам, определенным общефедеральным законодательством как обязательные для всех участников и уровней. Совокупность действующих социально-направленных мероприятий при этом подходе рассматривается как прямое действие социальной политики государства и входит в состав государственной системы социальной защиты населения.

По мнению Т.Ю. Барышниковой, понятием социального обеспечения следует считать комплекс мер, реализация которых проводится в объеме и на условиях принятых законодательно обязательств по социальному обеспечению общественных отношений, направленных на социальное обеспечение граждан [2, с. 20].

Обобщая сущностные признаки рассматриваемых точек зрения ученых на понятие социального обеспечения, выделяются такие характеристики, как ориентир на всеобщность социального обеспечения [4], выражаемую в расширении перечня категорий граждан, подлежащих данному виду обеспечения и введения принципиально новых его видов в соответствии с требованиями новых факторов нарушения нормального общественного положения, которые возникли по причинам повреждения здоровья, утрате трудоспособности и др.; введение в систему социального обеспечения понятия дифференцированного подхода к уровню жизни различных категорий и социально-демографических слоев населения; законодательные рамки в отношении минимальных государственных стандартов, рассчитанный исходя из минимального потребительского бюджета; обеспечение правоохранительной деятельности в сфере права человека на социальное обеспечение [7, с. 35-39.]

Данная совокупность достижений социальной политики включает в себе колоссальный скачок в развитии социальных отношений, отражая в ретроспективе становления и развития системы социального обеспечения в России от первых законодательных актов фрагментарного характера начала XX века 1901 и 1903

годов и Страхового закона 1912 года [11, с. 160-165.] до 60-х годов XX века, когда сформировались нормативные, теоретические и идеологические предпосылки самостоятельности права социального обеспечения, что закономерно привело к обоснованию существования новой отрасли права социального обеспечения и позволило на фоне экономических и политических реформ 1990-х гг. новой волне исследований в области теории права социального обеспечения обеспечить перестройку системы социального обеспечения и начать поиск новой концепции отрасли права социального обеспечения [1, с. 8].

Интеграция российского общества в систему международного разделения труда повлекло за собой соответствующую адаптацию действующих правил к системе международного права социального обеспечения. На фоне этих процессов главным шагом к унификации стандартов стало принятие норм, провозглашенных конвенцией Международной организации труда (МОТ), определившей общие принципы построения систем социального обеспечения, их организационно-правовые формы, виды социальных рисков, стандарты в области установления размеров социального обеспечения (к примеру, в Конвенции № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения»). Но следует заметить, что сегодня в российском законодательстве присутствует серьезное несоответствие действующих норм международным стандартам.

Географическое положение, территориальное устройство и особенности социально-экономического развития территорий нашей страны, в значительной степени оказывают влияние на условия жизни граждан. В данных обстоятельствах новым существенным признаком системы социального обеспечения должно стать применение дифференцированного подхода в обеспечении населения с учетом уровня доходов и глубокого анализа условий и качества жизни в конкретных регионах.

По данным аналитиков рейтингового агентства «РИА Рейтинг» [10], отражающих качество жизни некоторых, наиболее репрезентативных по нашему мнению регионов, следует констатировать, что выигрышное положение занимают регионы, в которых развиты экспортно-сырьевые отрасли и тяжелая промышленность (табл. 1).

Таблица 1. Дифференциация некоторых регионов по качеству жизни

Наименование региона	Преобладающие отрасли региона	Рейтинг 2015
г. Москва	торговля, транспорт, гостиничное хозяйство; ресторанные комплексы, развлекательные заведения, здравоохранение, образование, обеспечение безопасности т. п.; машиностроение, черная и цветная металлургия, полиграфия, легкая, химическая, оборонная промышленность	76,2
г. Санкт-Петербург	промышленность, торговля и строительство	75,6
Московская область	промышленность, энергетика, сельское хозяйство, связь и СМИ, транспорт	67,6
Республика Татарстан	нефтегазохимический комплекс	63,9

Наименование региона	Преобладающие отрасли региона	Рейтинг 2015
Краснодарский край	промышленный, строительный, топливно-энергетический комплексы, область информационных и коммуникационных технологий, а также агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплекс	63,1
Белгородская область	металлургическая, химическая, машиностроение и металлообработка, пищевая, промышленность строительных материалов	62,4
Ханты - Мансийский АО - Югра	добыча полезных ископаемых, прежде всего сырой нефти	58,8
Воронежская область	машиностроение, электроэнергетика, химическая индустрия и отрасли по переработке сельскохозяйственного сырья	57,0
Липецкая область	металлургическое производство, сельское хозяйство, туризм	56,5
Свердловская область	чёрная и цветная металлургия, машиностроение и металлообработка, электроэнергетика	55,7
Республика Крым	промышленность (пищевая, химическая, машиностроение, добыча природного газа, добыча строительных материалов, электроэнергетика), туризм, строительство, здравоохранение, сельское хозяйство; действует режим свободной экономической зоны.	30,4
Курганская область	машиностроение, сельское хозяйство	29,2
Еврейская автономная область	сельское хозяйство и растениеводство, транспорт, торговля и общественное питание	26,2
Чукотский автономный округ	горнодобывающая отрасль	25,8
Республика Алтай	сельское хозяйство, животноводство, пищевая промышленность	25,4
Забайкальский край	горнорудная промышленность, животноводство	25,1
Республика Калмыкия	сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственной продукции	23,5
Карачаево-Черкесская Республика	сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, туризм	22,0
Республика Ингушетия	добывающая промышленность, животноводство	18,7
Республика Тыва	аграрно-промышленный комплекс	12,6

Источник: составлено автором по данным РА «РИА Рейтинг».

При этом тяжелая ситуация сложилась в регионах, где граждане в основном заняты в социально-ориентированной сфере (например, обрабатывающей и легкой промышленности, сельском хозяйстве) [6, С. 26].

Тенденции последнего времени к нарастанию межрегиональной диспропорциональности по мнению многих исследователей относятся к числу вопросов, находящихся в центре повышенного внимания различных научных дисциплин. Факторы, провоцирующие региональную социально-экономическую асимметрию часто рассматриваются, как негативно влияющие на экономику страны и требующие прямого государственного регулирования.

Обобщить наиболее распространенный взгляд на проблему экономической поляризации можно с позиции ученых, при которой дальнейшее усиление социально-экономической асимметрии регионов приведет к недостижимому отрыву регионов-лидеров от регионов-аутсайдеров. При этом аналогия выстраивается по примеру беспредельно растущих экономик развитых стран и безнадёжного отставания от них слабых стран. Вследствие подобных предпосылок современное территориальное устройство нашего государства с экономической точки зрения обречено на провал. Исправить ситуацию в этом контексте возможно лишь посредством жесткого вмешательства государства, обеспечив баланс интересов центра и регионов посредством сглаживания диспропорций в региональном социально-экономическом развитии. [14, с. 12-20]. Одновременно с этим опыт последних лет предоставил факты торможения в развитии экономик развитых стран ввиду чрезмерного участия их политических сил в попытках изменить социально-экономическое положение менее развитых стран (санкции Евросоюза и других стран в отношении России), а также бесплодность попыток жестким государственным регулированием извне повлиять на экономический рост (вмешательство США в систему национального хозяйства Грузии и Украины). Подобные случаи могут свидетельствовать о результатах, противоречащих описанным выше закономерностям.

Пропорциональность социально-экономической системы можно охарактеризовать как соответствие предельных границ значений, отражающих качество жизни населения и эффективности экономики по конкретным регионам, а также их структурно-параметрическое соотношение с данными показателями в целом по стране.

В рассматриваемом контексте межрегиональная диспропорциональность социально-экономического развития представляет собой устойчивую асимметричную динамику, которой характерно сильное отклонение показателей качества жизни и эффективности региональной экономики от показателей, отражающих положение всей страны. При этом данный индикатор, отражающий характер социально-экономической асимметрии между доходами граждан в разных регионах, представляет собой максимально интегрированный показатель, включающий в себя целую совокупность разнородных данных. Сюда входит не только уровень дохода и социальной обеспеченности граждан, но и качество питания, уровень культуры, безопасность жизни в регионе, демографические тенденции, окружающая среда и многое другое.

В повседневной жизни оценка качества жизни населения ведется на основе совокупности разносторонних показателей экономической деятельности отдельных граждан и домашних хозяйств [9]. По своей сути это целая система, включающая показатели, определенные сложными статистическими расчетами

и специальной методикой, целью которых является получение реальной картины благосостояния граждан [], определение степени удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей человека. Благодаря проводимым исследованиям существует возможность охарактеризовать состояние социально-экономической системы как в масштабе региона, так и для страны в целом, отражая последствия влияния тех или иных преобразований в сфере социальной политики и их воздействие на благосостояние нации [12, с. 208-223]. Важно подчеркнуть, что определенный уровень качества жизни необходим нормальному человеку, как залог его стремления к признанию в обществе и повышению социального статуса. Мотивация, основанная на удовлетворении человеческих потребностей, способна благотворно влиять в первую очередь на качество человеческого капитала, что является наиболее приоритетной целью социальной политики любого государства и как следствие ведет к укреплению стабильности и эффективному развитию экономики.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что решение вопросов в отношении региональной диспропорциональности лежит в плоскости перестроения действующих принципов на набирающие силу позиции использования стратегии поляризации особенностей территорий [3, с. 15-32] и принципа самоорганизующихся систем [5, с. 16-23]. Современные потребности общества в определенном уровне качества жизни находятся под влиянием естественных процессов формирования единого экономического пространства и нуждаются в инновационных политических и социальных технологиях, основанных на достижениях новой экономики [9]. Введение в систему социального обеспечения концепций, предусматривающих естественно протекающие процессы в рамках рыночных отношений с умеренным государственным регулированием сделают возможным не только нивелирование негативного влияния межрегиональной диспропорциональности, но и позволят сформировать новую концепцию организации социальной политики с участием экономических систем каждой территориальной единицы.

Инновационной составляющей данной концепции является разработка и интеграция комплекса государственных стандартов качества жизни в систему социального обеспечения с учетом особенностей конкретных регионов [9]. Важными условиями при этом станут разработка специальной системы оценки уровня развития социальной сферы, основанной на фундаментальных принципах права социального обеспечения [15, с. 66-69] и формировании регламентных нормативов в рамках единого правового поля, использовании международных критериев и в обязательном порядке предусматривать ответственность за их несоблюдение.

Концепция стандартизации качества жизни выражает собой проявление основных тенденций новой экономики России, детерминирована организационно-технологическими возможностями и социально-экономическими особенностями сферы государственной социальной политики и нацелена на решение задачи воспроизводства человеческого капитала. Она станет новой сферой регламентации важнейших параметров уровня и условий жизни в контексте социальной переориентации рыночной экономики, направлением современной социальной политики.

Началом введения стандартизации в нашей стране следует считать принятие в 1996 году Правительством РФ нормативного акта о социальном обслужива-

нии [17], устанавливающим конкретные объемы и определяющие требования к качеству социальных услуг, порядку и условиям их оказания. Неоднозначность результатов реализации этих мероприятий ввиду отсутствия конкретики в механизмах реализации социальных стандартов выразилась в необходимости пересмотра принятых нормативов и замене данного норматива более совершенным Федеральным законом, вступившим в силу с 1 января 2015, где были основательно переработаны и дополнены большинство положений [18].

Данная инициатива стала следующим шагом на пути реформирования социальной сферы. Но при этом важным требованием к проводимым преобразованиям является их непрерывность и планомерность. Необходимо постоянно развивать систему стандартов социального обеспечения как части общей политики рационализации новой экономики социального государства.

Социальные стандарты, реализуемые по международным принципам, должны основываться на взаимосвязанной совокупности социальных индикаторов, быть научно обоснованы и жестко регламентированы законодательно. Объектом предусмотренных регламентом общественных отношений следует считать как уже предусмотренные виды социального обеспечения в виде денежных выплат и гарантированных услуг, так и все этапы взаимодействия граждан с органами (организациями) по вопросам социального обеспечения, включая документооборот и информационную безопасность [8, с. 52-55].

Значение применения социальных стандартов как части новой социально-экономической политики содержит в себе множество сторон. Оно выражается в той роли, которую играет качество жизни конкретного гражданина в повышении качества человеческого капитала в целом. С точки зрения экономики регионов применение к стандартизации концепций новой экономики позволит естественным путем преодолеть асимметрию в благосостоянии населения, одновременно способствуя решению проблемы бедности и устранению действующего в настоящее время изжившему себя компенсационному принципу социального обеспечения.

Список литературы

1. *Барышникова Т.Ю.* Проблемы реформирования системы социального обеспечения в Российской Федерации: учебно-методическое пособие / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова - Ярославль: ЯрГУ, 2016.
2. *Барышникова, Т.Ю. Кузнецов Ю.А., Рощенко Н.В.* Социальная политика правового государства. Часть первая: Понятие и правовая основа социальной политики. Обязательное социальное страхование: учебное пособие / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова – Ярославль: ЯрГУ, 2012.
3. *Гущина Е.Г., Васильев Е.С., Сизенева Л.А.* Методологические аспекты стратегирования регионального социально-экономического развития России. // Труд и социальные отношения. - 2015. - № 5. - С. 15-32.
4. *Егоров П.А.* Эстетическое пространство в контексте подготовки студентов средней и высшей школы. / В сборнике: Экономические и социальные аспекты государственного и корпоративного управления, 2012. - С. 271-278.
5. *Епифанова Н.Ш.* Роль и место синергетики в эволюционной экономике. // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика - 2010. - № 1. - С. 16-23.

6. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России / Учебник. Серия «Библиотека студента» - М.: Волтерс Клувер, 2004.

7. Зима В.В. Социальное обеспечение как структурный элемент системы социальной защиты населения. // Среднерусский вестник общественных наук. - 2010. - № 1. - С. 35-39.

8. Золотухина Р.В. Практика внедрения административных регламентов предоставления государственных услуг населению в работу центров социального обслуживания. // Работник социальной службы. - 2012. - №2.

9. Литвиненко И.Л. О необходимости реализации государственной инновационно-инвестиционной политики в России. // European Social Science Journal. - 2013. - № 11-1 (38). - С. 378-386.

10. Рейтинг российских регионов по качеству жизни - 2015. ООО Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://giarating.ru>. (дата обращения: 02.02.2017).

11. Семеновых С.М. Предпосылки создания системы социального страхования рабочих в Российской империи в начале XX века / Право и образование. - 2011. - № 4. - С. 160-165.

12. Спиридонов С.П. Индикаторы качества жизни и методологии их формирования. // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. - 2010. - № 10-12. - С. 208-223.

13. Осипов А.Г. Управление территориями. Актуальные проблемы: Монография /под общ. ред. Лесных И.В.– Новосибирск: СГГА, - 2003.

14. Федоляк В.С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития современной России. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. - 2008. - Т. 8. - № 2. - С. 12-20.

15. Филиппова Э.М. О принципах в праве социального обеспечения. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2013. - Т. 13. - № 2. - С. 66-69.

16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) / СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons>. (дата обращения: 02.02.2017).

17. Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02.08.1995 N 122-ФЗ /СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons>. (дата обращения: 02.02.2017).

18. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» / СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons>. (дата обращения: 02.02.2017).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF EXTREM

ШУЛЬГИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – аспирант Майкопского государственного технологического университета (e-mail: sociometriya@mail.ru).

SHULGIN ALEXANDR SERGEEVICH – graduate Maikop State Technological University (e-mail: sociometriya@mail.ru).

Аннотация. В статье проводится исследование экстремальности как социального явления. В частности подводятся основания генетических факторов экстремального поведения. В качестве таковых автор полагает внешние (социальные) факторы и субъективные (присущие личности). Также автор статьи рассматривает социальные и культурные основания предрасположенности к экстремальной деятельности, а также формы реализации экстремальности. Автор исходит из позиции, согласно которой, не вполне корректно сводить экстремальность к интенции на осуществление опасной деятельности. Экстремальность, в том смысле, в каком она рассматривается в тексте предполагает крайне высокую пограничную степень какого-либо проявления.

Ключевые слова: экстремальность, экстрим, социальное поведение, субкультура, экстремальный спорт, социализация.

Summary. In the article the research into extreme as a social phenomenon. In particular, supplied the basis of genetic factors of extreme behavior. As such, the author considers the external (social) factors and subjective (inherent personality). Also, the author examines the social and cultural foundations of predisposition to extreme activities, as well as forms of implementing the extreme. The author proceeds from the position that is not quite correct to reduce the extremity of intention to carry out a hazardous activity. Extreme, in the sense in which it is treated in the text suggests an extremely high degree of border any symptoms.

Keywords: extreme, extreme, social behavior, subculture, extreme sports, socialization.

Стремление быть особенным представляет собой одну из наиболее сильных социальных интенций в современной культуре. Однако общество, напротив, стремится к унификации, способствующей снижению конфликтного потенциала. В результате последовательного развития установок индивидуализма формируется интенция на обособление и отход от усредненных социальных характеристик. Экстремальность в современном обществе представляет собой одну из значимых интенций развития, будучи важным катализатором социального процесса [1].

Предметом рассмотрения настоящего исследования являются функция социализации личности, реализуемая экстремальными субкультурами, что позволяет полагать их в качестве института социализации. Один из первых вопросов, возникающих при рассмотрении экстремальных субкультур с позиции реализации функции социального института, заключается в том, о каком характере социализации идет речь и насколько она универсальна для всех представителей

данной субкультуры? В частности, говоря о характере социализации, мы имеем в виду такие типы социализации как первичная, вторичная, компенсаторная. Так, актуальным вопросом, в данном случае, является статус социализации индивида в указанной сфере по отношению к общесоциальному статусу индивида.

В частности, в одних случаях можно говорить о попытке ухода от социальной реальности и замещении одного типа социализации личности другим, что приводит к выводу о маргинальности определенной экстремальной субкультуры. В других случаях, социализация в системе экстремальной субкультуры является дополнительным социализирующим основанием личности. В некоторых случаях можно обнаружить характеристики элитарной культуры в сфере экстремальности, особенно в тех случаях, когда речь идет о высоком уровне материальной затратности определенного экстремального направления.

Рассмотрение экстремальной субкультуры в качестве института социализации предполагает определение ее в терминах социальной системы. В этом отношении мы отталкиваемся от базового утверждения, что социализирующую функцию реализует каждая социальная система в процессе естественного обновления, на уровне вхождения в нее новых индивидов, а также в связи с социальной динамикой, предполагаемой в ее структуре. Рассматривая экстремальную субкультуру в качестве института социализации, невозможно обойти стороной вопрос статусно-ролевого набора представителей данной субкультуры и социального института. В данном случае, рассматривая данные формы объединения индивидов, на основе сходства интересов, мы рассчитываем обнаружить внутреннюю структуру, определяющую упорядоченность данного сообщества.

Особенностью экстремальных субкультур, как института социализации является высокий уровень ценностной, мировоззренческой нагруженности в сочетании с экстремальностью, которая характеризует повышенный уровень независимости индивида от «нормального» уровня организации социальной жизни. Подобное обстоятельство обуславливает актуализацию теоретического интереса к экстремальным субкультурам, в рамках общей парадигмы социально-гуманитарного познания. Актуальным вопросом, также, является определение конструктивного и деструктивного потенциала экстремальных субкультур.

Теоретический интерес представляют как молодежные неформальные экстремальные субкультуры, в том числе и протестного характера, так и институционально оформленные направления, выражающиеся в таких понятиях как «экстремальные виды спорта», «экстремальные направления туризма». Институциональное оформление экстремальных форм деятельности характеризуется такими показателями как существование разветвленных классификаций экстрима с обозначением наименований данных направлений, наличие определенных норм и правил, присущих каждому из направлений, реализация социальной функции идентификации индивидов в рамках данных локальных социальных групп (реализация функции социального признания), наличие, пусть даже упрощенной, статусно-ролевой дифференциации. Кроме того, для институциональных моделей экстрима характерен принцип дополнительности социализации личности. Социализация индивида в одной из экстремальных субкультур, в большинстве случаев, не вырывает его из общей социальной системы. Поэтому такие представители экстремальных субкультур участвуют в самых разных социальных процессах, реализуют различные социально-значимые функции в рамках выбранной гражданской профессии, которая, в том числе, служит мате-

риальной базой для развития в экстремальной сфере. В этом смысле, исследование роли экстремальных субкультур в обществе трудно переоценить.

При рассмотрении экстремальных субкультур, с позиции реализации социализирующей функции, актуализируется вопрос разграничения данных субкультур по степени открытости, а также по критерию легитимности. Так, например, большинство экстремальных видов спорта являются доступными для многих индивидов и при этом не нарушают общественный порядок. Общее понятие «экстремальный туризм» включает в себя ряд направлений, связанных с преодолением стихии на земле, в воде и воздухе. При этом, институционализация экстремальных видов спорта в современном мире является маркером все большего социального признания экстремальных субкультур. Одно из объяснений данного явления связано с научно-техническим прогрессом и глобальными тенденциями социокультурного развития, в результате чего человек утрачивает естественную связь с природой, а его жизнь замещается системой социально-ролевых функций. При таком ракурсе, субкультура экстрима, в свою очередь, реализует важнейшую социальную функцию, связанную со снижением уровня социальной напряженности, тем самым, минимизируя конфликтогенный потенциал социальной системы.

Не последним фактором в оценке места экстремальных социальных движений в системе общества является социально-стратификационная принадлежность представителей этих субкультур. В частности, среди институционально оформленных направлений экстремальных видов спорта существует серьезный уровень различия в предъявляемых материальных требованиях к индивидам. Связано это с тем, что ряд направлений экстремальных видов спорта предъявляет высокие требования не только к уровню физического развития человека, но и к уровню экипировки. Таким образом, экономическая сфера жизни общества чутко реагирует на запросы представителей экстремальных субкультур, что говорит о прочной включенности экстремальных направлений спорта в общую социальную систему.

Экстремальные субкультуры представляют собой достаточно сложное социокультурное явление. Основные теоретические затруднения связаны с конкретизацией содержания и объема понятия «экстремальная субкультура», что предполагает соотнесение с одной стороны с «не экстремальным» состоянием общества и индивида в нем, а также с иными формами экстрима, такими как различные формы экстремизма, статус которых не позволяет их однозначно отнести к экстремальным субкультурам.

Важный методологический шаг в исследовании социальных функций экстремальных субкультур состоит в формировании адекватной исследуемому объекту рабочей классификации экстрима, а также в определении факторов, отвечающих за первичное обращение индивидов к данной субкультуре. Естественно, в данном случае следует учитывать медиа-представленность экстремальной субкультуры, уровень репрезентативности экстремальных моделей поведения (в том числе и на уровне спортивной деятельности), а также фактор личностной предрасположенности и общей социокультурной детерминированности экстрима.

Сущностная классификация экстрима предполагает уже его первоначальное определение в более общей системе, то есть ответ на вопрос: формой, или новизинностью чего является экстрим. Поскольку данная операционализация по-

нения экстрим носит характер промежуточного исследовательского результата, воспользуемся общенаучным методологическим разграничением предмета и объекта исследовательской практики с целью конкретизации обозначенной теоретической задачи.

Экстрим, сам по себе, или какая-либо его разновидность, может быть объектом научного познания, но не может быть непосредственным предметом, поскольку предметность, или опредмеченность познания предполагает конкретизацию теоретического аспекта, в рамках которого производится рассмотрение объекта. Основные теоретические контексты, в которых производится рассмотрение экстрима, связаны или с интенциями на определение социальной природы экстремальности, или с выходом на уровень экзистенциальных оснований экстрима, что связано с такими концептуальными построениями, как идея подлинного и неподлинного существования, а также понятие «пограничных ситуаций», в свете которых пробуждается экзистенция личности.

Рассмотрим вариативность генетической составляющей. Ориентированность индивидуального сознания на экстремальную деятельность обусловлена совокупностью причин. По природе они делятся на индивидуальные (связанные с совокупностью особенностей личности) и социокультурные (обусловленные спецификой внешней среды). Среди индивидуальных причин современные исследователи выделяют склонность к экстремальности (экстремпарантность). Так, с позиции Е.О. Кубякина, современная молодежь склонная, как к совершению экстремальных поступков, так и к радикальным действиям – бессознательно не определена [3]. Существует грань между проявлением склонности к экстремальности и самой склонностью. Наличие предрасположенности может присутствовать в человеке всю его жизнь и не проявиться, может проявиться в конструктивной сфере (экстремальная профессия, такая как служба в МЧС, на опасных объектах, воинская служба и т.д.). Также присутствуют варианты непосредственного проявления экстремальности в официальных и неофициальных способах времяпрепровождения. Речь идет и об экстремальных видах спорта и о таких родах деятельности как диггерство, промышленный альпинизм.

Мы солидарны с позицией Е.О. Кубякина, согласно которой проявление склонности к экстремальности формируется и направляется внешней средой, ее состоянием и культурным содержанием [3]. Не секрет, что желание героизма подчас толкает молодых людей не только на нечто благое и конструктивное, например самоотверженное спасение других, доблестная служба, опасная, но нужная профессия. По статистике, множество молодых людей ежегодно погибает, пытаясь сделать нечто экстраординарное, «пощекотать нервы», «почувствовать адреналин». Для других характерны сублимативные модели поведения. Среди деструктивных моделей сублимации экстремальной природы можно назвать тягу к преступной среде, фанатичной борьбе за идеалы и ценности (подчас, неважно какие), стремление к разрушению устоев общества. Так в своем исследовании Е.О. Кубякин показывает, как экстремпарантность влияет на проявление тенденций экстремизма в молодежной среде [2].

Внешние основания. Для общества традиционно свойственны некие нормы поведения. Сравнительно безопасные и отработанные схемы реализации собственного потенциала. Если реализация соответствует нормам, то поведение человека – нормальное, если нет – девиантное. Учитывая наличие в обществе различных подсистем (например, субкультур) мы приходим к тому, что есть

типы поведения, свойственные определенной части общества, но не свойственные его основной части. Нередко система и подсистемы находятся в состоянии конфликта интересов.

В этой связи, протестность молодежи, ее реакция на сдерживающие факторы социума способна проявляться, как стремление примкнуть к экстремальным субкультурам. При этом, далеко не всегда происходит осознанный выбор. Принятие ценностей экстремального поведения происходит в процессе экстремальной социализации личности. Для среды локальной субкультуры становится необходимым соблюдение норм поведения, в том числе – экстремальных для общества в целом.

Проходя этапы социализации через экстремальность, личность противопоставляет себя обществу вообще и нивелируется в среду субкультуры. Показательно, что и в этом случае, личность стремится к нормальному поведению, только основания нормы смещаются в пользу субкультуры.

Существует также мнимая экстремальность, обусловленная внешней средой. Так, в ситуации, когда человек всю жизнь прожил вблизи вулкана, или иного природного объекта, представляющего опасность, его отношение к обозначенному явлению может не быть обосновано экстримом. Это нормальное состояние личности жить вблизи опасных объектов. Человек привыкает к опасности. Экстремальным является стремление личности к получению некоего ощущения, находясь вблизи подобного объекта или явления, стремление к нему приблизиться из безопасной, знакомой для него среды обитания. Аналогично, существуют страны, в которых боевые действия это нормальное состояние на длительный период. Родиться и жить в этой стране – обстоятельство жизни. Но ехать в страну, для которой состояние войны является нормой для получения ощущений – экстрим.

Список литературы

1. *Иванов Е.В.* Субкультура экстремалов: операционализация понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. №6 С.41-43.
2. *Кубякин Е.О.* Экстремальность и экстремизм: пропедевтика социального основания //Общество и право. 2014. №3 (49) С.265-267.
3. *Кубякин Е.О.* Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность.: монография. Краснодар, 2014.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Обязательное условие публикации работ *соискателей ученых степеней* — рецензии и рекомендации кафедр, отзывы научных руководителей. Экспертиза рукописей осуществляется также на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки; 08.00.00 — экономические науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Материалы представляются напечатанными в 2-х экземплярах через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа + электронный носитель; *поля*: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Термины и аббревиатуры, впервые встречающиеся в тексте, следует раскрывать (кроме общеупотребительных).

Объем: статей 8–24 страниц А4, аспирантских исследований — до 12, студенческих учебно-исследовательских работ — 5, рецензий — 4.

Страницы текста должны быть *пронумерованы*.

К рукописи прилагаются *на русском и английском языках*: 1) *авторская справка*: (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 2) *аннотация (резюме)* не более 15 строк; 3) *список ключевых слов* — до 7.

Ссылки на источники и литературу даются в квадратных скобках *в тексте*: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]; список использованной литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала работы на русском, после них — на иностранных языках). *Автор несет ответственность* за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы (2 экз.) посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправок по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49, каб. 211. E-mail: makarova@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. При положительном решении *автор берет обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода*.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

№ 1(29) 2017

Технический редактор	- К.А. Антонов
Компьютерная верстка	- К.А. Антонов
Корректор	- П.А. Егоров
Дизайн обложки	- О.В. Кузнецова

Подписано в печать 28.03.17. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 13,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 15.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.